Институт политических исследований

ТУРЦИЯ

Проблемы безопасности и обороны

Аналитические записки
Выпуск 1

32(56)
Т-88
№69

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Выпуск I

ТУРЦИЯ:
ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ

14610

Ереван
"Институт политических исследований" ГНКО

2007

УДК 32.001:327
ББК 66+66.4
Т 889

Т 889 - Турция: проблемы безопасности и обороны. Ереван, Институт политических исследований, 2007. 180 стр.

Редколлегия: Г. Аветисян, А. Айвазян, Л. Андриасян, А. Аршакян, О. Асрян, Г. Демоян, А. Егиазарян, Г. Исагулян, С. Минасян, Н.Паносян, В. Саркисян, Г. Сафарян, Р.Сафрастян

ББК 66+66.4

Сборник включает аналитические исследования по вопросам национальной безопасности, военной и военно-политической систем Турции, которые основываются на современной информационно-аналитической базе широкого характера. Детально представлены концепции и стратегические оценки национальной безопасности и обороны Турецкой Республики, структуры обеспечения национальной безопасности страны, вооруженные силы, стратегические планы модернизации военной промышленности и ВС, спецслужбы Турецкой республики, а также военно-политическое сотрудничество между Турцией и Израилем, перспективы его развития и влияния на проблемы региональной безопасности.
Сборник предназначен для специалистов, а также для тех читателей, кто интересуется вопросами, связанными с проблемами безопасности Турции.

ISBN 978-99941-2-084-0

© Институт политических исследований, 2007 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Михаил Агаджанян
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ТУРЦИИ:
КОНЦЕПЦИИ И ПРИНЦИПЫ 5

Михаил Агаджанян
Левон Овсепян
СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТУРЦИИ 35

Сергей Минасян
ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ 48

Левон Овсепян
СТРАТЕГИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ВС ТУРЦИИ И РАЗВИТИЕ
ЕЕ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА 73

Сергей Минасян
ВЛИЯНИЕ ИЗРАИЛЬСКО-ТУРЕЦКОГО
СТРАТЕГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
НА ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 95

Сергей Минасян
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
ИЗРАИЛЯ И ТУРЦИИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ 117

Арсен Арутюнян
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ТУРЕЦКИХ СЕКРЕТНЫХ
СЛУЖБ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ .. 144

SUMMARIES 165

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ТУРЦИИ: КОНЦЕПЦИИ И ПРИНЦИПЫ

Михаил Агаджанян

Глава 1.

1. КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Отсчёт системным концептуальным разработкам в Турции в сфере обеспечения национальной безопасности государства можно вести начиная с периода 1950-х гг., когда Турецкая Республика столкнулась с угрозами и вызовами, характерными для зарождения мировой биполярной системы, с насущной потребностью определения и развития своих международных и региональных приоритетов, которые бы совмещались с общими императивами «холодного» противостояния двух супердержав.

Необходимо отметить, что в данный период и вплоть до системных сдвигов в международном геополитическом ландшафте начала 1990-х гг. концептуальные разработки Турции в сфере обеспечения национальной безопасности и доктринальные выводы оборонного характера были органично вписаны в общие установки геостратегических и военно-политических интересов главных действующих акторов в институционально-организованной системе коллективной безопасности «сверхрегионального» характера – НАТО[1].

Наиболее отличительным аспектом нынешней внешней политики Турции является то, что она существенно отличается от той политики, которая была у этой страны десятилетие назад. Видный исследователь турецкой внешней политики Зия Онис (Ziya Unis) охарактеризовал Турцию в 1990-х гг. как «принудительную региональную силу»[2].

В 1992 г. начальник генерального штаба Дохан Гюреш (Dopan Gьre°) заявил, что «Турция военное государство»[3].

В этот период Турция рассматривалась как субъект, готовый применять силу, угрожать силой и задействовать другие конфронтационные инструменты внешней политики. На этом фоне, проведение внешней политики в целом осталось ограничено узким кругом элиты, привыкшей смотреть на окружающий мир через перспективу обеспечения национальной безопасности.

В начале и в середине 1990-х гг. некоторые американские военные аналитики подчёркивали перспективу Турции в качестве риска для безопасности на Ближнем Востоке[4].

Другие американские аналитики, выражая те же опасения, шли ещё дальше и указывали на то, что военное сотрудничество США и Турции ведёт к «нарастанию конфликтности в контексте демократизации, прав человека и экономических аспектов, которые определяют интересы Запада в «постхолодный» период международной системы» [5].

Одним из показательных изменений во внешней политики Турции в

1990-х гг. было то, что концепция безопасности стала более усложнённой и многогранной. Наряду с угрозами безопасности традиционного характера, исходящих от государств, Турция столкнулась с угрозами нового вида: организованная преступность, нелегальная миграция, нелегальная торговля оружием и отмывание денег. Одним из существенных последствий данных новых и «неконвенциональных угроз» явилось неизбежное вовлечение военных и других ведомств и Министерства иностранных дел в совместное планирование и осуществление внешней политики. Данные ведомства были представлены Жандармерией, Министерством внутренних дел и даже ведомствами в сфере социальной безопасности, не говоря уже о неправительственных организациях. Как результат, не только большое число различных государственных ведомств были вовлечены в формирование политики в сфере, касающейся вопросов безопасности, но и сама природа данных новых угроз предопределила, что данные ведомства добровольно или неосознанно стали всё больше вовлекаться в региональные и многосторонние проекты и форумы сотрудничества[6].

В самом начале 1990-х гг. для Турции стала нарастать проблема нахождения самостоятельной и максимально самодостаточной ниши в региональном и глобальном масштабе. Поиски решения этой проблемы, подразумевающие освобождение от «назойливой» опеки от вчерашних определителей её приоритетов в вопросах безопасности и военного строительства, продолжаются до сих пор.

Нынешнее руководство Турции, с нашей точки зрения, отдаёт себе отчёт в первостепенной важности формирования на концептуальном уровне самодостаточных стратегических установок регионального и глобального свойства, пусть даже многое из того, что концептуально зафиксированно в качестве приоритетов не имеет на сегодняшний день объективных предпосылок для их реализации в видимой перспективе.

Официальная Анкара строит свою современную концепцию безопасности, основываясь на объективных установках «постхолодного» и нынешнего глобализационно-неустойчивого характера международных отношений, что предполагает нахождение своего особого места в этих отношениях и осознание этого места Турции со стороны других акторов международных отношений в терминах «геостратегическая незаменимость», «геоэкономическая и транзитно-транспортная эффективность», «военно-политическая самостоятельность» и «военная непоражаемость».

В связи с этим актуализируются по нарастающей следующие объективные предпосылки для данной новой роли Турции. «Угрозы и риски, затрагивающие безопасность Турции в период после окончания «холодной войны», значительно отличаются от прежних. Турция находится в самом центре нестабильного региона, и потому её политика в области национальной безопасности преследует цели способствовать снижению напряженности в этом регионе, предотвращать вооруженные конфликты, поощрять уважение к демократии и праву,

создавать мирную и стабильную обстановку безопасности. В связи с геостратегическим и экостратегическим расположением в центре треугольника Балканы, Кавказ и Ближний Восток, где сосредотачиваются новые угрозы и риски, недалеко от районов, богатых природными ресурсами, на перекрестке торговых путей, значение Турции с каждым днем возрастает. Среди основных целей оборонной политики Турции, которые диктуют реалии начала 21-го века, находятся: её превращение в региональную державу и элемент регионального баланса, в страну, вносящую вклад в обеспечение мира и стабильности в регионе, вырабатывающую соответствующую стратегию и безопасность, выдвижение и реализация инициатив, направленных на развитие сотрудничества и сближения государств»[7].

Стало закономерным признание со стороны недавних стратегических оппонентов Турции того, что «...любые новые нюансы в вопросах обеспечения национальной безопасности такой страны, как Турция, находящейся в центре стратегически важного и нестабильного региона, представляют для нас (имеется в виду для российской стороны – прим. автора) повышенный интерес»[8].

Наблюдаемая комплементарность формирующейся ныне турецкой политики в вопросе совмещения своих национальных интересов с интересами главных региональных и глобальных акторов содержит в себе постановку стратегической задачи и однозначный приоритет её решения – «...для обеспечения всех аспектов национальной безопасности (военной, экономической, энергетической, политической), понимая усиление их региональной значимости, Турция активизировала наступательную разновекторную внешнюю политику. Эта политика, наряду с сохранением стратегического партнерства с США, многоплановым сотрудничеством с Россией и Израилем, курсом на вступление в ЕС, предусматривает также развитие разноуровневых отношений с арабскими странами, Ираном, соседними государствами, тюркоязычными республиками бывшего СССР, мусульманскими субъектами Российской Федерации»[9].

Концептуальные разработки обеспечения национальной безопасности Турции не могут на настоящий момент основываться лишь на собственных государственных приоритетах в силу целого ряда объективных факторов разностороннего свойства. Это ведёт к осознанию в высших политических кругах Турции необходимости корреляции собственного внешнеполитического курса с официально провозглашёнными идеологическими установками своих военно-политических союзников, но, вместе с тем, осознаётся также и необходимость акцентирования своей посреднической, связующей и адаптирующей роли в реализации данных идеологических установок. Указанное особенно рельефно наблюдается вокруг идеологической наполняемости и политической реализации инициированного со стороны глобального актора проекта «Большой Ближний Восток». Как отмечал по этому поводу непосредственно премьер-министр Турции Р.Эрдоган «Анкара четко сформулировала свою позицию в отношении ближневосточных

проблем задолго до того, как инициатива «Большой Ближний Восток» стала излюбленной темой газетных статей и теледебатов. Наша страна выступает за более демократичный, свободный, открытый и мирный Ближний Восток, который должен стать регионом с эффективным управлением и экономикой. Это не беспочвенный идеализм. Национальные интересы Турции требуют, чтобы по соседству находились мирные и стабильные государства, с которыми она могла бы взаимодействовать на всех уровнях. Таким образом, цели Турции согласуются с позитивными задачами проекта «Большой Ближний Восток». ...Благодаря своему уникальному географическому положению Турция может стать политическим, экономическим и культурным буфером между граничащими с ней регионами и Западом в целом. С продвижением процесса вступления Турции в ЕС ей будет легче выполнять эту роль»[10].

Последним по времени программным документом в сфере обеспечения национальной безопасности страны является принятая на заседании Совета национальной безопасности Турции (Milli Guvenlik Kurulu - MGK) 24 октября 2005 г. Концепция национальной безопасности (Milli Guvenlik siyaset belgesi – MGSB). Подобный предыдущий документ был согласован и утвержден на заседании Совета национальной безопасности (СНБ) Турции в 1997 году. Несмотря на то, что международная обстановка, сложившаяся к началу XXI века, потребовала нового переосмысления общей ситуации вокруг Турции и внутри страны, приоритетов турецкой внешней и внутренней политики и возможностей её ресурсного обеспечения, особенно в контексте последовавших после 11 сентября 2001 г. событий, концепция 1997 г. сохраняет свою актуальность и многие её принципиальные положения коррелируют с ныне проводимым политическим курсом Турецкой республики.

Принципиальные положения предыдущей концепции 1997 г., сохранившие свою внутри– и внешнеполитическую востребованность, можно представить следующим образом.

Политика национальной безопасности Турции в своей основе содержит новые реалии «постбиполярного» периода международных отношений, которые заключаются в том, что: 1) особое значение для Турции приобрело функционирование на международной арене ряда суверенных субъектов, а также отдельных анклавов и целых исламских и тюркских регионов, в той или иной степени тяготеющих к Турции исторически; 2) стали проявляться принципиально новые политические функции Турции в планах Запада по отношению к государствам Южного Кавказа и Центральной Азии; 3) были инициированы попытки переосмысления роли Турции в военной организации НАТО в сторону повышения её веса, исходя из объективных военных (вторая по «конвенциональной» мощи армия в НАТО) и геополитических, а также геоэкономических (стратегическое расположение, транзитно-транспортная роль) факторов. В результате различного рода конфликтов, охвативших соседние и прилежащие к Турции регионы, она оказалась в эпицентре международной напряженности и нестабильности, превратившись из фланговой страны НАТО в «прифронтовое государство»[11].

Конкретные направления военно-политического курса реализации концепции национальной безопасности государства, перед которыми стоит задача приспособления всей системы национальной безопасности к эффективному реагированию на современные угрозы и вызовы внешнего характера, могут быть сведены к следующим общим положениям: 1) Турция последовательно проводит политику наращивания боевой мощи вооруженных сил за счет повышения их мобильности, ударной и огневой мощи, которая умещается в общие рамки программы по сокращению численности вооружённых сил с параллельным повышением уровня боеспособности всех соединений и увеличением их возможностей в контексте механизмов «быстрого реагирования»; 2) столкнувшись с угрозами и вызовами смешанного внутри- и внешневоенно-политического характера (курдский вопрос), Турция реализует программу увеличения формирований жандармских войск, с одновременным повышением их функциональной нагрузки в контексте достижения ими уровня реальной способности по эффективному противодействию угрозам территориальной целостности турецкого государства[12]; 3) повышение эффективности системы национальной разведки и военно-мобилизационного развертывания как необходимых условий боеготовности вооружённых сил и повышение возможностей гражданской обороны.

Военно-политические угрозы и вызовы Турции, с нашей точки зрения, являются наиболее актуальными для неё, что предполагает тесную взаимозависимость между военно-политической составляющей обеспечения национальной безопасности страны с другими сферами и направлениями такого обеспечения. Данная взаимозависимость особенно рельефно наблюдается, если проводить параллели между политикой обеспечения национальной безопасности Турции в конце 90-х годов и политикой начала XXI века.

Политические цели обеспечения национальной безопасности, которые могут быть в целом определены как обеспечение внутренней стабильности государства, усиление позиций в региональных союзах, укрепление политического веса во взаимоотношениях с партнерами и конкурентами, сочетаются с экономическими целями по наращиванию промышленного потенциала, обеспечению расширенного доступа к внешним сырьевым источникам, расширению рынков сбыта национальной продукции, постепенному снижению финансовой зависимости от Запада.

Наряду с политическими и экономическими целями общего международного свойства немаловажное значение имеют и региональные цели, основывающиеся на стратегических преимуществах Турции в контексте её регионального положения и предполагающие последовательный и необратимый процесс по количественному и качественному наращиванию данных преимуществ.

К региональным политическим целям Турции можно отнести: 1) вступление в ЕС; 2) сохранение своей ведущей роли на южном фланге

блока НАТО и последовательное укрепление этой роли; 3) укрепление мусульманских общин на Балканах и в юго-восточной Европе (Босния и Герцеговина, Албания, Косово, Македония, Румыния, Болгария), на Кипре; 4) последовательное наращивание «идеологического» давления на соседние страны и глобальных акторов, заключающееся в укреплении своего имиджа наиболее удобного медиатора и канала в сфере предотвращения и урегулирования ныне существующих и потенциально возможных региональных конфликтов[13]; 5) «материальная» наполняемость вышеуказанного «идеологического» давления в виде наращивания своего политического веса, экономического и военного потенциала в региональном и внерегиональном масштабе; 6) усиление своего влияния на тюркские государства и государственные образования в составе других региональных и прилежащих государств (Албания, Босния и Герцеговина, Азербайджан, государства Центральной Азии, Аджария, тюркские общины Крыма и Гагаузии, тюркские республики Российской Федерации); 7) формирование и развитие институциональных структур регионального характера, предполагающих лидирующую роль Турции в их функционировании.

Региональные экономические цели Турции заключаются в: 1) увеличении экономической мощи страны, ориентированной на создание не только региональных параметров данной мощи, но и создание предпосылок для внерегиональной экономической экспансии; 2) доступ к стабильным энергетическим источникам и превращение своей территории в важнейший транспортно-транзитный канал доступа к энергетическим региональным и внерегиональным источникам для глобальных акторов; 3) ориентирование товарных и в перспективе информационных потоков через свою территорию; 4) расширение доступа к региональным рынкам сбыта своей продукции.

На стыке второго и третьего тысячилетий для успешного достижения поставленных перед Турецкой Республикой целей военно-политическое руководство определило потенциальные угрозы турецким национальным интересам, которые в свою очередь были подразделены на внешние и внутренние. Внешние угрозы глобального характера выражались в сохранении ядерного потенциала развитых государств и возможности его широкого применения; эскалации противоборства в системе «НАТО – радикально настроенные мусульманские страны»; распространение в мире оружия массового поражения и средств его доставки; перерастание локальных и региональных конфликтов в крупномасштабную войну с вовлечением в неё Турции; экологические, техногенные и другие катастрофы глобального характера.

Внешние угрозы регионального характера рассматривались в контексте конфликтов на Балканах; массовой реэмиграции турок из европейских стран; сокращения западных инвестиций; кипрской проблемы; эскалации конфликтов в сопредельных странах, перерастания локальных конфликтов в региональные войны; наличие группировок вооружённых сил России в регионе; вытеснение Турции конкурентами.

Внутренние угрозы, подразделяемые на экономические, социальные, военные и экологические, оценивались с позиций опасности: потери внешних сырьевых рынков; сокращения объемов иностранной экономической и военной помощи; роста дефицита бюджета и темпов инфляции; роста безработицы, преступности, терроризма; борьбы курдов за отделение и создание независимого государства – Курдистана; раскола единства нации на почве конфронтации сторонников прозападного и исламского пути общественного развития; боевых действий курдских вооруженных формирований; эскалации подрывных акций против Турции по периметру её границ; втягивания Турции в конфликты, противоречащие её национальным интересам; экологической катастрофы в зоне проливов[14].

Общие принципы стратегии Турции в сфере обеспечения национальной безопасности официально сводятся к четырём основным положениям, преемственность которых в тандеме «Концепция 1997 - Концепция 2005» особенно очевидна по первым трём принципам и имеет существенную новизну в отношении четвёртого принципа, актуальность которого несравненно возросла для этой страны после 2001 г.:

«1. Наличие сдерживающей силы для защиты существующих балансов и национальных интересов от симметричных угроз вокруг;

2. Принятие необходимых мер против угроз, направленных на нарушение территориальной целостности страны, национального единства и существующего режима;

3. Защита прав и интересов на Кипре, который составляет основной пункт безопасности страны в Восточном Средиземноморье;

4. Предупреждение новых международных рисков и ассиметричных угроз, в частности деятельности международного терроризма в стране и причинения им вреда интересам вне страны»[15].

Относительно новой роли Турции в региональной системе безопасности акцентируется её неоценимый и во многом незаменимый потенциал в выстраивании эффективной архитектуры общей безопасности на региональном уровне, причём рамки самого региона рассматриваются максимально широко и включают в себя географический ареал, начиная от восточной Европы и дальше на страны Ближнего Востока, с потенциальным распространением «новых технологий» в сфере обеспечения эффективного функционирования механизмов безопасности в виде мер по укреплению доверия и безопасности. В связи с этим отмечается, что «Турция, придерживаясь активной политики, направленной на создание мирной зоны в своих окрестностях, и в области безопасности является источником идей и движущей силой регионального сотрудничества. Видение Турции относительно Мер по укреплению доверия и безопасности (МУДБ) определено следующим образом: «Не вступая в конфликты интересов с соседними и другими странами региона, развивать направленное на создание взаимного доверия и долгосрочной региональной стабильности сотрудничество, опирающееся на общие интересы, то есть, на общее стремление к безопасности». В духе данного видения по сегодняшний день на региональном уровне было обеспечено участие в деятельности МУДБ через

Пакт Стабильности в Юго-Восточной Европе и Документ о Мерах по укреплению доверия и безопасности в военно-морской области на Черном море, осуществлены двусторонние мероприятия в сфере МУДБ с Болгарией, Македонией, Албанией. Продолжаются работы по созданию режима МУДБ с Грецией[16], Сирией и Грузией»[17].

Также в общей канве идей адаптации региональных механизмов обеспечения безопасности заинтересованных государств к императивам современных угроз и вызовов находятся инициативы Турции по формированию и развитию такой нетипичной для периода биполярного противостояния институциональной структуры, какой ныне выступает Соглашение о Черноморской военно-морской группе «» («Блэксифор»). Соглашение подписано 2 апреля 2001г. в Стамбуле. «Впервые в мировой практике шесть причерноморских государств – Россия, Турция, Болгария, Грузия, Румыния и Украина – договорились о создании многонациональной военно-морской группы с гибкими функциями для использования в чрезвычайных ситуациях на Чёрном море. Российская сторона, как и Турция, высоко оценивает это соглашение[18]. Эта совершенно новая модель многостороннего регионального сотрудничества флотов причерноморских государств позволяет проводить совместные политические и военные консультации, поисково-спасательные и гуманитарные операции, морское разминирование, совместные учения, экологический мониторинг. Наряду с этим, возникновение новых угроз и вызовов ставит перед «Блэксифором» важные дополнительные задачи, а именно — организацию совместной борьбы с терроризмом, незаконным оборотом оружия массового уничтожения и наркотиков. Сегодня, считают турецкие эксперты, стоит задача по адаптированию этой структуры к оперативному реагированию на эти угрозы и вызовы в таком важном регионе, в частности, с точки зрения транспортировки энергоресурсов, каким является Черноморский регион»[19].

Инициативы в отношении органичного вписывания Турции в общую ткань коллективной безопасности универсального характера строятся на данный момент вокруг довольно амбициозных проектов в виде саморекламы своей кандидатуры на занятие места в составе Совета Безопасности ООН в перспективе 2009-2010 гг[20]. При этом объективные предпосылки этому, кроме прочего, представляются Турцией в контексте того, что постоянно растёт её активное участие в деятельности таких международных организаций, занимающихся реализацией политики в области безопасности, как НАТО, ОБСЕ, равно как других региональных структур, и происходит выполнение взятых на себя международных обязательств.

Отметим общие положения Концепции национальной безопасности Турции 2005 года. Очевидно, что сам анализ этих положений может носить предположительный характер, учитывая закрытость исследуемого документа и вытекающую отсюда секретность многих принципиально важных тезисов последней по времени «красной книги» Турции. Просочившиеся в прессу отдельные положения концепции

2005 г. высвечивают принципиальные подходы нынешнего политического руководства Турции к осознанию нынешних угроз и вызовов национальной безопасности государства, что предполагает адаптацию системы обеспечения национальной безопасности страны к этим угрозам и вызовам и её усовершенствование.

Отличительной чертой новой концепции является то, что теперь вопросы безопасности Турции рассматриваются не только через призму её межгосударственных отношений с другими странами, но и с точки зрения наличия потенциально опасных регионов, региональных конфликтов и деятельности различных радикальных организаций, представляющих опасность для Турции и её интересов. В проекте документа отсутствовал перечень стран, которые могут представлять угрозу для Турции, хотя они легко узнавались. В окончательном варианте представлены не только «регионы с потенциальными рисками», но и страны, имеющие к ним отношение, а также государства, отношения с которыми являются для Турции приоритетными[21].

«Турецкие политологи в ходе анализа положений концепции обратили особое внимание прежде всего на трактовку в этом документе вопросов, имеющих прямое или косвенное отношение к процессу начавшихся переговоров по вопросу полноправного членства Турции в ЕС. Это проблемы турецко-греческих отношений, кипрского урегулирования, геноцида армян, курдский вопрос. Так, в окончательном варианте документа зафиксировано положение о том, что Турция может квалифицировать в качестве «казуса Белли» (причины для объявления войны) расширение Грецией территориальных вод в Эгейском море до 12 миль. В концепции также отмечается, что более чем по ста спорным островам в этом море не следует делать никаких уступок, а необходимо проводить решительную политику по защите национальных интересов. Примечательно, что в «красной книге» раскрыта и конкретная причина такой жесткой позиции турецкой стороны. Она заключается в трёх решениях греческого парламента, принятых в 1994, 1996 и 1998 гг. и признающих, в частности, геноцид армянского народа в Османской империи. В документе отмечается, что позиция Турции по вышеуказанным вопросам может быть пересмотрена в сторону смягчения лишь в случае отмены этих решений парламента Греции[22]. Что касается кипрского вопроса, то в новой концепции сформулирован однозначный тезис о том, что Кипр может быть признан Анкарой, а для его кораблей могут быть открыты морские и воздушные порты Турции только в случае всеобъемлющего и справедливого решения проблемы острова.

Еще одним районом с потенциальными военными рисками в «секретной конституции» назван Северный Ирак. Здесь интерес представляет тот факт, что в документе сама возможность образования курдского государства не отождествляется с мотивом для начала военных действий. Вместе с тем в новой концепции подчеркивается, что действия курдских группировок в Киркуке и в отношении тюркмен в Северном Ираке могут создать серьезную проблему, которая

представляет угрозу для стабильности и безопасности всего ближневосточного региона.

Обращает на себя внимание то, что в документе впервые - в соответствии с реалиями сегодняшнего дня - особо отмечена очерёдность новых угроз и вызовов, которые представляют опасность для Турции. По степени опасности они распределились следующим образом: сепаратистская и клерикальная деятельность, международные террористические и радикальные религиозно-экстремистские организации, наркотрафик, незаконная миграция и похищение людей. Турецкие эксперты обращают внимание на тот факт, что по сравнению с аналогичным документом 1997 г. в перечне угроз отсутствуют крайне правые националистические организации.

При этом в документе констатируется, что «Турция находится под угрозой международного терроризма, который находит поддержку и на части турецкой территории». Здесь указывается Рабочая партия Курдистана (РПК), которая вместе с «Аль-Каидой» и «Хизбуллах» (турецкая разновидность «Хизбаллы») включена в список организаций, олицетворяющих перечисленные в «красной книге» угрозы и вызовы.

В документе впервые прописано понятие обеспечения национальной экономической безопасности, которая названа одной из важнейших функций государства. При этом отмечается, что одним из направлений решения этой задачи с учётом геополитического и географического положения Турции является её превращение в мировой транзитный пункт для перекачки и хранения энергоресурсов»[23].

В своём последнем по времени промежуточном докладе о прогрессе Турции на пути к вступлению в ЕС Европейская Комиссия отметила, что «Статья 2а Закона Турции о Совете национальной безопасности[24] предусматривает широкое определение национальной безопасности. Никакие меры не были приняты, чтобы увеличить гражданский контроль над Жандармерией. Последняя является частью армии и работает под руководством генерального штаба, а также под началом министерства внутренних дел в условиях исполнения правоохранительных обязанностей»[25].

2. ПРОТИВОРЕЧИЯ В СИСТЕМЕ СОВМЕЩЕНИЯ ДВУХ ПРИНЦИПОВ ТУРЕЦКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА: ТРАДИЦИОННОЕ ПОНИМАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ

В контексте эффективного обеспечения национальной безопасности государства, эффективного извлечения преимуществ из своего стратегического положения на стыке Запада и Востока, планомерного и поступательного формирования и развития самостоятельного политического курса перед Турцией стоят сложные задачи. Совмещение приоритетов нынешних внутриполитического и внешнеполитического курсов страны, к которым можно соответственно отнести внутригосударственную стабильность, пресечение тенденций

сепаратизации отдельных регионов на юго-востоке страны и вступление на правах полноправного члена в ЕС, во многом носят некорректируемый характер, имеющим большую долю противоречивости. «Успехи» в сфере подавления сепаратизма автоматически приводят к потерям на направлении евроинтеграции, и обратно – дополнительные «очки» на пути евроинтеграции можно получить в контексте приверженности защите прав человека, но при этом страдает внутригосударственная компонента приоритетного характера – повышение уровня реализации и гарантированности прав человека на индивидуальном уровне в турецкой специфике будет означать, возможно уже необратимый, подъём коллективных прав ныне дискриминируемых национальных меньшинств государства.

«Оппоненты полноправного членства Турции в ЕС обычно оперируют экономическими[26] и культурными аргументами. Напротив, сторонники вхождения Турции в состав ЕС, с другой стороны, обычно указывают на сотрудничество Турции в вопросах европейской безопасности, её неоспоримое геостратегическое положение. В то же время, достаточно спорным представляется вопрос – даст ли Турции это сотрудничество в сфере европейской безопасности в будущем полноправное членство в ЕС или ограничится нынешним привилегированным партнёрством? Сильнейшие аргументы в пользу членства Турции в ЕС в основном связаны со сферой безопасности – сотрудничество в рамках Европейской политики в сфере безопасности и обороны[27] облегчит трансформацию ЕС в глобального актора в сфере безопасности, поможет ЕС в его миссии по выходу на страны Ближнего Востока и будет служить примером для развития этих стран. Однако, более внимательный взгляд на ЕС и Турцию как политических акторов обнаруживает, что эти аргументы недостаточны. Роль Турции в вопросе обеспечения европейской безопасности может быть эффективна, только если она по-настоящему признает ценности свободы, демократии, верховенства закона и прав человека. Несмотря на отдельные конституционные и законодательные изменения, Турция не достигла большего на желаемом направлении; реформы и гармонизация законодательства осуществляются выборочно»[28].

В обоснование необходимости включения Турции в программы обеспечения европейской обороны и безопасности и в связывание этого вопроса с получением статуса полноправного члена ЕС высокопоставленные военные Турции акцентируют, в частности, следующие доводы. «Как член НАТО Турция уже обладает всеми дорогостоящими инфраструктурными средствами обслуживания, необходимыми для эффективных военных операций для обороны ЕС. Поэтому, вступление Турции в ЕС не будет требовать никаких радикальных мер или дорогостоящих изменений в сфере обеспечения безопасности. Адаптация многих новых членов в системы обороны ЕС вызвала бы проблемы в виду обладания ими старыми советскими системами оружия и стандартами обучения. Имея долгий опыт сотрудничества и применения тех же доктрин обороны, систем оружия, процедур обучения и уже ус-

тановленной стандартизации, которые существуют в рамках НАТО, Турция могла бы добавить умножающийся положительный эффект к европейской безопасности и системам обороны»[29].

Определённые подвижки в консерватизме высших военных кругов Турции по вопросу традиционного осознания путей обеспечения национальной безопасности страны заметны и в основном концентрируются вокруг временами возобновляющейся полемики о преимуществах и недостатках евроинтеграции Турции. В целом позиция высших военных известна: полноправное членство Турции в Европейском Союзе – это взаимовыгодное направление обеспечения национальной безопасности самой Турции в частности и всей европейской безопасности в целом. Каких-нибудь три или четыре года назад однозначность этого тезиса не всеми признавалась[30], причём, что самое интересное, скептизицм явно или косвенно выражался из уст высших должностных лиц в сфере обеспечения национальной безопасности государства. Ярким подтверждением этому стали слова Генерального секретаря СНБ Турции генерала Тунджера Килинча (Tuncer Kilin) на военной международной конференции в Стамбуле (март, 2002 г.) о том, что ЕС был «христианским клубом» и что он был «неоколониальной силой, решительной в вопросе раздела Турции». Он высказался за свёртывание усилий, направленных на членство страны в ЕС, и изыскание других путей, включая более тесные отношения с Россией и Ираном. Его противоречивые высказывания спровоцировали бурные общественно-политические дебаты. Начальник генерального штаба Хусейин Кыврыкоглу заверил общественность в том, что генерал Килинч выразил своё личное мнение, а также подчеркнул, что для военных членство в ЕС является геостратегической целью[31].

В мае 2003 года во время проведения той же военной международной конференции заместитель начальника генштаба Яшар Бююканым сделал следующее заявления: «Я в очередной раз заявляю о позиции вооружённых сил Турции: вооружённые силы Турции не могут быть против Европейского Союза, потому что Европейский Союз является геополитическим и геостратегическим конечным условием для осуществления цели модернизации, которую Мустафа Кемаль Ататюрк выбрал для турецкой нации»[32].

В последнем тезисе нынешнего начальника Генерального штаба Турции заложены концептуальные противоречия, степень жёсткости которых быть может тогда не совсем осознавалась, но на нынешнем этапе всё явственее проявляется. Концептуальность данных противоречий состоит в том, что сами устои Турецкой республики, основывающиеся на провозглашённом Кемалем Ататюрком принципе национализма, могут быть «размыты» в процессе дальнейшей евроинтеграции страны.

«Западные дипломаты и прозападно настроенные турецкие аналитики все чаще говорят о том, что национализм, а также роль «национального государства» в современной жизни Турции, являются потенциальным препятствием на пути вступления страны в ЕС. В Брюсселе и Анкаре национализм часто толкуют по-разному, и причиной этого является различие исторических ситуаций, в которых рождались Европейское Сообщество и современная Турция. Основатели ЕС в 1950-х гг. создавали союз, целью которого было преодоление раскалывавшего Европу и воинствующего национализма, ставшего причиной двух мировых войн и разрухи на европейском континенте в первой половине 20-го столетия. Что касается Турции, то в этой стране национализм сыграл ключевую роль в истории современного турецкого государства. Отец-основатель современной Турции Мустафа Кемаль Ататюрк создал новую нацию и саму турецкую национальную идентичность. Именно в начале 1920-х гг. появилась мифология турецкого национализма, и с тех пор и до настоящего времени национализм продолжает играть важную роль в укреплении Турецкой республики.

Подавляющее большинство турок и, что ещё важнее, командование турецких вооруженных сил хранят верность националистическому наследию Ататюрка. В одной из своих речей в бытность главнокомандующим турецкими сухопутными силами генерал Бююканым заявил, что «наше понимание [дела] основано на том, как Ататюрк понимал национализм». Агентство «Anatolia» передало также следующие слова генерала: «Разумеется, мы будем любить наш народ, и мы будем ненавидеть тех, кто его не любит». Влиятельные турецкие генералы продолжают относиться с подозрением к намерениям Европы. Европа «хочет изменить нашу национальную культуру, навязывая чужие ценности, моду и языки, которые не соответствуют турецким обычаям и традициям», – пожаловался в 2005 г. начальник турецкого генерального штаба генерал Хильми Озкек. Подобные настроения не могут не беспокоить руководство ЕС, стремящееся к созданию единой европейской идентичности. Кроме того, они усиливают существующие в некоторых столицах ЕС сомнения в том, сможет ли Турция, со своим многочисленным населением и культурными традициями, не испытывая трудностей, интегрироваться в союз»[33].

«Серьезные препятствия на пути Турции в ЕС остаются как в самой Турции, так и в Евросоюзе. Но все же самые серьезные проблемы не в руководстве ЕС и не в населении стран Европы, а в самой Турции. Хотя ситуация в области прав человека заметно улучшилась за последнее время, до европейского уровня ещё далеко. В этом смысле интересно выступление начальника генерального штаба турецкой армии, в котором он заявил, что Турция имеет национальные интересы на Северном Кипре, что обвинения в геноциде армян в 1915 г. безосновательны, что американцы недостаточно жёстко преследуют курдских террористов на севере Ирака. Нельзя забывать, что армия продолжает играть важную роль в политической жизни Турции. Генералы поддерживают вступление в ЕС, но только до тех пор, пока это не посягает на существующий строй, а это неизбежно, так как принципы ЕС и современного турецкого режима несовместимы»[34].

«Существенное влияние вооруженных сил на судебную власть и на политическую повестку дня всё ещё чувствуется. Один из примеров

этому – дело «Шемдинли»[35] (Şemdinli), когда прокурор был уволен в декабре 2005 г., потому что он обвинял командующего сухопутными войсками генерала Бююканыта в организации незаконной группы для планирования серии взрывов, нацеленных на провоцирование волнений на юго-востоке страны. Взрывы привели к бунтам в этом регионе Турции. Комиссар ЕС по вопросам расширения Олли Рен в отношении данного дела отметил, что «случай поднял сомнения не только по поводу методов вооружённых сил страны в борьбе с Рабочей Партией Курдистана, но также и по поводу независимости судебной власти в Турции»[36].

«Когда в ходе интервью было упомянуто, что военные были гарантами секуляризма и демократии, Олли Рен сказал: «ЕС не хочет подстрекать исламистов в Турции. Я могу гарантировать вам это». Он также вспомнил, что прошлые усилия турецких вооруженных сил, по вмешательству для предотвращения распространения исламских школ в Турции терпели неудачу»[37].

«Военные согласились с проведением реформ, необходимых для вступления в ЕС, так как они верят в то, что членство в Союзе может обеспечить решение многих важных задач Турции, включая курдский вопрос, исламизм, который «делает успехи», и экономические трудности. В то же время, характер вызова для военных носит требование ЕС по вовлечению различных слоёв населения в процесс проведения реформ, угрожающее единству страны, защитником которого вооружённые силы являются в стране в целом и в своих собственных рядах в частности. Военные показали себя более гибкими и прагматичными, чем это обычно осознаётся за границей, и способными постоянно совершенствовать принципы кемализма. Если вооруженные силы Турции будут полностью убеждены, что ЕС может заменить их как защитника стабильности Турции, которая ещё не имеет место, то они могут отойти на «задний фон». Но, если по дороге к вступлению в ЕС терроризм курдских сепаратистов усилится или исламисты получат слишком много мест в государственных учреждениях, то тогда турецкий генеральный штаб может отказаться оставить все свои нынешние полномочия»[38].

Одним из важных аспектов политической культуры Турции, который стал интегральной частью политической жизни страны и одновременно затрагивает концептуальный срез подходов Турции к обеспечению собственной национальной безопасности, является сохранение опасений в том, что внешний мир таит планы по ослаблению и разделу государства. Проецирование из относительно недалёкого прошлого представлений о том, что Турция является страной, окружённой врагами, которые весьма предприимчивы и могут действовать сообща, не потеряло своей актуальности и сегодня. Данный феномен часто именуется как «Севрофобия»[39]. По своей сути он выражает опасения, что Севрский договор 1920 г. будет возрождён. «Севрофобия» очень близко ассоциируется с длительной турецкой традицией видения мира с перспектив «realpolitik».

«Севрофобия» стала важна не только из-за того, что она конс-

труировала подобие фильтра, через который шло мироощущение, но и в виду того, что политическая элита получила возможность манипулирования данным феноменом для формирования и направления «нужного» отношения общественности к внешнему миру. В такой же манере, национальная безопасность стала определяться и её обеспечение стало реализовываться с учётом угроз, реальных или мнимых, которые могут подорвать территориальную целостность Турции. Как отметил один из турецких экспертов, «страх потери территорий стал всепроникающим»[40].

В Турции военные играют определяющую роль в увековечивании «Севрофобии». Турецкая культура национальной безопасности, которая находится под огромным воздействием военного истеблишмента, до сих пор подчёркивает мышление и анализ, отягощённые «Севрофобией». Вместе с тем в Турции присутствует точка зрения, что «Севрофобия» и другие «фобии» турецкой политической культуры являются атрибутами отягощённого традиционализмом подхода, который необходимо менять или, как минимум, переосмыслить: ««Север» – это одна из первых вещей, которую турецкая молодежь изучает в школе. И она клянётся – «никогда Севру». Старой Турции бросает вызов новое поколение непредубеждённых турок, которые сыты по горло «исламофобией», «курдофобией» и «севрофобией» традиционной элиты»[41].

1. «При всех правительствах Турции отношения между Анкарой и Вашингтоном, Анкарой и НАТО оставались краеугольным камнем турецкой внешней политики» (А.А. Родионов [Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Турции в 1974-1983 гг.], Турция – перекрёсток судеб. Воспоминания посла, М., 2006, с. 148).
2. Ziya Önis, Turkey and the Middle East after September 11: The Importance of the EU Dimension // Turkish Policy Quartely, Vol. 2, No. 4 (Winter 2003), pp. 84-85.
3. Cizre Sakallioglu, The Anatomy of the Turkish Military's Autonomy // Comparative Politics, Vol. 29, No. 2, 1997, pp. 157-158.
4. Jed Snyder, Turkey's Role in the Greater Middle East, JFQ Forum (Autumn 1995), www.dtic.mil/doctrine/jel/jfq_pubs/1609.pdf.
5. Michael Robert Hickok, Hegemon Rising: The Gap Between Turkish Strategy and Military Modernization // Parameters, Vol. 30, No. 2, Summer 2000, pp. 105-106.
6. Kemal Kirişci, Turkey's Foreign Policy in Turbulent Times, Institute for Security Studies (European Union), September 2006, http://www.iss.europa.eu/chaillot/chai92.pdf.
7. Альманах «Турция 2005»: http://www.byegm.gov.tr/YAYINLARIMIZ/kitaplar/turkey2005/index.htm.
8. А.А.Гурьев, Региональный аспект национальной безопасности Турции, http://turkey-info.ru/observers/national_secutiry.html. 27.12.2005.
9. Там же.
10. Реджеп Тайип Эрдоган, Широкий взгляд на Большой Ближний Восток // «Россия в глобальной политике», № 4, июль-август 2004.

11. «Начав силовое переустройство арабского мира на Среднем и Ближнем Востоке, войны в Афганистане и Ираке, США обрели жизненную заинтересованность в стабильности и благополучии в регионе Восточного Средиземноморья. В этой связи геополитическая роль Турции вновь стала ключевой. Стремление Соединенных Штатов как можно скорее поставить знак равенства между составом Евросоюза и НАТО через включение Турции в ЕС позволит США требовать от Европы разделить вместе с Вашингтоном ответственность за развитие ситуации в арабском мире, Персидском заливе, на Ближнем Востоке, взять на себя более серьезную роль на Кавказе и в Центральной Азии» (Александр Рытов, Разделенный остров Афродиты. Кипр после интеграции в ЕС: новая евреальность и старые проблемы // Вестник Европы, 2005, № 13-14, http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/13/ry12.html).
12. «Жандармерия выполняет свои обязанности за пределами границ муниципалитетов провинциальных и уездных центров, которые находятся в зоне ответственности полиции, а также в уездных центрах, где не имеется подразделений полиции. В зоне ответственности жандармерии проживает 35% населения Турции, что составляет 24 миллионов граждан. В летние месяцы эта цифра увеличивается до 48 миллионов (65%). Подразделения внутренней безопасности жандармерии, главной задачей которых является обеспечение безопасности и общественного порядка, имеют структуру, соответствующую административно-территориальному делению Турции. Главное командование жандармерии осуществляет управление подразделений внутренней безопасности с помощью подчиненных ему региональных командований. С учетом состояния безопасности и общественного порядка, дорожных условий и рельефа местности, региональным командованиям жандармерии подчинено различное количество провинциальных командований. Во всех провинциях Турции имеются губернские командования жандармерии. В их структуру входят уездные командования в зависимости от количества уездов, а также созданные по необходимости подразделения по охране объектов, подразделения по охране тюрем, подразделения «коммандос» и подразделения спецназа. Для использования в ситуациях, когда недостаточно сил и средств подразделений внутренней безопасности жандармерии, дислоцированных в соответствии с административно-территориальным делением Турции, специально созданы подразделения «коммандос» жандармерии, а также спецназ жандармерии» (Альманах «Турция 2005»: http://www.byegm.gov.tr/YAYINLARIMIZ/kitaplar/turkey2005/index.htm.).
13. «Нынешняя ситуация на Ближнем Востоке и новая концепция национальной безопасности Турции указывают на то, что Анкара грамотно и гибко реагирует на происходящие в регионе и мире изменения, которые повышают заинтересованность ряда ключевых стран в развитии с ней доверительного диалога. В столицах России, США, Израиля, ряда европейских и арабских стран, а также Ирана понимают, что в длинной цепи ближневосточной политики турецкое звено играет одну из самых важных ролей. Это то звено, «дернув» за которое можно «вытянуть» основные направления своей политики в регионе. Весь вопрос в том, в какой степени и в каком объеме участникам этого процесса удастся при этом сохранить и приумножить свои интересы» (А.А.Гурьев, Региональный аспект национальной безопасности Турции, http://turkey-info.ru/observers /national_secutiry.html., 27.12. 2005).
14. С.М.Задонский, Роль военного фактора во внутренней и внешней политике Турции // Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии (сборник статей), М., 2002, с. 360-364.
Относительно последнего положения – потенциальной опасности экологической катастрофы в зоне проливов, можно отметить продолжающееся напряжение по данному вопросу в отношениях наиболее заинтересованных стран в деле бесперебойного функционирования черноморских проливов –

Турции и России. «В начале апреля 2005 года в Министерстве транспорта России состоялось заседание коллегии этого ведомства, на котором выступил его глава Игорь Левитин. Министр отметил, что в российском правительстве растет обеспокоенность ситуацией в Босфоре, связанная с действиями турецких властей, направленными на ограничение судоходства в проливах. По мнению министра, это вызвано тем, что через черноморские порты проходит 30 процентов российского экспорта нефти. Проблема транспортировки нефти через проливы требует комплексного и системного подхода, одним из направлений которого является разработка альтернативных маршрутов транспортировки нефти в обход черноморских проливов. В связи с интенсификацией судоходства, увеличением габаритов судов и перспективой дальнейшего роста перевозки нефти и нефтепродуктов через черноморские проливы Турция в 1994 году, а затем в 1998 году в одностороннем порядке ввела в действие правила судоходства в проливах, которые предусматривают существенные ограничения транзита крупных нефтеналивных судов. В октябре 2002 года в Турции была принята новая инструкция о применении правил судоходства в проливах. По разъяснениям турецких властей, требования этого якобы чисто внутреннего документа лишь уточняют и детализируют порядок применения уже имеющихся правил и не направлены на их ужесточение. Однако по сведениям, поступающим от российских судовладельцев, введение инструкции привело к значительному увеличению простоев судов в ожидании прохода и соответствующему росту финансовых потерь. Так, по данным Минтранса России, дополнительные расходы на каждое судно составляют в среднем около 80 тыс. долларов за проход. Наиболее существенным из введенных данной инструкцией ограничений представляется применение принципа «одиночного прохода» для судов, перевозящих опасные грузы. На время прохода таких судов встречное движение танкеров в проливах запрещается. Для пролива Босфор плавание танкеров длиной более 200 метров возможно только днем. Все это привело к тому, что на входах в проливы скапливаются и маневрируют на ограниченной акватории в ожидании прохода десятки судов с опасными грузами. Даже в ясную погоду до 40 судов ожидают очереди на входе в Босфор. Кроме материальных убытков, это создает благоприятные условия для актов терроризма, чреватых тяжелыми последствиями. ... В последние годы мировое сообщество все большее внимание уделяет защите морской среды. Об этом свидетельствуют, в частности, акты, принятые Европейским Союзом в связи с гибелью танкера «Престиж». Государства идут на определенные ограничения свободы судоходства в своих экономических зонах и в проливах. В этой связи усилия Турции по регулированию судоходства в черноморских проливах, охране морской среды и защите интересов жителей прилегающих к проливной зоне городов воспринимаются как соответствующие указанным тенденциям и задачам Международной Морской Организации. Российские же доводы и требования в пользу неукоснительного соблюдения положений Конвенции Монтрё 1936 года, предусматривающей свободный проход и плавание в проливах торговых судов днём и ночью без каких-либо ограничений, кроме санитарного контроля, в последнее время не имеют достаточной поддержки ни со стороны упомянутых выше ведущих морских держав, ни со стороны черноморских стран» (А.А. Гурьев, О судоходстве в черноморских проливах, www.iimes.ru., 29 апреля 2005 г.).
15. Альманах «Турция 2005»: http://www.byegm.gov.tr/YAYINLARIMIZ/kitaplar/turkey2005/index.htm.
16. Начальник генерального штаба Турции Яшар Бююканыт (Yaşar Büyükanıt) посетил с официальным визитом Грецию (1 - 4 ноября 2006 г.). Во время встречи с руководителем оборонного ведомства Греции стороны обменялись мнениями по вопросам, представляющим общий интерес и обсудили направления по повышению взаимного доверия и понимания. В частности был затронут вопрос создания Комитета на уровне руководителей оборонных ведомств стран Бал

канского полуострова, который будет периодически собираться для продвижения мер по поддержанию региональной безопасности и обсуждения военных проблем, представляющих общий интерес. Первое заседание данного Комитета планируется провести в Салонниках в начале 2007 г. (http://www.tsk.mil.tr/eng/release/2006/pr05.htm).

17. Альманах «Турция 2005»:
http://www.byegm.gov.tr/YAYINLARIMIZ/kitaplar/turkey2005/index.htm.

18. «Такое положение резко отличается от начала 90-х годов, когда Россия рассматривала Турцию прежде всего как близкого союзника США и своего стратегического соперника в пост-советской Евразии. В 1990-е годы Россия и Турция заняли диаметрально противоположные позиции по целому ряду важнейших вопросов, таких как Босния, Косово и Чечня, что объясняется тесными историческими связями Турции с мусульманскими народами региона и присутствием крупных балканских и кавказских диаспор на её территории. Позиция Турции в НАТО и угроза расширения альянса за пределы Восточной Европы на бывшие советские республики обострили раздражение России. Все эти факторы привели к появлению напряжённости в двусторонних отношениях. Россия отдавала приоритет отношениям с США, Европой и ближайшими соседями из СНГ в то время, как Турция была озабочена стратегическим партнёрством с США, нестабильностью отношений с Грецией и Кипром и прилагала все усилия для вхождения в состав ЕС. На протяжении большей части 1990 гг. Россия и Турция выказывали политическое пренебрежение друг к другу, но торговые отношения между ними активно развивались. Чем объяснить сегодняшнее изменение ситуации? Самыми очевидными факторами сближения являются энергетические отношения и рост торговых и туристических потоков между двумя странами. Если говорить о геостратегическом измерении, то основным мотивом сближения является, по всей видимости, общее чувство разочарования по отношению к Западу. Начиная с 2003 г. потеря обеими странами иллюзий по отношению к США и Европе и растущее желание избежать американского и европейского вмешательства в общую пограничную зону на Кавказе, а также противостояние политике США на Ближнем Востоке объясняют общность позиций России и Турции.
Что касается сферы безопасности, многие спорные вопросы между двумя странами нашли своё решение, что расчистило путь для дальнейшего сближения. Создание Совета Россия-НАТО смягчило удар для России, причинённый расширением НАТО, а отказ Турции в марте 2003 г. предоставить вооружённым силам США свою территорию в качестве полигона северного фронта для войны в Ираке продемонстрировал, что Турция перестала быть «верноподданной» Соединённых Штатов в регионе. Россия и Турция также нашли точки соприкосновения на Среднем Востоке, часто в открытом противостоянии региональной политике США. В силу географического положения и значительности энергетических и торговых интересов в Ираке и Иране, Россия и Турция приложили все усилия для сохранения экономических отношений с этими двумя государствами вопреки давлению со стороны США. Хотя и по разным причинам, но оба государства выступили против американской акции в Ираке и выступают против возможного вторжения США в Иран» (Фиона Хилл, Омер Таспинар, Россия и Турция на Кавказе: сближение ради сохранения статус кво?, Institut Français des Relations Internationales - IFRI (Французский Институт Международных Отношений), январь 2006: http://www.ifri.org/files/Russie/hilltaspinar_russe.pdf).

19. А.А. Гурьев, Ситуация в Турции: август 2006 г., www.iimes.ru.

20. На планируемых в период 63-ей сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2008 г. выборах Турция является претендентом на занятие места непостоянного члена в Совете Безопасности ООН (период 2009-2010 гг.) от Группы западноевропейских и других государств. Турция была непостоянным членом Совета Безопасности ООН в 1951-1952, 1954-1955 и 1961 гг.

«В многокультурном глобальном сообществе Турция осуществляет многовекторную внешнюю политику, которая примиряет Запад с Востоком и Север с Югом. Будь то на Балканах и Восточном Средиземноморье, на Ближнем Востоке, на Кавказе и в Центральной Азии, многорегиональная и многовекторная внешняя политика и политика безопасности Турции будет продолжена в соизмерении с глобальной ролью ООН. Именно исходя из данных соображений Правительство Турции предложило свою кандидатуру на место в Совете Безопасности на период 2009-2010 гг. Участвуя во множестве международных организаций, представляющих различные регионы и культуры, и приобретя опыт из такого участия, Турция удачно расположена для сотрудничества с ООН в деле поддержания международного мира и безопасности и для союза между цивилизациями» (Turkey's Priorities for the 60th Session of the United Nations General Assembly:
http://www.mfa.gov.tr/MFA/ForeignPolicy/InternationalOrganisations/UN/priorities.htm. - официальный сайт МИД Турции).

21. «Примечательно, что премьер-министр Турции, отправляясь 25 октября, то есть на следующий после заседания СНБ день, с рабочим визитом в Кувейт, Йемен и Великобританию, в узком журналистском кругу также затронул тему секретности «красной книги». Отвечая на вопросы журналистов, глава правительства констатировал: «В документе названы соседние и не являющиеся соседними с Турцией страны. Есть положения, связанные с внутренней и внешней политикой, имеющие отношение в том числе и к этим странам. Их эти положения могут обеспокоить. Поэтому с точки зрения национальных интересов этот документ должен быть секретным» (А.А. Гурьев, «Красная книга»: у Турции новая концепция национальной безопасности, www.centrasia.ru., 08.11.2005).

22. Присутствующая на сегодня отнозначно непримиримая позиция Турции в вопросе признания Геноцида армян 1915-1922-х гг. известна. Здесь лишь считаем уместным процитировать выдержку из доклада одного из самых высокопоставленных представителей военного руководства страны (заместитель начальника генштаба, главком сухопутных войск), что даст определённое представление о ракурсе рассмотрения самого вопроса признания или не признания Геноцида армян со стороны турецких высших воинских чинов с позиций защиты национальной безопасности нынешней Турецкой республики, с позиций защиты её территориальной целостности: «Подходы нашей соседней страны – Армении, волнуют нас. Турция желает нормализовать отношения с Арменией. Однако, ... Армения не признаёт территориальной целостности Турции и продолжает осуществлять на международной арене свои усилия для признания так называемого геноцида армян. ...Дискуссии по поводу правового и политического характера этих беспочвенных обвинений были закрыты Лозаннским договором и по данному договору Турецкая республика не унаследовала какой-либо ответственности» (luncheon Remarks by General Ilker Basbug, Strategic Overview on Defence and Security Affairs, 6 June 2005: http://www.tsk.mil.tr/eng/konusma/gnkurlIncibsk_atckonusmasi_eng_06062005.htm).

23. А.А.Гурьев, «Красная книга»: у Турции новая концепция национальной безопасности, http://www.centrasia.ru., 08.11.2005.

24. «Национальная безопасность – защита и поддержание конституционного строя, национального существования и целостности, всех политических, социальных, культурных и экономических интересов на международной арене, а также против любых внутренних и внешних угроз государству».

25. Commission Staff Working Document, Turkey 2006 Progress Report {COM(2006) 649 final, Brussels, 8 November 2006.

26. «Любопытно, что в Турции существует политическое и экономическое лобби, которое утверждает, что турецкая экономика намного больше выиграет, заключив соглашения о свободной торговле с такими странами как Россия, Иран, Китай и Индия, чем строя всю свою внешнеторговую политику на основе существующего таможенного союза с ЕС» (Фиона Хилл, Омер Таспинар, Россия и Тур-

ция на Кавказе: сближение ради сохранения статус кво?, Institut Français des Relations Internationales - IFRI (Французский Институт Международных Отношений), январь 2006: http://www.ifri.org/files/Russie/hilltaspinar_russe.pdf).
См. изложение этой позиции турецким комментатором Хасаном Уналом, «Turkey would be better off outside the EU» [Турции лучше оставаться вне ЕС], Financial Times, 17 December 2004.
27. European Security and Defense Policy (ESDP).
28. Maria Dermendjieva, Turkey's EU Membership From A Security Point Of View // Security Focus and Security Sector Watch, Vol. 4, No. 14, June 2006:
http://www.gcmarshall.bg/site/security/index_en.shtml.
29. Isik Biren (вице-адмирал в отставке), Turkey and EU Security, Zaman, 12 December 2004:
http://www.zaman.com/?bl=whyturkey&alt=allarticles&hn=14658.
30. Вместе с тем, необходимо отметить, что и турецкие высшие военные чины, стоящие на страже светских и демократических ценностей государства, время от времени учитывают динамизм политической конъюктуры и выступают с заявлениями, которые не могут рассматриваться как однозначно «евростремительные».
31. Kemal Kirişci, Turkey's Foreign Policy in Turbulent Times, Institute for Security Studies (European Union), September 2006,
http://www.iss.europa.eu/chaillot/chai92.pdf.
32.www.tsk.mil.tr/genelkumay/bashalk/konusma/sarem/saremaciskonusmasi_290503.htm.
33. Игорь Торбаков, Поддержка турецким обществом интеграции страны в ЕС ослабевает,
http://www.eurasianet.org/russian/departments/insight/articles/eav112105ru.shtml., 7 января 2005.
34. The Economist, 12 May 2005.
35. Город Шемдинли в юго-восточной провинции Турции Хаккяри (Hakkari), где сходятся границы Турции, Ирана и Ирака. Серия взрывов была осуществлена осенью 2005 года. В своём промежуточном докладе о прогрессе Турции на пути к вступлению в ЕС Европейская Комиссия отметила: «В марте 2006 г., доклад комиссии парламента Турции о расследовании дела «Шемдинли» показал существование секретного протокола «О безопасности, общественном порядке и структурах поддержки» (обычно именуемый «EMASYA»). Подписанный генеральным штабом и министерством внутренних дел в 1997 г., этот протокол санкционирует военные операции, которые могут выполняться для целей внутренней безопасности при определенных условиях и без запроса разрешения от гражданских властей. Согласно данному протоколу, вооруженные силы могут собирать сведения о внутренних угрозах безопасности государства» (Commission Staff Working Document, Turkey 2006 Progress Report {COM(2006) 649 final, Brussels, 8 November 2006).
36. William Chislett, Turkey's EU Accession Negotiations: On the Rocks (Working Paper 19/2006), 15 September 2006:
http://www.realinstitutoelcano.org/documentos/255.asp.
37. Olli Rehn, Our relations with Ankara are schizophrenic // Hurriyet, 2 November 2006, http://www.hurriyet.com.tr/english/5356191.asp.
«В сфере нынешней внутренней политики Турции эксперты обратили особое внимание на два послания, с которыми к народу Турции обратились президент А.Н. Сезер и начальник генерального штаба ВС страны, армейский генерал Я. Бююканыт накануне 83-й годовщины со дня образования Турецкой Республики, которую страна отметила 29 октября. Оба высших руководителя государства и армии заострили внимание на существующей опасности религиозного реакционного экстремизма для Республики, основанной на принципе лаицизма. При

этом глава государства, в частности, особо подчеркнул, что необходимо чётко разделять людей верующих и тех, кто пытается использовать религию в своих корыстных целях.
В связи с острой полемикой в стране по этой проблеме ведущие средства массовой информации Турции опубликовали данные доклада, подготовленного Главным управлением по делам религии при аппарате премьер-министра. Они свидетельствуют о том, что за годы нахождения у власти Партии справедливости и развития - с ноября 2002 года по настоящее время — в Турции были дополнительно открыты 1000 курсов по изучению Корана. Всего в стране официально функционирует 7866 таких курсов, которые ежегодно посещают 1 млн человек. В докладе подчеркивается, что 90% обращений с просьбой об открытии таких курсов на юго-востоке Турции по соображениям безопасности не удовлетворяются Главным управлением по делам религии» (А.А. Гурьев, Ситуация в Турции: октябрь 2006 года, www.iimes.ru).
38. William Chislett, Turkey's EU Accession Negotiations: On the Rocks (Working Paper 19/2006), 15 September 2006:
http://www.realinstitutoelcano.org/documentos/255.asp.
39. Имеются и другие терминологические вариации данного феномена – «Севросиндром», «Севрокомплекс».
40. Pinar Bilgin, Turkey's Changing Security Discourse: the Challenge of Globalisation», European Journal of Political Research, Vol. 44, No. 1, January 2005, p. 184.
41. Mustafa Akyol, Forum: Unveiling Turkish conspiracies // The Washington Times, 27 March 2005,
http://www.washingtontimes.com/commentary/20050326-103550-2968r.htm.

ОБОРОННАЯ ПОЛИТИКА И СТРАТЕГИЯ ТУРЦИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Левон Овсепян

После завершения холодной войны политические и особенно военные круги Турции встали перед необходимостью пересмотра и прояснения своей стратегии в политической и оборонной сферах, а также в области безопасности. Изменения и развития в мировой политике после завершения холодной войны вынудили Турцию более осторожно и последовательно уточнять международные и региональные приоритеты и вызовы в сфере безопасности и оборонной политики.

Надо отметить, что участие Турции в Северно-атлантическом блоке и начало холодной войны открыли новый этап в плане обеспечения безопасности и развития оборонной стратегии этой страны[1]. Участвуя в НАТО, Турция стала последовательным выразителем интересов этой военно-политической структуры. В период холодной войны турецкие вооруженные силы имели четкую роль по защите восточной границы НАТО, предупреждая продвижение Советского Союза в средиземноморский регион и на Ближний Восток, осуществляя таким образом «стратегию сдерживания» Северно-атлантического блока. Территория Турции была специальной площадкой для слежения за запусками и испытаниями советских межконтинентальных баллистических ракет и обеспечения электронной разведки[2]. Стратегия безопасности и обороны Турции периода холодной войны полностью укладывалась в стратегические концепции Североатлантического блока и США[3].

В военных планах НАТО определялось, какие территории должна была защищать Турция в случае нападения СССР и войск Организации Варшавского Договора до подключения вооруженных сил ею союзников по НАТО в военные действия. Военные планировщики Турции предполагали после контакта с объединенными силами предполагаемого противника систематизированным отступлением отойти в глубь страны. Оборонная концепция Турции того времени носила исключительно консервативный характер, опираясь на стратегию осуществления военных действий с помощью обычного вооружения. В случае военных действий решение по использованию ядерного оружия, дислоцированного на территории Турции, находилось в исключительном ведении руководства НАТО и США[4].

Фактически было бы неправильно говорить об отдельной оборонной стратегии Турции в период холодной войны, поскольку она носила всю логику и влияние военной стратегии НАТО-США.

Конец холодной войны привел к новым перекройкам мировой политики, в результате чего изменилась вся стратегия оборонной концепции и системы безопасности Турции. Начало новой эпохи поставило официальную Анкару перед некоторыми неопределенностями в

плане выбора дальнейшего пути развития ее внешней политики и особенно стратегии в сфере безопасности. Для Турции первостепенной задачей стало переосмысление в первую очередь требований региональной политики, а также безопасности и обороны. В политических и военных кругах Турции были опасения, что с окончанием холодной войны Турция потеряет свое стратегическое значение для Запада и США и окажется перед опасностью региональной изоляции. Беспокойство Турции заключалось в том, что она могла восприниматься с недоверием или даже с враждебностью со стороны практически всех своих непосредственных соседей.

Конец холодной войны вынудил Турцию активнее вовлечься в региональные процессы, поскольку они открывают для Турции и новые перспективы и новые вызовы[5]. Будучи не принятой со стороны арабских исламских стран Ближнего Востока и отвергнутая Европой, Турция стала искать более твердую стратегию своей внешней политики. Для обоснования своего стратегического значения для Запада и в первую очередь для США, а также обеспечения своей активной вовлеченности в ближневосточном регионе, важным фактором было содействие США со стороны Турции во время первой войны в Персидском Заливе[6].

Примечательно, что Турция предпринимала шаги для выхода с традиционного кемалистского направления «изоляции-нейтральности и собирательной безопасности» и взятия на себя более динамичной роли в ближневосточном регионе.

Генеральным штабом Вооруженных Сил (ВС) Турции, исходя из оценок рисков и вызовов региона, основной задачей обеспечения безопасности и защиты территориальной целостности страны рассматривалась многофронтовая оборона[7]. До середины 1990-х гг. оборонная концепция Турции была основана на логике сохранения территориальной целостности страны посредством сопротивления региональным вызовам.

После окончания холодной войны, Турция, перестав быть «стратегическим барьером» между двумя противостоящими военно-политическими системами, получила в непосредственном соседстве от своей границы «очаги напряжения и горячие точки, которые рассматриваются как вызовы, направленные против безопасности этой страны»[8]. Турецкие военные представители рассматривали Россию, Армению, Ирак и Сирию, как основные источники угроз для Турции, исходя из возможных территориальных притязаний и возможности концентрации вооруженных сил этих стран на границе с Турцией[9]. Бывший заместитель секретаря министерства иностранных дел Турции и посол этой страны в Вашингтоне Шюкрю Элегдаг, выражая, по всей вероятности, подходы военных, считал Армению и Сирию странами, представляющими угрозу для этой страны, и имеющими территориальные притязания в отношении Турции. По его мнению, по сравнению с периодом холодной войны, Турция с начала 1990-х гг. находилась под угрозой втягивания в разносторонние военные действия и должна быть готова, в случае необходимости, вести военные действия с ка-

ким либо из своих соседей. Интересы обеспечения надежной и прочной обороны вынудили Турцию принять оборонную стратегию, основанную на том, что ее вооруженные силы на Эгейском и южном фронтах одновременно равноценны и способны быстро перестраиваться и вести одновременные боевые действия на этих фронтах. В 1990-х гг. военная концепция Турции была основана на стратегии так называемых «двух с половиной войн». Согласно этой концепции, Турция должна быть готова вести широкомасштабные военные действия одновременно на двух фронтах - Эгейском и южном, а так же вести боевые действия внутри страны[10]. Судя по ситуации этого периода, по всей вероятности, учитываются греческий и сирийский фронты. Внутри страны осуществление военных действий было направлено против курдских боевиков – членов Курдской рабочей партии (Partiye Karkaren Kordestan). Согласно данной оборонной концепции, турецкие вооруженные силы должны были быть хорошо тренированны, организованы и вооружены, и иметь перед собой две важнейшие задачи. Во-первых сухопутные войска и военно-воздушные силы должны были быть в состоянии остановить мощное наступление с двух направлений, затем перейти в крепкую оборону. Тем временем другие военные подразделения и жандармские силы, опираясь на силы быстрого реагирования, должны были осуществлять противодействия курдским боевикам внутри страны. В контексте подобного планирования флот должен был осуществлять контроль и передовую оборону в проливе Босфор. Предполагалось, что война будет вестись собственно на территории Турции и от вооруженных сил требовалась тактическая подвижность, в то время как тактика вторжения противника в глубь страны считалась нерешительной[11].

В конце 1990-х гг. командующий сухопутными войсками ВС Турции Хусейн Киврикоглу (в качестве 23-го начальника Генштаба ВС работал с августа 1998 г. до августа 2002 г.) определил основные военные угрозы в отношении Турции: региональные и этнические противостояния, распространение оружия массового поражения (ОМП), религиозный экстремизм, распространение наркотиков и международный терроризм. Избегая называть конкретные страны в качестве источника опасности для Турции, высокопоставленный военный подчеркнул, что армия страны должна быть в состоянии «действовать внешним и внутренним угрозам, которые подвергают опасности территориальную целостность и республиканский строй Турции». В официальных турецких подходах в конце 1990-х гг. возникла принципиально новая стратегия, согласно которой вооруженные силы страны будут готовы предотвратить угрозу и нападения, направленные против Турции до того, как противник вторгнется на ее территорию. Стратегия «превентивного нападения» (forward engagement) Анкары предполагала в случае начала военных действий предупредить вторжение войск противника вне границ страны и последующие вооруженные действия осуществлять на его территории[12].

В основу современной оборонной концепции Турции поставлен тот

принцип, что Турция должна быть готова вести «стратегию 1,5 войн», вместо подхода « стратегии 2,5 войн», которые были раньше. Она предполагает одновременно возможность войны каким-либо государством и «противодействие терроризму» внутри страны (имеется в виду курдские боевики). Оценивая окружающие их страны и исходящую от них опасность, в Турции пришли к выводу, что в настоящее время война на двух фронтах Турции не грозит. В отличии от прежних подходов, Турция не видит реальной опасности ни от Балкан, ни от Кавказа. В настоящее время турецко-греческие отношения достаточно улучшены и для Турции вероятной опасностью считается только развитие событий в Северном Ираке[13].

После распада двухполюсного миропорядка, на Балканах, на Кавказе и Ближнем Востоке образовавшийся силовой вакуум увеличил глобальные притязания и геополитическую уязвимость этих регионов. Турция, которая находится в центре таких нестабильных регионов, как Кавказ, Ближний Восток и Балканы, в основу оборонной политики ставит национальную независимость, территориальную целостность и защиту насущных интересов страны[14].

Основными провозглашенными целями современной турецкой официальной оборонной политики являются: стремление стать региональной державой и фактором регионального равновесия, а также страной, имеющей вклад в дело обеспечения мира и стабильности в регионе. Как отмечают турецкие источники, целью политики национальной безопасности Турции являются способствование ослабления напряженности в регионе и мирному урегулированию конфликтов, расширению уважения к закону и демократии, утверждению безопасности и стабильного состояния[15].

Оценивая создавшиеся геополитические условия, новые требования международной и региональной безопасности, симметричные и ассиметричные угрозы и вызовы национальной безопасности Турции, теперь уже бывший начальник главного штаба ВС Турции Хильми Озкок (в 2002-2006 гг.) в своем интервью, данном в 2005 г. одному турецкому военному журналу, отметил, как симметричные угрозы сепаратистские и реакционные действия, международный терроризм, оборот наркотиков и незаконная миграция, возможная неустойчивость в соседних странах, нежелательные события в Северном Ираке[16], неустойчивость на Кавказе, проблема воды на Ближнем Востоке и распространение ОМП[17,18].

Для достижения вышеназванных целей оборонной политики, военная стратегия Турции основывается на четырех основных принципах.

1. Сдерживание – сохранение таких вооруженных сил, которые в состоянии противостоять угрозам, исходящим из неустойчивого и нестабильного регионального окружения Турции.

2. Управление конфликтами – военное участие, помощь и вовлеченность в конфликты, касающиеся безопасности Турции, мирное решение конфликтов дипломатическими, экономическими и иными средствами, готовность турецких вооруженных сил по ослаблению напря-

жений, предупреждение их перехода в вооруженный конфликт и ограничение вероятных агрессоров.

3. Превентивная оборона - быстрейшее предупреждение вероятного нападения и нейтрализация внешней угрозы.

4. Собирательная оборона – активное участие и вовлеченность в международных и региональных союзах и организациях, в первую очередь НАТО и ЕС. Это положение предполагает также оказание Турцией посредством своих вооруженных сил помощи международным организациям, союзам и отдельным государствам, а также сотрудничество в военной сфере и обеспечение долговременной технической и учебной помощи[19].

Турция в качестве собственной оборонной стратегии обращает серьезное внимание на осуществление миротворческих действий в различных конфликтах. Турецкие ВС в рамках миротворческих сил участвовали в следующих действиях: с 1950 г. в Корейской войне, в 1993 г. в действиях в Сомали, Боснии и Герцеговине, в 1999 г. в Албании, в 2001 г. в Македонии, в 2006 г. - в Ливане. В настоящее время Турция активно участвует в миротворческих действиях, осуществляемых в Боснии и Герцеговине (ALTHEA), Косово (KFOR) и Афганистане (ISAF), в суданской провинции Дарфур, а также в миссиях военных наблюдателей ООН в Хевроне, Грузии, Судане и в Палестине[20].

Внешняя политика Турции, а также стратегии обороны и безопасности носят в себе логику как международных и региональных развитий, так и геополитических оценок и восприятий. С середины 1990-х гг. в научных и политических обсуждениях стала получать распространение так называемая «евразийская концепция». Она принимается, как одна из основных концепций, отражающих турецкую внешнюю политику, геополитическую стратегию и национальную безопасность[21]. Изучая геополитические взгляды и подходы турецких военных, можно сказать, что «евразийская концепция» занимает важное значение также и среди военных кругов Турции. На сайте Министерства обороны этой страны, в разделе, посвященном геополитической и геостратегической роли Турции, отмечено, что Турция, соединяющая друг с другом три материка и имеющая очень важное геостратегическое значение, является одновременно и европейской и азиатской и балканской и ближневосточной и средиземноморской и черноморской страной – т.е. евразийской страной. Занимая в этом евразийском поясе центральное положение, Турция приобрела большую роль в политическом, экономическом и безопастностном отношении[22]. Высокопоставленные военные разделяют тот подход политических деятелей, что Турция - это евразийская стана и должна осуществлять соответствующую политику.

В 1999 г., выступая в Вашингтоне, министр иностранных дел Турции Хикмет Сами Тюрк отметил: «будучи окруженной тремя морями и соединяя друг с другом два материка, Турция занимает уникальное в стратегическом отношении географическое положение. Турция не только обратила свой взор на Восток, но и сохраняет традиционные связи с

мусульманскими странами. Ее корни уходят в Центральную Азию, Ближний Восток, Анатолию и Европу. Турция – это евразийская страна»[23].

Генерал турецкой армии Сади Эргевенч в своей статье обратился к геостратегическому положению Турции, подчеркивая, что географическое положение и военный потенциал страны составляют ее военно-стратегическую ценность. Географическое положение Турции рассматривается, как «завидное военно-стратегическое достоинство». Это дает возможность Турции действовать, как транспортный мост или же препятствие и обеспечивать необходимый и короткий путь к природным ресурсам. Турция может влиять на близлежащие регионы. Подобное географическое положение может рассматриваться как преимущество, однако в случае необходимости требует сильной обороноспособности (вооруженных сил)[24]. Другой генерал - Суад Ильхан, называл Турцию «страной границ»[25].

По определению руководителя департамента политики и планирования Генерального штаба ВС Турции генерал-лейтенанта Хилми Акн Зорлу, Турция, будучи уникальной страной по своему геостратегическому положению страной и находясь «на перекрестке» трех материков, являясь транзитным энергетическим пространством, одновременно не будучи гарантированной от разных вызовов и угроз, исходящих из соседних регионов, вынуждена иметь вооруженные силы, соответствующие военным и политическим требованиям 21-го века[26]. В основе оборонной концепции Турции положена также стратегия развития собственного военно-промышленного комплекса для обеспечения нужд армии и широкомасштабная модернизация ВС. Военное ведомство этой страны, в основе усиления и модернизации, считает существенным наличие и развитие в стране собственного промышленного комплекса для военного обеспечения, основанного на внедрении и содействии военных технологий и наукоемких направлений.

Бывший начальник ГШ ВС Турции Озкок в одном из своих последних выступлений обратился к осевому значению новой концепции «война научной эпохи», которая содержит отличающийся от линейных теорий промышленной эпохи смысл «линейного и нелинейного единства войн 21-го века». Для военных кругов Турции стратегической задачей считается превращение страны в передовую державу региона и достижение превосходства в первую очередь в военном отношении. Х.Озкок в одном из своих выступлений отмечал, что Турция в центре переформировывающейся политической географии находит место, как региональная сила, а первостепенным условием этого является наличие мощных и боеспособных ВС, а также богатой в технологическом и научном отношении[27].

Однако, официальная оборонная политика современной Турции, которой провозглашает ее страной, имеющей вклад в обеспечение мира и стабильности в регионе, политические установки, направленные на выдвижение и осуществление инициатив по взаимодействию и сближению с другими государствами, в действительности не соответствуют ее реальной политической линии, что свидетельствует о не-

конструктивных и даже агрессивных стремлениях Турции. Закрытость армяно-турецкой границы и неконструктивная позиция Турции в этом вопросе, осуществление направленных на изоляцию соседней Армении программ в регионе Южного Кавказа, являются ярким свидетельством этого. Агрессивные стороны политики официальной Анкары в южно-кавказском регионе выявились особенно в ходе карабахского конфликта, когда Турция, хотя и непосредственно не была вовлечена в военные действия, тем не менее была фактически вовлечена в конфликт, предоставляя Азербайджану значительную военную помощь[28]. В настоящее времени Турция продолжает свою политическую линию, направленную против стабильности и мира в регионе, формируя против Армении военно-политический союз с Азербайджаном и предоставляя ему разного типа военную помощь[29].

1 Несмотря на то, что протокол о вхождении в блок подписан 17 октября 1951 г., Турция стала полноправным членом только 18 февраля 1952 г., когда подписала Североатлантический договор. После создания блока Турция предприняла попытки присоединиться к нему, но Дания, Бельгия, Великобритания и Норвегия, являющиеся членами блока, были против членства Турции в НАТО. И только благодаря помощи США путем участия в Корейской войне Турция получила поддержку этой страны в вопросе вхождения в НАТО. См. подробнее: Косиков А.С. Военно-политический потенциал Турции // Институт Ближнего Востока, http://www.iimes.ru.

2 Sadi Erguvenc. Turkey,s Security // Perceptions, Journal of International Affairs, June-August 1998, vol. 3, N 2, http://www.mfa.gov.tr/perceptions.

3 Будучи членом НАТО Турция в плане становления своей военной системы и особенно получения военных дотаций и приобретения вооружений была в значительной зависима в первую очередь от США. Только в 1946-1987 гг. со стороны США трансферты турецким вооруженным силам составили в общем 8,8 млрд. долларов. С 1982 г. США посредством своей «Программы военной помощи», Фонда экономической помощи и «Программы международного военного обучения» выделяли Турции 700-800 млн. долларов в год. Кроме того, США до настоящего времени имеет право использовать 6 военных баз, находящихся на территории Турции (Инджирлик, Умурталик, Диарбекир и т. д.). См.: http://www.hist.net/kieser/mak8/McGhee1990.html.

4 Michael Robert Hickok. Hegemon Rising: The Gap Between Turkish Strategy and Military Modernization // The Eurasian Politician - Issue 3 (February 2001). http://www.cc.jyu.fi/~aphamala/pe/issue3/hickok.htm.

5 Henri J. Barkey. Turkey and The New Middle East, A Geopolitical Exploration, Reluctant Neighbour, Turkey,s Role in the Middle East. United States Institute of Peace Press, 1996, pp. 30-31.

6 Вторжение Ирака в Кувейт в 1990 г. дало возможность президенту Турции Тургуту Озалу показать США, что Турция пока еще может иметь серьезную геостратегическую роль во внешнеполитической стратегии США, участвуя в военных действиях против Ирака. Пока Озал настаивал на необходимости стратегического вовлечения в проблемы Ирака, военные и дипломатические внутри страны круги были более склонны сохранять традиционный нейтралитет в ближневосточном регионе. Именно этим обстоятельством объясняется отставка в 1990г. начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Турции Неджипа Торумтая.

В дальнейшем, не отказываясь от основных принципов кемализма, высокопоставленные военные страны стали убежденными сторонниками активной внешней политики Турции. См. Dietrich Jung and Wolfango Piccoli. Turkey at the Crossroads, Ottoman Legacies and A Greater Middle East, London & New York, 2001, p. 142.

7 Michael Robert Hickok. Указ. соч.

8 http:/www.strana-oz.ru.

9 Michael Robert Hickok. Указ. соч.

10 Sukru Elekdag, 2 ½ War Strategy // www. mfa.gov.tr/perceptions/.

11 Michael Robert Hickok, Указ. соч.

12 См. там же.

13 Арменпресс, 28.03.2006.

14 См. официальный сайт вооруженных сил Турции: http://www.tsk.mil.tr/eng/genel_konular/savunmapolitikasi.htm.

15 Almanak Turkiye 2006. http://www.byegm.gov.tr/YAYINLARIMIZ/kitaplar/turkiye2006/turkey/244-245.htm.

16 Высокопоставленный военный в качестве угрозы имеет в виду нарушение территориальной целостности Ирака и возможность создания курдского государства.

17 На церемонии, посвященной окончанию срока военной службы, Х.Озкок в своем прощальном выступлении подробно остановился на ядерной угрозе. По его мнению, очень важную угрозу для Турции представляют те страны, которые имеют или собираются иметь ядерное оружие, и если невозможно будет решить этот вопрос дипломатическим путем, то Турция столкнется с серьезным вызовом. По его словам, в этом случае Анкара потеряет в ближневосточном регионе свое стратегическое превосходство. Генерал не назвал ни одну страну, однако ясно, что речь шла об Иране. Турецкие военные в очередной раз подчеркнули, что они против ядерной программы Ирана, и это рассматривается ими как угроза будущему и безопасности Турции. Из выступления Озкока следует также, что Турция тоже может создать ядерное оружие, исходя из необходимости поддержания регионального паритета. См. подробнее: http/:www.zhamanak.com, 30.08.2006.

18 Ordu değişime hazır // Milliyet, 03. 05.2005.

19 См. официальный сайт национального министерства обороны Турции: http://www.msb.gov.tr/Birimler/GnPPD/GnPPDBeyazKBol1Kis2.htm.

20 Almanak Türkiye 2006. http://www.byegm.gov.tr/YAYINLARIMIZ/kitaplar/turkiye2006/turkey/246-247.htm, s 246-247.

21 См. подробнее о политических подходах вокруг понятия «Евразия» в Турции: Safrastyan R. The Concept of Eurasia and Turkey's Regional Strategies, http://www.globalpolitician.com.

22 http://www.msb.gov.tr/Birimler/GnPPD/GnPPDBeyazKBol1Kis2.htm.

23 Hikmet Sami Turk, Turkish Defense Policy, http://www.washingtoninstitute.org. (с января по май 1999г. он занимал пост министра национальной обороны, а после – министра юстиции в правительстве Бюлента Эджевита).

24 Sadi Erguvenç. Указ. соч.

25 Генерал в отставке С. Ильхан в своей статье отмечает: «Турция занимает центр мирового острова, состоящего из трех материков, и играет роль ключа, открывающего север в сторону юга, юг в сторону севера, запад на восток и восток на запад. Она соединяет и разъединяет Балканы, Кавказ и Ближний Восток. Географическое положение в регионе приобретает все большее значение в условиях всевозможных изменений». См. Подробнее: Suat Ilhan, Geopolitical Developments and the Turkish World // Eurasian Studies, TIKA, Vol.2, #3, 1995, p.25.

26 Выступление руководителя Главного департамента политики и планирования Генерального Штаба ВС Турции генерала Хилми Акн Зорлу на конференции, посвященной 20-летию основания Секретариата оборонной промышленности Турции. См. сайт Секретариата оборонной промышленности Турции: http://www.ssm.gov.tr/browser_tr.asp?srcURL=library/docs/tr/kurumsal/SSM_20_yil.htm&title=.

27 Özkök, Türkiye bölgesel güç olacak, http://www.haber7.com.

28 В основе оборонной политики Турции придавалось большое значение ограниченному, но действенному влиянию на карабахский конфликт, поскольку военной победой Азербайджана было бы обусловлено дальнейшее осуществление пантюркистских планов внешней политики Анкары. О военной помощи, предоставленной Азербайджану, более подробно см.: Агаджанян М., Асатрян Э., Минасян С. Азербайджан против народа Карабаха: политико-правовые последствия агрессии и их влияние на перспективы региональной безопасности. Ереван, 2006.

29 В начале 2007 г. стало очевидным, что помощником министра обороны Азербайджана будет назначен один из генералов ВС Турции. Предполагается, что до 2011 г. в этой стране поступят на военную службу еще несколько турецких генералов для осуществления реформ в азербайджанской армии. Согласно некоторым сведениям, в 2007 г. будет также увеличено число турецких офицеров в азербайджанских ВС. Арменпресс, 07.01.2007.

СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТУРЦИИ

Михаил Агаджанян
Левон Овсепян

В рамках текущего процесса реформирования в Турции, направленного на получение статуса полноправного члена Европейского Союза, наиболее «чувствительными» представляются реформы в военной сфере и сфере национальной безопасности, которые преследуют цель ограничить роль военных в различных областях общественно-политической жизни страны и утвердить демократический контроль над сферой обеспечения национальной безопасности государства.

Правительство Турции предприняло в последнее время целый ряд шагов, направленных на осуществление конституционно-правовой реформы, которые касаются различных сфер общественно-политической системы страны. В ряду данных шагов одной из наиболее проблематичных задач выступает установление контроля за органами безопасности государства, и в более общем контексте – задача реформирования утвердившейся после 1960-х гг. крепкой связи между политической властью и военными[1].

Важные и существенные подвижки в сфере реформирования системы национальной безопасности Турции затронули прежде всего наиболее влиятельный военно-политический орган государства – Совет национальной безопасности (Milli Güvenlik Kurulu).

Значительное место Совета национальной безопасности (далее СНБ) в современной системе государственной власти Турции имеет свои корни в послевоенной истории страны и представляет собой один из показательных примеров сохранившегося влияния турецкого военного истеблишмента на внутригосударственные общественно-политические процессы.

Прототипом современного СНБ Турции можно считать сформированный в апреле 1933 г. Высший совет обороны Турции, в функциональные обязанности которого входило проведение заседаний по вопросам, имеющим отношение к сфере обороны страны. Заседания проходили под председательством президента или премьер-министра страны с участием начальника генерального штаба и министров-членов Совета[2].

Этот орган заменил собой созданный в 1949 г. Высший совет национальной обороны Турции, в компетенцию которого входило принятие и реализация решений в сфере политики национальной обороны и других, связанных с первой, областях[3]. В обязанности Высшего совета национальной обороны, кроме прочего, входила разработка политики национальной обороны и контроль за реализацией положений данной политики, подготовка плана всеобщей мобилизации и, в случае необходимости, его реализация, представление взглядов о национальной обороне Совету министров государства[4].

Военный переворот 27 мая 1960 г. явился первым проявлением прямого вмешательства армии в политическую жизнь страны. Одновременно эта акция привела к определенной эволюции политической системы и усилению в ней роли армии. В частности, организаторы переворота предусмотрели создание в структуре органов исполнительной власти Совета национальной безопасности, который постепенно приобретал главенствующие позиции по отношению к правительству.

В соответствии со статьей 111 Конституции Турции 1961 г. членами СНБ являлись президент, премьер-министр, ряд членов кабинета министров, командующие родами войск и жандармерией. Председательствовал на заседаниях СНБ президент, а в случае его отсутствия — премьер-министр. В указанной статье Конституции говорилось: «СНБ рекомендует Совету министров основные необходимые направления для принятия решений по вопросам национальной безопасности и координации», т. е. Конституция, как и Закон №129 от 19 декабря 1962 г. о создании СНБ, отводила ему роль совещательного и консультативного органа[5]. Однако политическая практика тех лет свидетельствовала о другом.

Несмотря на провозглашенный консультативный характер СНБ, его рекомендации фактически были обязательны для правительства, которое, не принимало по существу ни одного важного решения в политической области без обсуждения и утверждения его на заседаниях СНБ, где доминирующую роль играло высшее руководство армии. По прошествии 10 лет – к 1970-м гг., - участие СНБ в разработке политического курса и решении конкретных вопросов внутренней и внешней политики стало настолько обычным, что турецкая газета «Milliyet» писала: «Статьей 111 турецкой конституции предусматривается и узаконивается участие в политической жизни вооружённых сил, их регулирующая и направляющая роль»[6].

Пришедшие в ходе переворота 12 сентября 1980 г. непосредственно к политической власти в стране военные круги реорганизовали СНБ в нужном для себя направлении - в составе Совета остались только командующие родами вооружённых сил и жандармерией. Председатель СНБ, начальник генерального штаба Турции генерал Кенан Эврен (Kenan Evren) одновременно взял на себя полномочия главы государства[7].

СНБ сконцентрировал в своих руках весь спектр государственной власти и управления, а также получил определённое подобие учредительной власти: согласно утвержденному СНБ 27 октября 1980 г. Закону №2324 «О конституционном устройстве», призванному подвести юридическую базу под действия военной администрации, СНБ объявлялся высшим законодательным органом страны, а его председатель генерал К. Эврен — главой государства. 20 сентября 1980 г. было сформировано правительство, которое возглавил бывший командующий ВМС, отставной адмирал Бюлент Улусу (Bulent Ulusu). В состав этого временного правительства вошли в основном технократы и бывшие высокопоставленные военные. Кабинет министров находился

под полным контролем СНБ и практически не обладал какой-либо инициативой, все его решения и мероприятия подлежали утверждению Советом.

СНБ отменил Конституцию 1961 г. и ряд других законов, распустил все политические партии и профсоюзы (за исключением профсоюзной конфедерации «Тюрк-Иш»), почти все общественные организации и запретил политическую деятельность[8].

Учредительная власть СНБ проявилась в том, что сразу после сентябрьского переворота генерал К. Эврен заявил, что Конституция 1961 г. привела к вырождению демократической системы в Турции. Было объявлено о проведении широких законодательных преобразований, включавших разработку проекта новой конституции[9], законов о политических партиях и выборах, а также о пересмотре других законов, регулировавших политические, экономические, административные, социальные и иные вопросы. Для разработки законопроектов в октябре 1981 г. на основании Закона СНБ №2485 от 29 июня 1981 г. было создано Учредительное собрание. Его верхней палатой стал СНБ, нижней — Консультативный меджлис, 165 членов которого не избирались, а были специально подобраны властями из числа кандидатов, представленных в СНБ администрацией на местах. Комиссии Консультативного меджлиса разрабатывали проекты законов, которые затем рассматривались на заседаниях депутатов и передавались в СНБ. Последний имел право вносить в законопроекты любые изменения без повторного одобрения Консультативным меджлисом.

Проект новой Конституции Турецкой республики был утвержден СНБ и опубликован как Закон №2709 от 18 октября 1982 г[10]. Председатель СНБ генерал К.Эврен стал президентом страны, поскольку согласно статье 1 временных положений конституции с объявлением о вступлении в силу новой конституции «председатель СНБ и глава государства на момент референдума приобретает статус президента республики».

В соответствии с нормами новой конституции 1982 г. было изменено правовое положение СНБ. Если раньше решения СНБ по вопросам выработки, определения и проведения в жизнь государственной политики в области национальной безопасности носили по конституции консультативный характер, то теперь они становились обязательными для исполнения. Особенно можно подчеркнуть положение статьи 118 действующей Конституции Турции 1982 г., в соответствии с которым «решения о мерах, которые СНБ сочтет необходимым принять в вопросах сохранения существования и независимости государства, целостности и неделимости страны, обеспечения мира и безопасности общества, принимаются правительством во внимание в первую очередь».

Статья 118 Конституции Турции закрепила конституционные основы современного положения СНБ в системе государственной власти страны. В соответствии с данными основами СНБ возглавляется президентом страны и включает в себя следующих должностных лиц:

премьер-министр, начальник генштаба, министр национальной обороны, министр внутренних дел, министр иностранных дел, командующие сухопутными войсками, флотом и воздушными силами, главнокомандующий жандармерией. Основная функция СНБ по статье 118 конституции 1982 г. – «представление правительству мер по вопросам принятия решений и обеспечения необходимой координации в отношении формулирования, создания и реализации политики национальной безопасности государства».

Указанная конституционная статья предусмотрела правовое регулирование вопросов, связанных с деятельностью административного органа СНБ: «Организация и обязанности Генерального секретариата Совета национальной безопасности регулируются законом».

Законодательное оформление структуры, функций и полномочий деятельности СНБ было осуществлено Законом Турецкой республики №2945 от 9 ноября 1983 г. В дальнейшем некоторые положения данного закона видоизменялись, что особенно имело место после 2001 г., когда для Турции стал особенно актуальным процесс гармонизации собственного законодательства в соответствии с демократическими принципами и нормами Европейского Союза.

В соответствии со статьей 3 закона №2945, дополненной 15 января 2001 г. Законом №4789, в состав СНБ, кроме упоминаемых в статье 118 конституции должностных лиц, входят также заместители премьер-министра и министр юстиции. В зависимости от специфики повестки дня на заседание Совета могут быть приглашены министры и другие лица, мнение которых необходимо заслушать. Генеральный секретарь СНБ также участвует на заседаниях Совета, однако без права голоса.

Схематично состав СНБ Турции можно представить следующим образом (должностные лица с правом голоса):

Статья 4 Закона №2945 (в новой редакции, принятой Законом №4963 от 7 августа 2003 г.) определила полномочия СНБ достаточно лаконичным образом[11]: «Совет национальной безопасности, в рамках принципов национальной безопасности и политики национальной безопасности государства, даёт консультативные заключения по вопросам, имеющим отношение к формулированию, созданию и реализации политики национальной безопасности государства, а также обеспечивает необходимую межведомственную координацию в сфере обеспечения политики национальной безопасности государства».

СНБ представляет свои консультативные заключения и взгляды правительству и осуществляет другие полномочия, предоставленные ему законодательно.

Вопросы процедуры деятельности СНБ сведены в Законе №2945 к следующим основным положениям. СНБ заседает раз в два месяца, в то же время Законом №2945 предусмотрено, что при необходимости Совет может собираться по предложению премьер-министра или по прямому требованию президента республики. В отсутствии президента страны на заседаниях Совета председательствует премьер-министр. Повестку очередного заседания определяет президент республики, «принимая к сведению, - как гласит статья 6 Закона №2945, - предложения премьер-министра и начальника генерального штаба». Актуальные вопросы, предложенные министрами, которые являются членами СНБ, и другими министрами, для включения в повестку заседания Совета требуют предварительного выражения мнения премьер-министра по данному поводу. Указанные вопросы, инициируемые министрами для включения в повестку СНБ, направляются президенту через генерального секретаря СНБ.

Решения принимаются по принципу простого большинства голосов, причём в случае равенства голосов «за» и «против» сторона, включающая голос председательствующего, рассматривается как большинство. Обсуждения в Совете сообщаются общественности официальными должностными лицами генерального секретариата СНБ. Оригиналы решений и протоколы заседаний хранятся в генеральном секретариате СНБ. Статья 10 Закона №2945 предусматривает, что решения Совета «могут быть разъяснены или опубликованы с разрешения СНБ»[12]. Решения СНБ включаются в повестку правительства и обсуждаются в приоритетном порядке.

Непосредственно действующим административным органом постоянного характера при СНБ является генеральный секретариат СНБ, правовое положение которого также регулируется Законом №2945 (часть 3 Закона). Генеральный секретариат СНБ действует под началом премьер-министра страны. До принятия «седьмого пакета» реформ в 2003 г., о котором будет сказано ниже, генеральный секретариат в должности генерального секретаря СНБ традиционно возглавлял представитель военно-воздушных сил страны после прохождения службы на должности начальника главного штаба ВВС Турции. В новой редакции Закона №2945 говорится о назначении генерального секретаря СНБ по представлению премьер-министра и утверждению президентом страны[13].

Аппарат секретариата включает генерального секретаря, его заместителей и советников, бюро генерального секретариата, юридическую консультацию, главные служебные департаменты (управления).

Главные служебные департаменты создаются по предложению генерального секретаря СНБ и с одобрения премьер-министра. При необходимости, вне рамок главных служебных департаментов могут создаваться (в том же порядке - по предложению генерального секре-

таря СНБ и с одобрения премьер-министра) временные служебные отделы, специальные исследовательские комиссии, отделы специального изучения, планирования и реализации. Устанавливается круг полномочий и период деятельности создаваемых временных отделов, продление периода работы которых возможно в том же порядке, что и их формирование.

Создание, полномочия, обязанности и другие относимые к деятельности подразделений генерального секретариата СНБ вопросы устанавливаются по Регламенту генерального секретариата СНБ, который был одобрен Постановлением правительства №6688 от 29 декабря 2003 г.

В Законе №2945 полномочия и обязанности генерального секретариата СНБ после их сокращения в соответствии с поправкой Закона №4963 от 7 августа 2003 г. сведены к двум положениям: 1) руководство работой служб СНБ и 2) исполнение обязанностей, в соответствии с указаниями СНБ и положениями соответствующих законов. Генеральный секретариат СНБ исполняет свои обязанности в соответствии с Законом №2945 и другими относимыми законами, и, когда необходимо, в координации с другими министерствами, учреждениями и институтами. Внутренний порядок деятельности генерального секретариата СНБ, его отношения и рабочие процедуры с другими министерствами, учреждениями и институтами согласовываются соответствующими регламентами.

Роль генерального секретаря СНБ Турции, как высшего административно-должностного лица в сфере институционально-системной координации обеспечения национальной безопасности, в решении вопросов военно-политического и дипломатического характера с необходимостью включает в себя компонент первоочередного обеспечения национальных интересов своей страны. Одним из показательных при-

меров этому из международной практики последнего времени является рабочий визит в Вашингтон нынешнего генерального секретаря СНБ Турции Мехмет Йигита Альпогана (Mehmet Yigit Alpogan)[14]. Официальная цель визита – сближение позиций Турции и США по основным спорным вопросам[15].

Внутренняя организационная структура генерального секретариата СНБ выглядит следующим образом:

Очевидно, что факт обладания военными Турции значительными и во многом определяющими рычагами влияния на политическую систему страны через СНБ не соответствовал Копенгагенским критериям ЕС и находился с ними в явном противоречии по параметрам «стабильности структур, гарантирующих демократию» и «верховенства закона»[16]. Поэтому именно реформирование в военной сфере и сфере национальной безопасности было поставлено в качестве приоритетного условия для полноправного членства Турции в ЕС.

23 июля 2003 г. парламент Турции принял так называемый «седьмой пакет реформ», который, в частности, затронул и вопросы реформирования СНБ. Это дало повод некоторым авторитетным периодическим изданиям за пределами Турции назвать планируемые «седьмым пакетом» реформы не чем иным, как «тихой революцией»[17].

Кроме прочего, нововведения «седьмого пакета» законодательных реформ сделали возможным назначение на должность генерального секретаря СНБ гражданского лица, что случилось впервые в августе 2004 г.[18], а также ограничили доступ СНБ в гражданские институты страны. СНБ был лишён права иметь своих представителей в Наблюдательном органе по кинематографии и музыке, а в последствии его представители были выведены из Высшего органа по телевидению и радио (RTÜK) и из Комиссии по высшему образованию (YÜK) Турции[19].

Нынешние реалии работы СНБ Турции в условиях актуальности требований ЕС по гармонизации законодательства и административных процедур, определённые недостатки этой работы, общественно-политического и межведомственного свойства, можно проследить на примере относительно недавнего принятия очередной редакции концепции национальной безопасности Турецкой республики.

24 октября 2005 г. на заседании СНБ под председательством президента А.Н. Сезера была принята новая концепция национальной безопасности страны. Концепция получила официальное название «Политический документ о национальной безопасности» (Milli Güvenlik Siyaset Belgesi – MGSB). В обиходе он также известен под названиями «красная книга», «секретная конституция», «красная конституция».

В сложной, продолжавшейся более года работе над проектом этого документа принимали участие все политикоформирующие ведомства Турции. В частности, в подготовке отдельных разделов проекта были задействованы аналитическое управление СНБ, аппараты президента и главы правительства, ключевые министерства (юстиции, внутренних дел, обороны, МИД, энергетики и природных ресурсов), генштаб ВС страны, спецслужбы, независимые центры страте-

гических исследований, ряд университетов. Окончательный проект документа объемом 90 страниц после предварительного обсуждения на одном из очередных заседаний СНБ был вновь отправлен на доработку, после которой он был сокращен до 25 страниц.

Утверждение этого варианта проекта документа должно было состояться 21 июня 2005 г. на заседании СНБ. Однако, в соответствии с заявлением члена СНБ министра юстиции Турции Д.Чичека, «проект документа был доставлен членам СНБ только накануне вечером. Поэтому они не смогли детально ознакомиться с представленными документами и проанализировать их. В связи с этим было принято решение о переносе обсуждения и утверждения проекта на август». На заседаниях СНБ в августе и сентябре 2005 г. этот вопрос не рассматривался, что говорит о том, что согласование в военно-политическом руководстве Турции основных положений «секретной конституции» страны проходило непросто.

В соответствии со статьей 16 Закона №4982 о праве на получение информации, содержание данного документа является секретным и не подлежит разглашению, так как представляет собой государственную тайну. Нарушение положений этого закона карается статьями Уголовного кодекса№132-138, 229 и ведет к различным срокам тюремного заключения.

Тем не менее в некоторых средствах массовой информации Турции появились отдельные сообщения и материалы (по подсчетам спецслужб, более 80-ти), в которых приводятся короткие и, как утверждают авторы, соответствующие оригиналу выдержки из «красной книги». В связи с этим спустя три дня после утверждения MGSB на заседании СНБ правительство Турции поручило спецслужбам страны найти виновника утечки в прессу секретных положений новой концепции национальной безопасности. 28 октября 2005 г. одна из ведущих турецких газет процитировала официального представителя внешнеполитического ведомства страны Н. Тана, который заявил: «Безответственные лица, повинные в разглашении государственной тайны, совершили серьезное преступление».

Как стало известно, доступ к окончательному тексту «секретной конституции» имели 15 высших должностных лиц государства, среди них президент, премьер-министр, главы МИДа, разведки, ведомств силового блока, члены СНБ, несколько помощников главы государства и генерального секретаря СНБ. Особенностью нынешней концепции национальной безопасности Турции является тот факт, что впервые в его подготовке принимали участие и военные, и гражданские ведомства, тогда как все предыдущие документы подобного рода готовились военными; гражданские же руководители их подписывали. Формальным ранее было и его утверждение на заседании правительства. Решения СНБ, хотя и носили внешне рекомендательный характер, подлежали неукоснительному выполнению. Лидер правящей партии, заняв кресло премьер-министра, в ходе специального брифинга получал детальную информацию о содержании «красной книги» и

вынужден был корректировать программу своей партии, если ее содержание не совпадало с положениями «секретной конституции». Теперь ситуация меняется, и гражданские политики допускаются не только к одобрению MGSB, но и к его выработке и согласованию.

Впервые в высших государственных и политических кругах Турции особо подчеркивается правительственная часть процедуры утверждения новой концепции национальной безопасности. Это свидетельствует о том, что процедура утверждения новых редакций MGSB на заседании кабинета министров будет далеко не формальной.

Нынешняя правящая партия Турции и ее правительство явственно демонстрируют свою прерогативу в выработке «секретной конституции», подчеркивают главенство в этом деле гражданских, а не военных институтов власти, что также соответствует требованиям ЕС по сокращению «доли» армии в политической жизни Турции. Это сложный и болезненный процесс, ведь турецкая армия традиционно является очень влиятельной политической силой, которая через механизм СНБ могла провести любое обязательное в плане исполнения всеми другими государственными ведомствами решение. Показательно выступление 2 ноября 2005 г. главы правительства Р.Т. Эрдогана на заседании руководящего совета возглавляемой им правящей Партии справедливости и развития. В ходе выступления перед соратниками по партии он обвинил в утечке секретной информации по MGSB секретариат СНБ, отметив, что «она произошла на этапе подготовки документа, в которой были задействованы чиновники низшего уровня». Ранее такая публичная критика аппарата СНБ даже со стороны премьер-министра была невозможна[20].

У турецких военных, считающих себя защитниками светских устоев республики, существует свой взгляд на политические и экономические процессы, происходящие в стране. Этот взгляд не всегда совпадает с позицией нынешнего правительства. Это, в частности, имеет прямое отношение к реформам, осуществляемым в стране в соответствии с требованиями ЕС. Так, в армейской среде нет единой позиции о поддержке переговорного процесса с ЕС. Ведь именно нынешнее турецкое правительство, выполняя требования ЕС по демократизации государственного аппарата, заметно сократило полномочия военных, в том числе и в СНБ. В соответствии с принятым парламентом Законом №4963 в структуре СНБ был сокращен ряд управлений, которые определяли важнейшие направления внутренней и внешней политики страны. По сути, турецких военных, в соответствии с европейскими критериями, постепенно «выдавливают» из политики[21].

Хотя отношение вооружённых сил к гражданскому руководству оставалось, возможно, постоянным, отношение гражданских правительств к вооружённым силам колебалось. «В Турции в течение долгого времени было два известных поведенческих образца со стороны гражданских правительств в их отношениях с вооружёнными силами: они или пробовали сместить военных к периферийным линиям, или предоставляли им слишком большую автономию. Когда гражданское

правительство было успешно в решении экономических проблем и внутренних споров, как иногда в 1950-х гг., оно пробовало лишить вооружённые силы власти, что приводило к ситуации «враждующих противников» в лице гражданских и военных чиновников»[22].

Несмотря на существенное ограничение рычагов политического влияния на внутригосударственные процессы в стране, особенно если сравнивать с периодом начала 80-х – конца 90-х годов XX века, СНБ сохраняет видное место во всей системе государственных органов Турецкой республики. Особенно значительна его роль в сфере политического руководства специальными службами страны. Изучение положений Закона №2945 в их новой редакции не дает реального представления о характере влияния СНБ на сферу деятельности турецких спецслужб. Более того, там напрямую абсолютно не упоминается данная «специфическая» сфера деятельности СНБ, что вполне понятно, ибо деятельность специальных служб даже в самых демократических и открытых государствах кроме того, что не предаётся особой огласки, «физически» не может получить досконального и открытого законодательного регулирования – в законах даётся только основа в виде принципов и основных направлений деятельности спецслужб. Детализация, а значит многие вопросы непосредственной деятельности спецслужб, происходит путём принятия межведомственных и внутриведомственных актов.

СНБ Турции можно характеризовать как центральный орган политического руководства системой спецслужб страны. Последнее предполагает общеполитическое руководство разведывательным сообществом, принятие стратегических решений в сфере национальной разведки и контрразведки, разработка приоритетных направлений деятельности разведывательных служб страны в общегосударственном масштабе, общее координирование и контролирование их деятельности. Основная задача СНБ на данном направлении заключается в обеспечении соответствия стратегии и тактики деятельности спецслужб политическому курсу правительства в вопросах обеспечения национальной безопасности государства.

Практика деятельности СНБ показала, что Совет может достаточно оперативно реагировать на изменения динамики внутриполитической обстановки в стране, на внутригосударственные проблемы в сфере обеспечения национальной безопасности. Так, в феврале 1994 г. в связи с обострением деятельности курдских боевых организаций на юго-востоке страны при СНБ было создано Подразделение общественной безопасности. В его состав вошли по три представителя из МИТ (MIT - Milli Istihbarat Teskilati - Национальная разведывательная организация) и ГДБТ (Генеральная дирекция безопасности при МВД Турции). В данном подразделении было представлено и внешнеполитическое ведомство страны в лице ответственного сотрудника Разведывательного бюро МИД Турции. Подразделение общественной безопасности имело полномочия по отслеживанию ситуации (с позиций разведывательных возможностей) вокруг крупных общественно-политических событий в стране и за рубежом, имеющих отношение к вопросам обеспечения национальной безопасности Турции, а также готовило для СНБ разведывательно-информационные документы по отслеживаемым ситуациям (обзорные доклады, прогнозы, рекомендации по принятию необходимых мер и предложения по их реализации). На подразделение в целом была возложена также обязанность по координации деятельности МИТ, ГДБТ и МИД Турции.

1 Barak Salmoni, Turkey,s Summer 2003 Legislative Reforms: EU Avalanche, Civil-Military Revolution, or Islamist Assertion?, Strategic Insight, Vol.3, issue 9 (Sept. 2003), http://www.ccc.nps.navy.mil.

2 Almanak Türkiye 2005, Güvenlik Sektörü ve Demokratik Gözetim, Tesev Güvenlik Sektörü Çalışmaları Dizisi Özel Yayın -2006, http:// www.tesev.org.tr, s. 32.

3 Официальный сайт СНБ Турции, http://www.mgk.gov.tr/Turkce/tarihke_2.html, 09.10.2006.

4 Официальный сайт СНБ Турции, http://www.mgk.gov.tr/Turkce/tarihke_2.html, 09.10.2006.

5 Political structure of Turkey, Ankara, 1975, p. 50-52.

6 Газета «Milliyet», 30 августа 1970.

Как заметил датский исследователь Бертил Кнудсен, именно смена власти в 1971 г. сообщила ещё большую силу СНБ Турции в качестве «жесткого средства контроля по отношению к турецкой политике» (Bertil V. Knudsen, The role of the military in Turkish politics, Copenhagen Un.,Jan. 2005, http://www.videt.dk/militduty.pdf, p. 8).

7 В день переворота «через каждые 15 минут передавались сообщения СНБ. В первом обращении Кенана Эврена говорилось: «Великая турецкая нация! Врученное нам великим Ататюрком единое со страной и нацией государство – Турецкая Республика – в последние годы, как вы видите, подвергается в результате подстрекательства внутренних и внешних врагов предательским идеологическим и прямым нападениям, направленным против её единства, независимости. Государство с его основными органами приведено в нерабочее состояние, конституционные организации расколоты противоречиями или молчат, политические партии по причине бесплодных споров и непримиримых позиций не смогли обеспечить единство и целостность, которые должны спасти государство, и не приняли должных мер. Систематическое и предательское действие выдвинутой вместо ататюркизма реакционной и иных извращённых идеологий привело к тому, что учебные заведения с начальных школ до университетов, система управления, судебные органы внутренней безопасности, рабочие органы, политические партии и, наконец, даже наши граждане в самых отдалённых уголках страны оказались под ударами и давлением, на грани гражданской войны. Короче говоря, государство стало бессильным и немощным. В этой обстановке турецкие вооружённые силы приняли решение выполнить возложенную на них законом о внутренней службе обязанность по охране Турецкой Республики и приказ, данный великой турецкой нацией в соответствии с командным подчинением, и полностью взяли в свои руки руководство страной. Цель предпринятой операции - сохранить целостность страны, обеспечить национальное единство и сплочённость, предупредить возможную гражданскую войну и братоубийственную вражду, восстановить авторитет и само существование государства, а также устранить причины, препятствующие функционированию демократического строя. Парламент и правительство распущены. Члены парламента лишены неприкосновенности. Во всей стране объявлено чрезвычайное положение» (А.А. Родионов, Турция – перекрёсток судеб. Воспоминания посла, М., 2006, с. 239-240).

8 В. Н. Краснов, Армия в политической системе Турецкой Республики // «Правоведение», 1985, № 5, с. 69.
9 К.Эврен объявил, что «в целях предотвращения дальнейшей дегенерации демократической парламентской системы будет подготовлена новая конституция» (Milli Güvenlik konseyince kabul edilen kanunlar, yayınlanan bildiri ve Kararlar lie onemli mevzuat, Ankara, 1982, s. 2-5).
10 Конституция была принята на референдуме 7 ноября 1982 г.
11 Важно отметить, что первоначальная редакция статьи 4 Закона №2945 была достаточно ёмкой и включала в себя, кроме прочего, такие широкие полномочия Совета как: «постоянное наблюдение и оценка политического, социального, экономического, культурного и технологического развития страны, а также компонентов национальной мощи, которые влияют на политику национальной безопасности государства» (пункт 3 статьи 4 Закона); «определение мер, которые необходимы для защиты конституционного порядка, поддержания национального единства и целостности, объединение турецкой нации вокруг национальных идеалов и ценностей в соответствии с принципами Ататюрка» (пункт 5 статьи 4 Закона); «определение обязанностей и ответственности общественных организаций, институтов частного сектора и граждан в сферах всеобщей обороны, национальной мобилизации и других соответствующих вопросов в мирное время, во время войны, в поствоенные периоды» (пункт 7 статьи 4 Закона); или «выражение взглядов по поводу международных соглашений, которые или уже заключены, или предполагаются к заключению по вопросам национальной безопасности» (пункт 9 статьи 4 Закона).
12 До реформ 2003 г. было правилом, что «в ходе заседаний СНБ высшее военное руководство Турции, согласовав накануне свою позицию на совещании в Генеральном Штабе, имеет возможность не только высказать точку зрения по вопросам развития внешне- и внутриполитической обстановки, но и потребовать от гражданского руководства предпринять те или иные действия как по защите внешнеполитических интересов Турции, так и по стабилизации ситуации внутри страны» (С. Задонский, Влияние высшего военного руководства Турецкой Республики на внутреннюю и внешнюю политику государства, www.iimes.ru, 21.05.2002).
13 Статья 15 Закона №2945 подчёркивает, что требуется «положительное мнение начальника Генерального Штаба в случае, если представитель турецких вооружённых сил назначается на данную должность».
14 Визит состоялся 23-27 января 2006 г.
15 «Визит был насыщен рядом встреч на высоком уровне в Госдепартаменте, включая его главу К.Райс, и в министерстве обороны с «третьим номером» Пентагона Э. Эдельманом, который до ноября 2005 г. являлся послом США в Турции. В ходе переговоров турецкая сторона вновь потребовала от Вашингтона конкретных мер по нейтрализации деятельности боевиков РПК в Северном Ираке. Среди них наблюдатели указывают на требование Анкары арестовать основных функционеров РПК, о местонахождении которых турецкие спецслужбы проинформируют американское командование в Северном Ираке, и передать их Турции. Кроме того, генсек СНБ Турции заручился поддержкой Вашингтоном выдвинутого Анкарой плана по отмене ограничений на Кипре, а также попытался убедить Госдеп и Пентагон в нецелесообразности изоляции Сирии с точки зрения региональной безопасности. Одним из основных вопросов повестки дня турецко-американских переговоров была иранская ядерная программа. Генсек СНБ, являясь одной из ключевых фигур в военно-политическом руководстве Турции, отметил, что «ядерный Иран беспокоит Анкару»: «Турция признает право каждого на использование ядерной энергии в мирных целях, однако когда ее применение выходит за эти рамки, это беспокоит всех наших руководителей». Была достигнута договоренность о более тесной координации действий Анкары

и Вашингтона на этом направлении, а также о регулярных консультациях по ситуации на Южном Кавказе» (А.А.Гурьев, Ситуация в Турции: январь 2006 года, www.iimes.ru., 2.02.2006).
16 Bertil V. Knudsen, The role of the Military in Turkish Politics, Copenhagen Un.,Jan. 2005, http://www.videt.dk/militduty.pdf, p. 12.
17 Financial Times (editorial), A quiet revolution: Less power for Turkey's army is a triumph for the EU, 31 July 2003.
18 «Президент А.Н.Сезер утвердил декрет правительства о назначении первого гражданского лица - Йигита Альпогана на должность генерального секретаря СНБ Турции. До назначения Альпоган являлся послом Турции в Греции с 2001 г. Он сыграл одну из ключевых ролей в период переговоров по решению кипрской проблемы, завершением которых явился проведённый на острове 24 апреля 2004 г. референдум. Йигит Альпоган считается одним из ведущих специалистов по турецко-греческим отношениям и по кипрскому вопросу.
Мехмет Йигит Альпоган родился в 1945 г. в г. Одемис (провинция Измир). Высшее образование получил в университете Анкары по специальности политология (political affairs). В 1968 г. поступил на государственную службу в Бюро по делам общественной безопасности Министерства иностранных дел Турции (Common Security Affairs Bureau). В 1972 г. получил должность в турецком посольстве в Японии, в 1975 г. – в посольстве на Кипре. Он возглавил турецко-греческую комиссию по урегулированию кипрского вопроса в 1977 г. В 1991г. стал заместителем посла в турецком посольстве в Греции. В 1995 г. назначен первым турецким послом в Ашхабаде (Туркменистан). В 2000 г. был назначен на должность советника в Министерстве иностранных дел Турции. С 2001г. – посол Турции в Греции. Женат, имеет двух детей, свободно говорит на английском и французском языках» (Газета «Zaman», 19 августа 2004 г.).
19 Об этом см. подробнее: 1) European Commission: 2003 Regular Report on Turkey's progress towards accession, November 5, 2003; 2) European Commission: 2004 Regular Report on Turkey's progress towards accession, October 6, 2004; 3) European Commission: Turkey 2005 Progress Report, Brussels, 9 November 2005.
20 А. А. Гурьев, «Красная книга»: у Турции новая концепция национальной безопасности, www.centrasia.ru., 08.11.2005.
Интересно отметить, что после назначения Йигита Альпогана на должность генерального секретаря СНБ в кадровом составе Совета произошёл существенный «крен» в сторону «гражданской» составляющей. Количество военных среди работников генерального секретариата СНБ по данным на конец 2004 г. значительно уменьшилось: из общего количества работников генерального секретариата в 294 человек военные составляли только 15 человек (Turkey puts civilian over its National Security Council, reduce role, http://www.worldtribune.com, Dec. 3, 2004)..
21 А.А. Гурьев, Партия справедливости и развития Турции: три года у власти, www.iimes.ru., 30.11.2005.
22 Metin Heper, Justice and Development Party Government and the Military in Turkey // Turkish Studies, Oxfordshire, United Kingdom, Summer 2005, Vol. 6, Iss. 2, p. 215.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Сергей Минасян

1. ВВЕДЕНИЕ

Вооруженные силы играли и играют чрезвычайно важную роль в политической жизни Турецкой Республики за все время ее существования. Исключительная роль армии закреплена в Конституции страны и подкрепляется практикой неоднократного прямого вовлечения армии в политические процессы внутри страны, решающим словом военного руководства при определении внешнеполитических приоритетов и их претворении в реальную политику. Согласно положениям действующей Конституции (до осуществленной в 2003 г. под давлением ЕС частичной реформы системы контроля над сектором безопасности), в Турции не существовало органа гражданской власти, который мог бы контролировать или сдерживать военную власть. Генералитет имел практически неограниченное влияние на формирование военной, внешней и внутренней политики, в первую очередь через Совет национальной безопасности страны – важнейший орган, отвечающий за формирование политики государства в данной сфере. Жесткий контроль военного руководства над политической жизнью привел к тому, что «армия в Турции не является частью государства, она идентична государству»[1].

Турецкие вооруженные силы являются также важнейшим военно-политическим фактором регионального значения. Большая численность личного состава (турецкая армия - вторая в НАТО после армии США по численности), высокая дисциплинированность и идеологическая подготовка военнослужащих, количественная оснащенность относительно современным вооружением и военной техникой, развивающийся военно-промышленный комплекс заставляют рассматривать вооруженные силы Турции как одни из самых боеспособных в масштабах Ближнего и Среднего Востока, Восточного Средиземноморья, а также Южного Кавказа и Каспийско-Черноморского региона. Тектонические изменения, произошедшие с завершением холодной войны, изменили геополитическую значимость Турции в глазах США и ее союзников по НАТО, а также региональное восприятие этой страны со стороны соседей. С одной стороны, несмотря на все опасения турецкой политической элиты о возможном нивелировании ее роли для союзников по НАТО, война в Персидском заливе в 1991 г. и последующие события показали, что Турция (во многом в силу исключительного географического положения и ощутимого военно-политического потенциала), возможно, оказалась даже намного нужнее западным державам, чем в самые «горячие» годы холодной войны. С другой стороны – распад СССР и появление на его территории новых независимых государств, падение режима С.Хусейна в Ираке и гражданская война в этой стране, ослабление Сирии (лишившейся советской военно-технической помощи и оказавшейся под жестким давлением западных стран), международная изоляция Ирана и многие другие факторы самым благоприятным образом отразились на повышении влияния Турции, превращавшейся в своеобразную региональную супердержаву. Это позволило Турции (несмотря на определенное противодействие США, которая после войны в Ираке в 2003 г. стала рассматривать Анкару уже в качестве конкурента в вопросах региональной политики[2]) играть значительно более самостоятельную и активную роль в политических процессах в вышеуказанных регионах. В реализации этой амбициозной и долгосрочной региональной внешнеполитической стратегии Турции важнейшую роль играют ее многочисленные и технически сравнительно хорошо оснащенные вооруженные силы.

2. ОБЩАЯ СТРУКТУРА И СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ТУРЕЦКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Согласно Конституции страны, Верховным Главнокомандующим Турецких Вооруженных Сил (Turk Silahli Kuvvetleri, TSK) является Президент республики. Высшим органом оперативного управления ТВС является Генеральный штаб, а его начальник является их главнокомандующим. Согласно статье 117-й Конституции, начальник Генерального штаба назначается президентом республики по представлению Совета министров Турции и несет ответственность перед премьер-министром страны. Начальник Генерального штаба ответственен за контроль и общее управление вооруженными силами, боевую подготовку и оперативное управление войсками в мирное и военное время. Генеральный штаб разрабатывает общую политику в сфере обороны и национальной безопасности, боевому применению вооруженных сил, формирует военную доктрину, определяет ресурсные потребности вооруженных сил и перспективы их развития. В военное время начальник Генерального штаба выполняет обязанности главнокомандующего ТВС от имени президента республики. Начальник Генерального штаба также руководит отношениями и связями ТВС с вооруженными силами других государств, а также с органами и структурами НАТО. Надо отметить, что НГШ Турции, в отличии практически от всех своих коллег из других государств – членов НАТО, имеет намного более высокий уровень компетенции и независимости. Не случайно, что чрезвычайно высокая роль Генерального штаба, да и вообще военных властей в политической и общественной жизни Турции, их влияние на формирование внешней и внутренней политики страны являются одним из основных поводов для критики и замечаний со стороны ЕС в ходе переговоров о возможном членстве Турции в Европейском Союзе.

Видами ТВС являются: сухопутные силы, военно-воздушные силы и военно-морские силы. Их командующие непосредственно подчинены начальнику Генерального штаба. Таким образом, организационно Вооруженные силы Турецкой Республики состоят из находящихся в административном и оперативном подчинении Генеральному штабу ко-

мандований сухопутных сил, военно-морских сил, военно-воздушных сил. В военное время в оперативное подчинение Генеральному штабу также переходят жандармские войска и береговая охрана (в мирное время входящие в состав МВД), а также другие соответствующие части и подразделения (подразделения Офиса специальных операций Турции – т.н. «бордовые береты», спецназ полиции, т.н. «деревенская охрана» в курдонаселенных районах страны и другие структуры). Данные силы и органы в случае военной мобилизации входят в состав соответствующих видов вооруженных сил.

Согласно статье 117-й Конституции страны, НГШ работает в тесной связи с Министерством национальной обороны Турции (Milli Savunma Bakanligi, MSB), но подотчетен премьер-министру страны, а не министру национальной обороны. В функции Министерства национальной обороны входит призыв и комплектация вооруженных сил, закупка вооружений, военной техники, тыловое снабжение вооруженных сил, обеспечение деятельности ВПК страны.

Численность населения Турции составляла на 2006 г. 72 300 тыс. чел. Военный бюджет на 2006 г. составил свыше 10,9 млрд. долларов (в текущих ценах и в соответствии с обменным курсом по отношению к турецкой лире), т.е. примерно 3% в текущих ценах от общего ВВП. Общая численность регулярных вооруженных сил Турции на 2006 г. составляла около 421 тыс. человек, а с учетом военизированных подразделений (жандармерии и частей береговой охраны) – более чем 652 тыс. чел. Соотношение количества военнослужащих и вольнонаемных в составе вооруженных сил по отношению к активному населению составило около 2,2%3.

Распределение численности личного состава по видам вооруженных сил видно по Таблице 1.

Таблица 1. Численность личного состава по видам вооруженных сил на конец 2006 г.

	Постоянная	Резерв	Всего:
Регулярные войска			
Сухопутные войска	308 000	259 000	567 000
ВВС	60 000	65 000	125 000
ВМС	53 000	55 000	108 000
Всего:	**421 000**	**379 000**	**800 000**
Военизированные формирования			
Береговая охрана	2 200		2200
Жандармерия	230 000	50 000	280 000

3. КОМПЛЕКТОВАНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА

Согласно статье 72-й Конституции Турецкой Республики, служба в вооруженных силах является правом и обязанностью каждого гражданина страны. Основным источником комплектования ВС рядовым и сержантским составом является служба по призыву. Источники призыва на службу в армию зависят от категории и статуса призывников. Основной источник - военнообязанные мужчины. Каждый гражданин Турции, достигший 20-летнего возраста, призывается на воинскую службу в зависимости от уровня образования и занимаемого статуса. В соответствии с законом о воинской повинности служба в вооруженных силах является обязательной для всех турецких граждан мужского пола в возрасте от 20 до 45 лет, годных по состоянию здоровья к службе в армии. В военное время в соответствии с законом в армию могут быть призваны мужчины в возрасте от 16 до 60 лет и женщины от 20 до 46 лет, способные носить оружие.

Турецкие ВС обладает развитой системой военного обучения на всех уровнях. Офицерский состав также проходит обучение и переподготовку в военно-учебных заведениях ряда зарубежных стран, а также в академиях НАТО. Вооруженные силы комплектуются офицерским и унтер-офицерским составом на основании Закона о всеобщей воинской повинности. Непосредственно процессом комплектования занимаются главные оперативное и военно-мобилизационное управления Генерального штаба, издающие соответствующие директивы и приказы. На основе этих директив главное управление кадров Генерального штаба с учетом заявок видов вооруженных сил разрабатывает планы комплектования вооруженных сил унтер-офицерскими и офицерскими кадрами. Эти планы в установленные законом сроки представляются в управление военно-учебных заведений генерального штаба, которые разрабатывают соответственно планы призыва и набора в высшие и средние военно-учебные заведения. Утверждает эти планы начальник Генерального штаба и министр национальной обороны. После этого они доводятся до командования военных академий и училищ. В свою очередь, командование военных академий устанавливает порядок, сроки, конкурс и количество абитуриентов и слушателей в высшие и средние военно-учебные заведения[4].

Лица, призванные на действительную службу и предназначенные для замещения должностей младших командиров, направляются в учебные части, соединения и центры подготовки сержантского и унтер-офицерского составов. В сухопутных войсках такая подготовка возлагается на учебное командование Эгейской (4-й) полевой армии, а в ВВС и ВМС – на части и подразделения учебных командований.

Сержантский и унтер-офицерский состав вооруженных сил представлен двумя категориями – срочной и сверхсрочной службы. Унтер-офицеры сверхсрочной службы являются главной опорой офицерского состава. Готовят унтер-офицеров на специальных отделениях при

военных училищах родов войск в течение 2–3 лет. Комплектуются эти отделения на добровольных началах солдатами и матросами срочной службы, имеющими среднее образование, а также выпускниками подготовительных унтер-офицерских школ, в которые принимаются лица в возрасте 14–16 лет, окончившие начальные школы и имеющие полное среднее образование. Минимальный срок службы унтер-офицеров – 15 лет. Унтер-офицеры, прослужившие в вооруженных силах не менее 25 лет, увольняются в запас, если им не присваивается очередное воинское звание.

Наиболее высокий уровень отбора имеет комплектование кадрового офицерского состава. Это достигается посредством добровольного поступления юношей в военные училища и комплекса проверок политической благонадежности, что позволяет формировать офицерский корпус преимущественно из высокообразованных слоев населения. Офицерский состав ТВС подразделяется на несколько категорий: кадровые офицеры, офицеры запаса и военные чиновники (юристы, финансовые работники и т.д.). Подготовка офицеров ведется в военно-учебных заведениях, к которым относятся лицеи (военные гимназии и прогимназии), высшие училища видов вооруженных сил, средние училища родов войск и военные академии. Офицеров также готовят на военных факультетах гражданских высших учебных заведений.

Военные лицеи комплектуются выпускниками восьмых классов общеобразовательных средних школ. Средние военно-учебные заведения родов войск и служб (пехотные, бронетанковое, ракетное, артиллерийское, разведывательное, иностранных языков, технические, интендантское, связи, «коммандос» и др.) готовят офицеров низшего звена – командиров взводов, групп, рот и батарей. Они комплектуются, как правило, курсантами из числа бывших унтер-офицеров и сержантов, частично гражданской молодежью, а также офицерами-выпускниками высших военных училищ.

Высшая военная школа турецких вооруженных сил насчитывает пять академий: три – видов вооруженных сил (СВ, ВВС и ВМС), одна – вооруженных сил (где обучаются офицеры трех видов вооруженных сил) и одна – национальной безопасности (где вместе с военными обучаются и представители госаппарата). Наряду с военными училищами существует сеть курсов для переподготовки офицеров по родам войск. Часть офицеров проходит переподготовку за границей, главным образом в США и ФРГ[5].

Развитая система подготовки военнослужащих, значительный демографический потенциал страны и мобилизационные возможности позволяют в случае необходимости в кратчайшие сроки доукомплектовать вооруженные силы дополнительно большим количеством военнослужащих всех видов и родов войск. По мнению экспертов, общие мобилизационные ресурсы страны оцениваются примерно в 18,2 млн. человек.

4. СУХОПУТНЫЕ ВОЙСКА ТУРЦИИ

Сухопутные войска исторически являются старейшим и наиболее многочисленным видом вооруженных сил Турции. Особенность геополитического положения страны, продолжающиеся латентные боевые действия в курдонаселенных юго-восточных районах страны, политические проблемы практически со всеми соседями (обладающими значительным военным потенциалом) повышают значимость данного вида ТВС. Система управления сухопутных войск Турции включает: командования 1-й, 2-й и 3-й полевых армий, командование Эгейской (4-й полевой) армии, командование турецких сил на Северном Кипре (т.н. «турецких миротворческого сил на Кипре»), командование тренировок и доктрин, командование специальных операций (которому подчиняются в оперативном отношении отдельные бригады «коммандос» и отдельные отряды специального назначения полевых армий), командование логистики, командование армейской авиации и главное командование жандармерии (в военное время, в мирное время входят в состав МВД Турции). В состав сухопутных сил входят следующие объединения, части и подразделения: 4 полевые армии, 10 армейских корпусов, 2 механизированные дивизии, 2 штаба механизированных дивизий (тактических), 1 пехотная дивизия, 1 учебная дивизия, 14 механизированных бригад, 14 танковых бригад, 12 пехотных бригад и т.н. бригад региональной безопасности, 5 бригад «коммандос», 5 учебных бригад, 1 полк президентской гвардии, 5 полков и 26 батальонов пограничной охраны (в военное время, организационно входящих в состав жандармерии).

На вооружении сухопутных войск находится 12 пусковых установок оперативно-тактических ракет (ПУ ОТР) ATACMS, примерно 4170 танков ("Leopard" A1/A3, M-60 A1/A3, а также M-48 различных модификаций - T5, A5T1, T2), из которых в боевом состоянии примерно 2653 единиц, а остальные (устаревшие танки M-48 модификации A3) находятся на складах, примерно 930 БМП (AIFV, UR-416, Condor), около 4600 БТР (AAPC, M-113 A1/A3, БТР-80, БТР-60), 360 БРМ, примерно 885 самоходных артиллерийских установок калибра 105-мм и выше, примерно 1330 буксируемых артиллерийских установок калибра 105-мм и выше, свыше 2000 минометов, примерно 164 РСЗО (в том числе около 30 320-мм РСЗО WS-1A/B), примерно 1400 ПУ ПТРК, свыше 47 000 РПГ и безоткатных противотанковых орудий, 1660 орудий зенитной артиллерии, 96 ПУ ЗРК малого и среднего радиуса, примерно 940 ПЗРК и другое вооружение и военная техника.

До начала 1990-х гг. организационно-штатная структура сухопутных войск Турции отличалась значительной громоздкостью. Учитывая, что главными целями и задачами сухопутных войск Турции после вступления в НАТО в 1952 г. и в последующие годы «холодной войны» являлись в основном защита черноморских проливов, а также оборона от возможного советского вторжения со стороны Закавказья, они имели довольно громоздкую дивизионо-корпусную структуру. Изменение приоритетов в оборонном планировании после завершения «холодной войны», опыт масштабного развертывания многочислен-

ных контингентов сухопутных войск в 1990-1991 гг. в период обострения ситуации в приграничном Ираке в ходе операции «Буря в пустыне» потребовали значительной концентрации и быстрой переброски частей турецкой армии к юго-восточным границам Ирака, показав, что турецкая армия была мало приспособлена для массовых переброс ок личного состава и военной техники, а также обладала недостаточной мобильностью. Это, а также заметное снижение остроты военных угроз со стороны соседей[6], вынудило руководство вооруженных с середины 1990-х гг. провести некоторые изменения в организационно-штатной структуре сухопутных сил, в частности, осуществить переход с громоздкой дивизионной структуры на бригадно-корпусную систему. Переход на новую организационную структуру тактических частей и соединений, а также значительное техническое переоснащение сухопутных сил, осуществленные в течение последних 15 лет, способствовали заметному повышению мобильности и боеспособности турецкой армии.

Вместе с тем, опыт ведения активных боевых действий низкой интенсивности с начала 1990-х гг. на юго-востоке страны и на севере Ирака показал, что несмотря на организационные изменении, сохраняющуюся значительную численность и возросшее техническое оснащение, у турецких сухопутных сил существуют серьезные проблемы. По мнению военного руководства страны, анализ боевых действий в ходе по ледних региональных конфликтов, войны в Ираке выявили ряд слабых мест в оснащении и организации турецкой армии. В частности, отмечалось практическое отсутствие или недостаточное количество в турецкой армии разведывательных и ударных вертолетов, радиолокационных станций обнаружения воздушных целей на малых высотах, систем ПВО большой дальности и военно-транспортных самолетов, систем космической разведки, высокотехнологичных систем управления и информации[7].

Исходя из этого, в настоящее время в сухопутных войсках Турции намечается широкомасштабная реформа. Вместо больших по численности дивизий будут со чны более мелкие боевые подразделения бригадного и даже батальо ного звена, которые будут использовать «партизанскую» или иррегулярную тактику действий. Автором и идеологом реорганизации сухопутных войск является нынешний начальник Генерального штаба Я.Буюканит. Важнейшей целью военной реформы является создание мобильных и боеспособных вооруженных сил, способных в кратчайшие сроки окончательно подавить курдское сопротивление в юго-восточных районах страны, а также в северном Ираке. В ходе реформы планируется активно использовать турецкий и мировой опыт противоповстанческих боевых действий, конфликтов малой интенсивности и асимметричных войн нового поколения[8].

В ходе самой радикальной военной реформы за все годы существования Турецкой Республики предполагается ликвидация двух полевых армий (3-й полевой и 4-й Эгейской), создания единого командования трех видов вооруженных сил (сухопутных войск, ВВС и ВМС) и преоб-

разования существующего Генерального штаба в соответствующий «центральный» или «объединенный» штаб, которому будут подчинены командования видов ТВС. На базе штаба 1-й полевой армии (расположенного в г.Стамбул) и штаба 2-й полевой армии (в г.Малатья) будут созданы командования Западной и Восточной групп войск, а вся территория Турции в военно-административном и оперативном отношении будет разделена на две части. По словам главкома ТВС Я.Буюканита, предполагается, что в результате к 2014 г. общая численность турецкой армии будет сокращена на 20-30%. Новая структура сухопутных войск предполагает, что они будут меньше по численности, но более мобильными, боеспособными и оснащенными более современным оружием и боевой техникой[9]. Планируется также увеличение доли профессиональных военнослужащих (в частях постоянной готовности или на должностях, которые требуют высокую профессиональную подготовку и опыт), которые должны будут постепенно заменить призывников. Данные мероприятия рассматриваются как важный этап к дальнейшему переводу в перспективном будущем систему комплектования сухопутных войск (и других видов вооруженных сил Турции) исключительно на профессиональную основу.

Важным элементом военной реформы рассматривается повышение возможностей системы командования и контроля (С2), разведки и способности сухопутных сил к комбинированным и объединенным операциям с другими видами вооруженных сил Турции и союзными подразделениями, что предусматривается общей стратегией развития ТВС «Видение-2020». В 2002 г. компания "Aselsan" начала поставки в 4-ю полевую армию Системы коммуникаций тактической зоны, которая должна стать составной частью Интегрированной системы коммуникаций в масштабах всех ТВС. Кроме этого, создано Командование турецких сил быстрого реагирования, на основе 3-го армейского корпуса (в Стамбуле), которое должно стать базой для развертывания штаба одного из шести Командований сухопутных сил высокой готовности НАТО (NATO High Readiness Forces (Land) HQ). В рамках этого Командования и на примере 3-го армейского корпуса военное руководство Турции планирует провести изучение и имплементацию натовского опыта по развертыванию комбинированной системы управления, контроля и снабжения для последующего использования в масштабах всех сухопутных войск[10].

В рамках реорганизации сухопутных сил Турции значительное внимание уделяется их техническому и количественному перевооружению и модернизации. Особое внимание уделяется закупке и модернизации бронетехники и оснащению сухопутных войск современными артиллерийскими системами. В ноябре 2005 г. Турция заключила с Германией договор на закупку 298 модернизированных танков "Leopard"-2A4. Планировалось, что они поступят на вооружение турецкой армии уже в течение 2006 г. Одновременно израильские компании приступили к выполнению масштабной модернизации имеющегося турецкого танкового парка. В первую очередь это касается 170 танков М-

60 американского производства, которые после модернизации по ряду характеристик будут соответствовать израильским танкам "Merkava" Mk4 последнего поколения. В частности, от "Merkava" к турецкому танку перешли система управления огнем, механизм поворота башни, комплекты навесной брони, силовая установка и 120-миллиметровая пушка. Все 170 модернизированных М-60 должны быть готовы и введены в боевой состав сухопутных войск Турции до 2009 г[11]. Планируется также продолжить производство БМП и БТР, выпускаемых на турецких предприятиях, а также различных специализированных машин на их основе. Предприятия турецкого ВПК планируют продолжить производство 155-мм артиллерийских самоходных ("Firtina") и буксируемых ("Panter") установок собственной разработки, систем РСЗО различных калибров и другого вооружения и военной техники.

Предполагается, что в скором будущем будет значительно усилен боевой состав армейской авиации за счет покупки большой партии ударных вертолетов. Это позволит повысить ударную мощь сухопутных сил, особенно в борьбе с танками, организации противоповстанческих действий против курдских боевиков в юго-восточных горных районах и при осуществлении десантно-штурмовых и аэромобильных операций. В конце марта 2007 г. было официально объявлено, что итальянская компания Agusta Aerospace выиграла тендер на поставки вооруженным силам Турции 52 современных вертолетов огневой поддержки "Mangusta" A-129, стоимостью примерно в 3 млрд. долларов. Итальянская компания обошла в финале тендера южноафриканскую Denel, а ранее из тендера выбыли российская компания «Камов» со своими вертолетами Ка-50 и Ка-52, а также французско-германская компания "Eurocopter", предлагавшая перспективный ударный вертолет "Tiger"[12]. Тем самым завершилась многолетняя эпопея с попытками Турции реализовать масштабную программу оснащения вооруженных сил новыми боевыми ударными вертолетами, начавшуюся еще с 1997 г. В 2000 г. первый вертолетный тендер на поставку 50 вертолетов AH-1Z выиграла американская компания "Bell Textron", однако переговоры с ней в мае 2004 г. зашли в тупик из-за разногласий в вопросах цены на боевые машины, передачи технологий и лицензии на производство вертолетов в Турции. Тогда же Анкара отменила торги и объявила о проведении новых. Предполагается, что вскоре Турция подведет также итоги тендера на поставки 32 многоцелевых вертолетов для армейской авиации и ВВС страны, где основным кандидатом на поставки рассматривается вертолет S-70 "Blackhawk" американской компании «Сикорский»[13].

Значительные изменения предполагается также ввести в систему охраны границ, для обеспечения соответствия ответственных за нее служб минимальным европейским стандартам. В настоящее время эту функцию выполняют подразделения жандармерии, а в юго-восточных курдонаселенных районах Турции – непосредственно также и части сухопутных войск. Однако в рамках процессов по переговорам о возможном вступлении Турции в ЕС, под давлением Европейского Союза Генеральный штаб ВС и Главное управление безопасности Турции с конца марта 2006 г. начали осуществление масштабного проекта по созданию специализированной пограничной службы. По предварительным данным, окончательная стоимость проекта составит 3,7 млрд. евро, из которых около 60% будет выделено со стороны ЕС. В рамках проекта по созданию пограничной службы Турции предполагается к 2014 г. набрать и обучить около 70 тыс. профессиональных пограничников, оснастить их современным оборудованием, экипировкой и техническими средствами, в том числе тепловизионными камерами и системой спутникового контроля и оповещения. При этом, как сообщают турецкие источники, новая служба не будет напрямую связана с вооруженными силами, и ее руководство будут осуществлять местные власти приграничных областей и специальное управление по пограничной охране, которое еще предполагается создать. Как отмечается, в создании новой пограничной службы будет широко использовать европейский опыт, в частности, за основу будет взята французская модель организации пограничной охраны[14].

5. ВВС ТУРЦИИ

ВВС играют особую роль в структуре вооруженных сил, имея приоритетность в стратегическом оборонном планировании страны, являясь по своему боевому потенциалу и мобильности одним из наиболее мощных видов ТВС. Это объясняется как довольно современным техническим оснащением ВВС, так и их высокими боевыми возможностями и оперативностью. ВВС Турции способны выполнять возложенные на них боевые задачи как в тесном взаимодействии с остальными видами вооруженных сил, так и самостоятельно. Кроме этого, в военное время они также рассматриваются составной частью Объединенных ВВС НАТО, в частности, входят в состав 6-го тактического авиационного командования ВВС НАТО (SIXATAF). О возросших амбициях командования турецких ВВС говорит и то, что в марте 2002 г. было принято решение заменить действующую в то время в качестве основного документа по планированию и боевому использованию ВВС «Авиационную Концепцию Турецких Вооруженных Сил» на более глобальную «Концепцию аэрокосмической и ракетной обороны», в качестве составной части формирования нового Национального космического управления и развертывания интегрированной программы развития авиационного, зенитного/противоракетного и космического элементов перспективных «аэрокосмических» ВВС Турции.

Структурно ВВС состоят из: командования и штаба ВВС (Анкара), 1-го и 2-го тактических авиационных командований (Эскишехир и Диарбакыр), учебного командования (Измир), тылового командования, командования 10-й базы авиационных топливозаправщиков (Инджирлик, Адана), командования 11-й главной авиационной транспортной базы (Этимесгут, Анкара) и командования 12-й главной авиационной транспортной базы (Эркилет, Кайсери).

Тактические авиационные командования являются основными опе-

ративными объединениями ВВС. 1-е тактическое авиационное командование прикрывает воздушное пространство на западе страны и включает: 4 авиационные базы (в Эскишехире, Акинчи, Бандырме, Балыкесире), зенитно-ракетную базу (Алемдаг, Стамбул) и командование 1-й группы контроля над авиационным пространством. 2-е тактическое авиационное командование ответственно за воздушное пространство на востоке и юго-востоке страны и включает 3 авиационные базы (в Мерзифоне, Эрхаче-Малатии и Диарбакыре) и командование 2-й группы контроля над авиационным пространством.

ВВС включают: 19 истребительных и истребительно-бомбардировочных авиационных эскадрилий, 1 разведывательную авиационную эскадрилью, 6 учебных авиационных эскадрилий, 6 транспортных авиационных эскадрилий, 1 эскадрилью авиационных топливозаправщиков, 8 зенитно-ракетных дивизионов (34 батареи ЗРК "Nike Hercules").

В боевом составе турецких ВВС находится свыше 400 самолетов, в том числе: 218 F-16C/D, 50 F-4E "Terminator 2020", около 65 F-4E (в том числе примерно 18 RF-4E), 58 F-5A/B (в том числе примерно 20 RF-5). Транспортная авиация представлена примерно 100 самолетами (C-130, C-160, CN-235), имеется также 7 самолетов-топливозаправщиков KC-135R. В составе ВВС, армейской авиации сухопутных войск, жандармерии и авиации ВМС находится около 470 вертолетов, в том числе 37 ударных вертолетов AH-1 W/P (в составе армейской авиации) и почти 350 многоцелевых и транспортных вертолетов (AS-532 Cougar, S-70A "Blackhawk", UH-1H/AB-204/AB-205, Mu-17). Турецкая армия имеет второй (после Израиля) парк беспилотных летательных аппаратов (свыше 110 единиц), в том числе ударных БПЛА типа "Harpy"[15].

По мнению военных экспертов, по своей профессиональной подготовке, количеству налетанных часов (в том числе на низких высотах в горных условиях) и морально-психологическому настрою турецкие летчики являются одними из наиболее подготовленных в ВВС стран НАТО. А в регионе Ближнего и Среднего Востока турецкие ВВС количественно и качественно (в том числе в вопросе профессионализма летного состава) уступают только ВВС Израиля. В случае успешного завершения программы по оснащению ВВС Турции также определенным количеством самолетов ДРЛО (дальнего радиолокационного обнаружения – AEW&C), они не будут иметь себе равных в регионе и по системе управления, боевого использования авиации, разведки и контроля над воздушным пространством.

Поддержание ВВС Турции на высоком техническом уровне также обеспечивается достаточными возможностями авиационной промышленности страны, так как сборка (по американской лицензии), производство некоторых комплектующих и ремонт основного боевого самолета турецкой военной авиации – истребителя-бомбардировщика F-16 осуществляется на турецких предприятиях еще с конца 1980-х гг.. Боевой потенциал и радиус действия турецкой боевой авиации значительно возросли после принятия на вооружение 7 самолетов-топливозаправщиков KC-135R. В свою очередь, возможности транспо-

ртной авиации ВВС Турции по доставке грузов и осуществлению десантных операций будут существенно повышены после реализации европейской программы производства транспортных самолетов A-400M, в которой также участвует и турецкая сторона (на первом этапе планируется закупить для ВВС Турции 10 самолетов).

В перспективных планах руководства турецких ВВС в первую очередь намечается масштабная закупка в течение ближайших 15 лет 100-120 самолетов F-35, разрабатываемых в рамках программы JSF (в которой принимают участие США, Великобритания, Канада, Австралия, Дания, Норвегия и Турция) для постепенной замены находящихся на вооружении национальных ВВС самолетов F-4 и F-16. Турция является одним из активных участников данного проекта. Закупка партии истребителей F-35, как планируется, обойдется турецкой казне примерно в 10 млрд. долларов. Вместе с тем примечательно, что военно-политическое руководство Турции долгое время колебалось по поводу закупки только самолетов F-35 или также дополнительной закупки определенного количества истребителей «Тайфун Еврофайтер». С одной стороны, Турция стремилась закупкой европейских истребителей оказать позитивное влияние на переговорный процесс по поводу своего вступления в ЕС, но с другой стороны – традиционное наличие большого парка американских истребителей и богатого опыта эксплуатации именно таких самолетов заставило турецкий Генштаб и командование ВВС сделать выбор в пользу только F-35. В мае 2005 г. руководство Аэрокосмической корпорации Турции (АКТ) подписало соглашение стоимостью в 100 млн. долларов с корпорацией «Нортроп Грумман» о производстве комплектующих и композитных материалов для истребителя-бомбардировщика F-35. По мнению руководства АКТ, после того как F-35 будет запущен в серийное производство и увеличится число стран, которые будут закупать этот самолет, АКТ планирует довести свою долю в производстве запчастей и композитных материалов для этого истребителя до 1,2 млрд. долларов[16]. Турецкие компании будут участвовать также в производстве элементов авионики и систем управления самолета. В октябре 2003 г. было подписано соглашение, согласно которому турецкая компания "Elektronik San AS" (Ayses) начала работы по производству отдельных элементов к системам управления ракетным вооружением перспективного самолета F-35[17].

Как планируется, примерно в 2015 гг. начнется постепенная замена турецких истребителей-бомбардировщиков новыми самолетами F-35. К этому времени на вооружении турецких ВВС будут находиться уже только модернизированные истребители-бомбардировщики F-16C/D и F-4E "Terminator 2020", а устаревшие истребители F-5A/B будут списаны, выведены из боевого состава или переданы в учебные части. Однако до поступления на вооружение данного истребителя Турция планирует провести модернизацию истребителей F-16 ранних моделей и закупку 30 истребителей-бомбардировщиков F-16 последних моделей Block 50, модернизацию с помощью израильских специалистов

новой партии истребителей-бомбардировщиков F-4E, и осуществить ряд других мероприятий по технического поддержанию самолетного парка в надлежащем состоянии. Исходя из этого, в 2006 г. командование ВВС подписало с компанией «Локхид-Мартин» соглашение о модернизации 117 из 218 находящихся на вооружении истребителей F-16 .

В ближайшие месяцы турецкие вооруженные силы намереваются также закупить два беспилотных военных дирижабля для обеспечения постоянного мониторинга, слежения и разведки в юго-восточных районах Турции и на границе с Ираком для контроля за передвижениями отрядов курдских боевиков и координации борьбы с ними частей турецкой армии и жандармерии. Дирижабли будут оборудованы современными оптическими и электронными средствами наблюдения, один из них будет выведен в стратосферу на высоту 21 км, а другой – на средние высоты над территорией Турции. Ориентировочная стоимость каждого из дирижаблей, которые планируется закупить у американской компании «Локхид-Мартин», составит 50-60 млн. долларов и они будут способны вести наблюдение на площади около 1 тыс. кв. км[18].

К существующим проблемам, с которыми в настоящее время сталкиваются турецкие ВВС, следует отметить значительный дефицит кадров, в первую очередь высококвалифицированных летчиков. С 1984 г. ВВС Турции покинули свыше 1500 пилотов, а ежегодный отток кадров составляет до 7% профессиональных военных летчиков. На фоне быстрого и успешного развития местной гражданской авиации (учитывая большой подъем туристической отрасли в Турции) многие военные летчики предпочитают уход из ВВС и поступление на значительно более высокооплачиваемую работу в гражданских авиакомпаниях. Учитывая, что подготовка летчика-истребителя длится около 15 лет и обходится турецким ВВС примерно в 15 млн. долларов, на фоне продолжающейся масштабной модернизации военной авиации ВВС Турции терпят значительные масштабные убытки и в скором будущем могут столкнуться с серьезной кадровой проблемой[19].

С целью повышения разведывательных возможностей своих вооруженных сил, турецкое военно-политическое руководство также планирует масштабное развертывание своей космической спутниковой программы, в частности, запуск на орбиту современных спутников. Партнерами в этой программе могут стать Израиль, США и ряд европейских стран. Оценочная стоимость этой программы составит около 200 млн. долларов, а вывод первых военных разведывательных спутников на орбиту планируется осуществить уже в 2011 г[20].

В последние годы командование турецких ВВС уделяет большой интерес вопросу оснащения системами ПВО большого радиуса, а также развертывания на территории Турции систем ПРО ТВД. В качестве наиболее реальных вариантов рассматривается вопрос закупки различных модификаций американских зенитных комплексов "Patriot", израильских систем ПРО "Arrow" или "Arrow-2", а также российских ЗРК С-300. Однако пока еще военно-политическое руководство Турции не приняло окончательного решения по этому вопросу, и во многом это

зависит от динамики общего развития ситуации вокруг проблемы распространения ОМП и ракетных технологий в регионе Ближнего и Среднего Востока[21].

6. ВМС ТУРЦИИ

Военно-морские силы являются самостоятельным видом вооруженных сил. Организационно они включают четыре командования – Военно-морского флота, Северной военно-морской зоны, Южной военно-морской зоны и Учебное. В оперативном подчинении командующему ВМС находится также командование береговой охраны, которое в мирное время находится в административном подчинении МВД. Корабельный состав турецких ВМС включает 13 дизельных подводных лодок, 20 фрегатов УРО, 6 корветов, 22 ракетных и торпедных катеров, 29 минно-тральных корабля и катера, 106 патрульных кораблей и катеров, 50 десантных кораблей и катеров, более 80 вспомогательных судов и катеров. В составе морской авиации две эскадрильи, включающие до 30 самолетов и вертолетов. В состав ВМС входит также отдельная бригада морской пехоты[22].

Основой ВМС Турции является Командование ВМФ (штаб находится в Главной военно-морской базы Гельджюк). В ВМФ входит четыре флотилии однородных сил – подводных лодок, надводных сил, ракетных катеров и минно-тральных сил, а также полк морской авиации, дивизион вспомогательных судов, военно-морские базы, центр тылового обеспечения ВМС и судостроительный завод «Гельджюк». Флотилия подводных лодок состоит из штаба, трех дивизионов подводных лодок (типов "Atilay" - Type 1200 и "Preverze" - Type 1400) и базируется в ГВМБ Гельджюк и ВМБ Аксаз-Караагач. Флотилия надводных сил является основным боевым соединением ВМФ, включает штаб, 5 дивизионов фрегатов УРО и базируется в ГВМБ Гельджюк и ВМБ Аксаз-Караагач. Флотилия ракетных катеров состоит из штаба, двух дивизионов ракетных катеров и базируется в ВМБ Стамбул. Флотилия минно-тральных судов состоит из штаба, двух дивизионов тральщиков и базируется в ВМБ Эрдек. Дивизион вспомогательных судов (базируется в ГВМБ Гельджюк) предназначен для тылового снабжения боевых сил, и включает танкеры-заправщики, транспорты снабжения, буксиры и т.д. Полк морской авиации базируется на авиационной базе Топель, состоит из авиационной эскадрильи (6 самолетов базовой патрульной авиации CN-235-100M и учебные самолеты ТВ-20) и эскадрильи противолодочных вертолетов (7 вертолетов S-70B, 12 вертолетов АВ-212 и 1 вертолет АВ-204)[23].

Командование Северной военно-морской зоны (штаб в ВМБ Стамбул) ответственно за зону проливов Босфор и Дарданеллы, акваторию Мраморного моря и морские районы вдоль черноморского побережья Турции. Организационно оно включает командования трех районов – Черного моря (ВМБ Эрегли), пролива Босфор (ВМБ Стамбул), пролива Дарданеллы, а также командование спасательных и подводных работ, управление навигации и гидрографии, судостроитель-

ный завод «Стамбул». В мирное время оно ответственно за боевую подготовку подчиненных или прибывающих в зону ответственности СВМЗ кораблей, береговых частей, тыловое обеспечение, функционирование военно-морских баз и т.д. В военное время командование обеспечивает выполнение боевых задач подчиненных ему сил и кораблей в зоне своей ответственности.

Командование Южной военно-морской зоны (штаб в ВМБ Измир) является зональным объединением ВМС Турции, в зону ответственности которого входят морские районы вдоль турецкого побережья в Эгейском и Средиземном морях. Организационно оно включает две флотилии: патрульных сил (ВМБ Измир) и амфибийно-десантную (ВМБ Фоча), два командования: района Эгейского моря (штаб в ВМБ Измир) и района Средиземного моря (штаб в ВМБ Мерсин)., бригаду морской пехоты (дислоцируется в Фоча), а также командования находящихся в зоне ответственности ЮВМЗ военно-морских баз. Флотилия патрульных кораблей включает штаб, дивизион патрульных кораблей, два дивизиона патрульных катеров и передаваемый из состава флотилии ракетных катеров дивизион РКА. Амфибийно-десантная флотилия состоит из штаба и трех дивизионов десантных кораблей и катеров. По оценкам военных экспертов, силы и средства амфибийно-десантной флотилии позволяют проводить масштабную морскую десантную операцию с целью захвата прибрежного плацдарма, крупного порта или ВМБ, и их последующего удержания. Бригада морской пехоты является элитным соединением ВМС Турции, предназначенным для десантных морских операций, ведения боевых действий на побережье противника при поддержке кораблей или авиации. Бригада состоит из 3 батальонов морской пехоты, батальона снабжения, артиллерийского дивизиона, насчитывает около 3 тыс. человек и считает одним из наиболее подготовленных и боеспособных соединений в масштабах всех ТВС.

Учебное командование занимает обучением и подготовкой личного состава ВМС (штаб в ВМБ Карамюрсель), ему подчинены военно-морские учебные заведения и центры, отряды учебных кораблей и катеров и т.д.

В перспективных планах военно-политического руководства Турции по модернизации вооруженных сил значительное внимание уделяется развитию и оснащению ВМС, введению в его состав новых боевых кораблей, подводных лодок и катеров различного назначения, а также увеличение численности морской патрульной и противолодочной авиации. В частности, программой развития ВМС Турции, рассчитанной до 2012 г., предусматривается строительство шести фрегатов УРО нового поколения типа TF-2000, завершение строительства трех подводных лодок типа Preverze, строительство новой серии современных тральщиков, значительного количества новых быстроходных катеров различного назначения и корветов. С целью усиления возможностей морской патрульной и противолодочной авиации предусматривается закупка дополнительного количества противолодочных вертолетов S-70B "Seahawk" и самолетов базовой патрульной авиации CN-235[24].

В результате, по планам военно-политического руководства Турции, в боевом составе ВМС к 2012 г. предполагается иметь: 15 дизельных подводных лодок, 24 фрегата УРО, 24 тральщика, 12 сторожевых кораблей и корветов, 18 ракетных катеров, 70 десантных кораблей и катеров, 36 противолодочных вертолетов и т.д.[25] Кроме этого, намечается ввести в состав ВМС также один легкий авианосец[26]. Планируется, что большая часть кораблей и подводных лодок, которые должны быть введены в состав ВМС, будут построены на турецких верфях и судостроительных заводах по лицензии или на основе собственных разработок. В тоже время надо учесть, что серьезные финансовые проблемы, а также желание командования в качестве первоочередной задачи завершить восстановление и переоборудование основного пункта базировании турецкого флота - ВМБ Гельджюк (практически разрушенной в ходе землетрясения 1999 г.), могут осложнить реализацию столь масштабной программы обновления и усиления корабельного состава ВМС Турции[27].

Тем самым, можно отметить, что в целом ВМС Турции являются относительно современным и технически довольно хорошо оснащенным видом вооруженных сил, способными решать боевые задачи в акватории Восточного Средиземноморья и в Черном море как самостоятельно, так и совместно с Объединенными ВМС НАТО. В планах НАТО турецкими ВМС отводится роль по защите проливов, коммуникаций в Черном море и северо-восточном Средиземноморье, организации противолодочной борьбы, осуществление и обеспечение в зоне своей ответственности гуманитарных операций, борьбы с морскими десантами и т.д.

Более того, как в численном отношении, так и по своим боевым возможностям, ВМС Турции значительно превосходят ВМС других стран региона. После распада Советского Союза и раздела между Россией и Украиной бывшего Черноморского флота СССР ВМС Турции стали сильнейшими на Черном море. Окончание «холодной войны», начало реализации масштабных энергетических и коммуникационных проектов в Каспийско-Черноморском регионе, общее изменение приоритетов Турции в сфере безопасности привели также и к изменению целей и задач турецких ВМС. Если раньше их приоритетной целью считалась защита черноморских проливов и участие в ОВМС НАТО, то в настоящее время военно-морская стратегия Турции в акватории Черного моря стала более агрессивной и амбициозной. Ярким проявлением этого стали регулярные военно-морские учения и совместные операции с участием военных кораблей и катеров черноморских стран, но под эгидой или по инициативе именно турецких ВМС.

В рамках вышеуказанной стратегии Турции следует рассматривать инициированное Турцией подписание в 2001 г. соглашения о создании Черноморской военно-морской группы ("Blackseafor") шестью прибрежными черноморскими государствами – Болгарией, Грузией,

Россией, Румынией, Турцией и Украиной. Хотя формально целью развертывания ЧВМГ провозглашалась координация сотрудничества между ВМС причерноморских государств, проведение совместных поисково-спасательных и гуманитарных операций, учений, борьбы с терроризмом и морской контрабандой, это мероприятие следует рассматривать в первую очередь с точки зрения фиксации возросшей роли турецкого военно-морского флота на Черном море. С другой стороны, создание Blackseafor и особый интерес турецкой стороны к участию в ней кораблей Черноморского флота России, дал повод некоторым экспертам утверждать о некотором региональном военно-морском сближении Москвы и Анкары в обход США и структур НАТО.

Возросшую роль турецких ВМС в акватории Черного моря символизирует также развертывание ими с 2004 г. операции «Черноморская гармония». В рамках указанной операции, проводящейся турецкими ВМС по согласованию с НАТО, предусматривается постоянное присутствие и патрулирование силами турецкого военно-морского флота в южной и юго-восточной частях Черного моря. Для ее проведения в составе ВМС Турции создана специальная оперативная группа, в которую входят фрегаты УРО, подводные лодки, ракетные и патрульные катера, а также базовая патрульная авиация и вертолеты[28]. О своем желании присоединиться с 2006 г. к данной операции выразила также и Россия[29], что свидетельствует о том, что у турецкой стороны существуют определенные опасения о более активном вовлечении США и ОВМС НАТО в черноморские проблемы, что может поставить под угрозу возросшее влияние Турции в этом регионе.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, можно утверждать, что вооруженные силы Турции обладают весьма высоким уровнем боеспособности, значительной численностью, дисциплинированным и профессиональным офицерским корпусом, удовлетворительным техническим оснащением. В настоящее время ТВС способны решать задачи как по обеспечению обороны от широкомасштабного внешнего нападения и одновременного решения задач по локальной противоповстанческой борьбе внутри страны, так и обладают достаточным потенциалом для проведения объединенных наступательных операций в региональном измерении с участием всех видов вооруженных сил. Вооруженные силы Турецкой Республики, по оценкам экспертов, способны эффективно вести долговременные широкомасштабные боевые действия как самостоятельно (особенно на оперативном и оперативно-тактическом уровнях), так и в составе ОВС НАТО.

В перспективе, по мнению военно-политического руководства Турции, в результате реализации самой масштабной за все годы существования республики военной реформы, а также перевооружения или модернизации имеющихся вооружений и военной техники, турецкие вооруженные силы значительно повысят свою боеспособность, станут более мобильными и приобретут большую оперативную гибкость

вследствие изменения организационно-штатной структуры и уменьшения численности личного состава. Повысятся также возможности турецких вооруженных сил по ведению разведки, контролю и управлению. Намечается постепенный перевод системы комплектования вооруженных сил на профессиональную основу, дальнейшее развитие военно-промышленного комплекса путем внедрения новых технологий, расширения объема выпускаемых на турецких предприятиях ВВТ, а также углубления военно-технического сотрудничества с другими странами, в первую очередь со членами НАТО.

С учетом амбициозного и активного вовлечения Турции в политические процессы на Ближнем и Среднем Востоке, в зоне Восточного Средиземноморья и Каспийско-Кавказском регионе, Турецкие Вооруженные Силы являются важным и неоднозначным военно-политическим фактором региональной безопасности.

8. ПРИЛОЖЕНИЯ[30]

Таблица 2. Количество вооружения и военной техники сухопутных войск Турции по состоянию на 2006 г.

Тип вооружения или военной техники	Модель	Количество	Из них боеспособных	Примечания
ОТР класса «земля-земля»	MGM-140 ATACMS Block1	12 ПУ и 72 ракеты	12 ПУ и 72 ракеты	Используются ПУ от РСЗО М-270 MLRS
Танки		~4170	~2650	
	"Leopard" A1/A3	397	397	
	M-60 A1/A3	906	906	170 из них предполагается модифицировать по программе "Sabra" MkIII
	M-48 T5/A5T1/T2	~1350	~1350	Модифицированы до уровня танков М-60 А1 и М-60А3
	M-48 A3	~1520	0	Сняты с вооружения, разобраны или используются на запчасти
БМП		928	928	
	"Condor"	25	25	
	UR-416	35	35	
	AIFV	868	868	(включая 170 самоходных 81-мм минометов и 48 самоходных ПТРК TOW)

Тип вооружения или военной техники	Модель	Количество	Из них боеспособных	Примечания
БТР		**4595**	**4595**	
	AAPC	1160	1160	Турецкого производства, предполагается поставить еще 551 единицы
	M-113 A1/A3	2815	2815	
	БТР-80	240	240	На вооружении войск жандармерии
	БТР-60	340	340	На вооружении войск жандармерии
БРМ и легкие бронированные машины	S-55	40	40	
		360	**360**	
	"Cobra"	100	100	
Самоходные гаубицы и пушки	"Akper"	260	260	
		933	**885**	
	203-мм M-110	219	219	
	203-мм M-55	9	9	
	175-мм M-107	36	36	
	155-мм "Firtina"	8	8	Турецкого производства, предполагается поставить еще 300 единиц
	155-мм M-44T	222	222	
	155-мм M-52T	365	365	
	152-мм "Dana"	48	~	
Буксируемые гаубицы и пушки	105-мм M-108	26	26	
		1502	**1331**	
	203-мм M-115	162	162	
	155-мм "Panter"	12	12	Турецкого производства, предполагается поставить еще 400 единиц
	155-мм M-114	517	517	
	155-мм M-59	171	0	
	105-мм M-101/102	640	640	
Минометы		**2013**	**2013**	
	120-мм	578	578	
	107-мм M-30	1265	1265	
	81-мм самоходных минометов	170	170	На базе БМП AIFV

Тип вооружения или военной техники	Модель	Количество	Из них боеспособных	Примечания
РСЗО		~164	~164	
	WS-1A/B (4x320-мм)	~30	~30	Китайского произв. тайно поставлены с 1996 г. из Китая без уведомления в рамках ДОВСЕ
	M-270 MLRS (12x227-мм)	12	12	
	T-122 CNRA (40x122-мм)	~50	~50	
	TR-107 (12x107-мм)	48	48	
	RA-7040 (40x70-мм)	24	24	
ПУ ПТРК		**1563**	**1377**	
	"Milan"	392	392	
	TOW I/II	365	365	
	ERYX	550 (1200 ракет)	550	Турецкого производства, намечено произвести до 10 000 единиц
	9M113M «Конкурс»	70 (420 ракет)	70	
	"Cobra"	186	0	Используются в качестве учебно-тренировочных
РПГ и безоткатные противотанковые орудия		**47135**	**47135**	
	РПГ-7 (40-мм)	5000	5000	
	M-72 A2 LAW (66-мм)	+40000	40000	
	106-мм M-40 A1	2135	2135	
Зенитная артиллерия		**1660**	**1660**	
	40-мм L60/70	800	800	
	40-мм T1	40	40	
	40-мм M-42 A1 SP	260	260	
	35-мм GDF-003	120	120	
	20-мм GAI-DO1	440	440	
ПУ ЗРК		**96**	**96**	
	"Rapier" B1X	78	78	
	"Rapier"	8	8	
	"Zipkin"/"Atilgan"	10	10	Самоходные ПУ ЗРК "Stinger"
ПУ ПЗРК		**938**	**938**	
	"Stinger"	108	108	
	"Redeye"	790	790	
	9M39 «Игла»	40		
Автоматические гранатометы	40-мм Mk18	+1500	+1500	

Тип вооружения или авиационной техники	Модель	Количество	Из них боеспособных	Примечания
Вертолеты		**469**	**469**	
Ударные вертолеты	AH-1 W/P "Cobra"	37	37	В армейской авиации
Многоцелевые и транспортные вертолеты				
	AS-532 "Cougar"	47	47	Из них 26 в армейской авиации
	Ми-17	19	19	В жандармерии
	S-70A "Blackhawk"	87	87	35 в жандармерии, 2 в специальных войсках
	AB-412	9	9	В береговой охране
Легкие вертолеты	UH-1H/AB-204/AB-205	186	186	160 в армейской авиации, 3 в ВМС
	AB-206	32	32	Из них 3 в береговой охране
	H-300C	28	28	В армейской авиации
	OH-58B	3	3	В армейской авиации
ВМС				
	AB-212	14	14	12 в противолодочном варианте в ВМС и 2 в армейской авиации
	S-70B "Seahawk"	7	7	
БПЛА		**~120**	**~120**	
	"Gnat" 759	6	6	
	"Harpy"	108	108	Ударные БПЛА
ЗРК	CL-89	+	+	
	'Nike Hercules"	8 дивизионов, 24 батареи	0	Снимаются с вооружения
	"Hawk"	8 ПУ	8 ПУ	

Тип вооружения или авиационной техники	Модель	Количество	Из них боеспособных	Примечания
Вертолеты		**469**	**469**	
Ударные вертолеты	AH-1 W/P "Cobra"	37	37	В армейской авиации
Многоцелевые и транспортные вертолеты				
	AS-532 "Cougar"	47	47	Из них 26 в армейской авиации
	Ми-17	19	19	В жандармерии
	S-70A "Blackhawk"	87	87	35 в жандармерии, 2 в специальных войсках
	AB-412	9	9	В береговой охране
Легкие вертолеты	UH-1H/AB-204/AB-205	186	186	160 в армейской авиации, 3 в ВМС
	AB-206	32	32	Из них 3 в береговой охране
	H-300C	28	28	В армейской авиации
	OH-58B	3	3	В армейской авиации
ВМС				
	AB-212	14	14	12 в противолодочном варианте в ВМС и 2 в армейской авиации
	S-70B "Seahawk"	7	7	
БПЛА		**~120**	**~120**	
	"Gnat" 759	6	6	
	"Harpy"	108	108	Ударные БПЛА
ЗРК	CL-89	+	+	
	'Nike Hercules"	8 дивизионов, 24 батареи	0	Снимаются с вооружения
	"Hawk"	8 ПУ	8 ПУ	

Таблица 4. Корабельный состав ВМС Турции по состоянию на 2006 г.

Тип боевого корабля или катера	Модификация	Количество	Длина (м) / Водоизмещение (т)	Примечания
Подводные лодки		**13**		
	"Atilay" (Type 1200)	6	61.2/1185	
	"Preverze" (Type 1400)	5	62/1586	Планируется поставка еще 3 подводных лодок подобного класса
Фрегаты УРО		**20**		
	"Barbaros" (MEKO 200 track II-A/B)	4	116.7/3350	
	Yavuz (MEKO 200)	4	115.5/2.414	
	"Gaziantep" ("Oliver Perry" class)	8	135.6/3638	
	"Tepe" ("Knox" class)	4	134/3011	
Корветы		**6**		
	"Burak" ("d'Orves" Type 69A)	6	80.5/1175	
Ракетные и торпедные катера		**22**		
	"Dogan" class	8	58.1/436	
	"Kilic" class	4	57.8/433	Планируется поставка еще 5 модернизированных кораблей Kilic II
	"Yildiz" class	2	57.8/433	
	"Kartal" ("Jaguar" class)	8	42.5/160	

Тип боевого корабля или катера	Модификация	Количество	Длина (м) / Водоизмещение (т)	Примечания
Минно-тральные корабли и катера		**29**		
	"Aydin" class (type 54-014)	1	54.5/715	Планируется поставка еще 5 модернизированных тральщика Aydin 54 (type 332MJ)
	"Silifke" class (MSC 289)	5	43/320	
	"Karamursel" ("Vagasack" class)	6	47.3/362	
	"Edincik" ("Circe" class)	5	50.9/495	
	"Foca" ("Cove" class)	4	34/180	
	"Daigic"	6	21.8/70	
	"Samandira"	2	19.6/72	
Патрульные корабли и катера		**106**		Планируется поставка еще 10 патрульных катеров
Десантные корабли и катера		**50**		

1 Багдасарян С. Перед выбором: проблема основных факторов и приоритетов политического развития Турции // Туркологические и османистические исследования. Т.1, Ереван, 2002. С.75.

2 См. подробнее: Мурадян И. Региональные проблемы турецко-американских отношений. Ереван, 2004.

3 Рассчитано на основе экспертных оценок с использованием официальной статистики.

4 См. подробнее: Вихрев М.М. Военные профессионалы Турецкой Республики как резерв государственного управленческого аппарата // Офицерский корпус ближневосточных государств (сборник статей) / Отв. ред. Ахмедов В.М., Юрченко В.П. ИИИБВ: М., 2004.

5 См. подробнее: Вихрев М.М. Военные профессионалы Турецкой Республики как резерв государственного управленческого аппарата // Офицерский корпус ближневосточных государств (сборник статей) / Отв. ред. Ахмедов В.М., Юрченко В.П. ИИИБВ: М., 2004.

6 Турецкое военно-политическое руководство в 2006 г. официально объявило, что переходит от прежней «Стратегии войны на 2,5 фронта» (подразумевавшей способность вооруженных сил страны участвовать одновременно в двух военных конфликтах высокой интенсивности и в одном низкой интенсивности – т.е. ведения одновременно внешней войны с двумя соседними странами и противостоянию иррегулярному конфликту внутри страны) на новую концепцию «Войны на 1,5 фронта». Исходя из того, что по мнению военного руководства Турции, снизилось количество стран, представляющих реальную угрозу для нее, нет необходимости содержать такую громоздкую армию, как прежде. Теперь упор будет сделан на более мобильные подразделения, обладающие большое технической оснащенностью и мобильностью, и способных к быстрой оперативной

переброске из одного конца страны на другой. Исходя из этого, в первую очередь, будут сокращенны сухопутные войска – самый многочисленный вид вооруженных сил Турции.

7 Козарь В. Турецкая армия на пороге войны // Красная звезда, 09.08.2006

8 Турецкая армия будет воевать по-партизански // http://lenta.ru/news/2006/08/28/turkish/

9 РИА «Новости», 24.08.2006.

10 Sariibrâhimoglu S. Growing Commitments. Turkey: Country Briefing // Jane's Defense Weekly. 12 February 2003. P.22.

11 Козарь В. Турецкая армия на пороге войны // Красная звезда, 09.08.2006.

12 Итальянская компания Agusta Aerospace выиграла тендер на строительство боевых вертолетов для Турции // РИА «Новости», 02.04.2007.

13 Щербаков В. Турция возобновляет вертолетный тендер // Военно-промышленный курьер, № 6(73), 16-22.02.2005.

14 Нестеркин В. Создание погранслужбы Турции // Зарубежное военное обозрение, №6, 2006. С.35.

15 См. подробнее: The Middle East Strategic Balance 2005-2006. JCSS: Tel Aviv University, 2005.

16 Турция подписала соглашение с корпорацией «Нортроп-Грумман» о производстве комплектующих для самолета F-35 // ИА АРМС-ТАСС, 15.06.2005.

17 Sariibrahimoglu S. Turkish Company Makes First Move in JSF Agreement // Jane's Defense Weekly. 22 October 2003.

18 Эльжанов В. За передвижениями боевиков в Турции планируется следить с помощью дирижаблей // Зарубежное военное обозрение, №12, 2006. С.65.

19 Михайлов О. Дефицит кадров в турецких ВВС // Зарубежное военное обозрение, №12, 2006. С.47-48.

20 Taylor D. Turkey's Military Satellite Program: A Model for Emerging Regional Powers // The Space Review, 02.01.2007.

21 Udum S. Missile Proliferation in the Middle East: Turkey and Missile Defense // Turkish Studies, Vol.4, №1 (Autumn 2003). P. 80-89.

22 См. подробнее: The Middle East Strategic Balance 2005-2006. JCSS: Tel Aviv University, 2005.

23 Крымов И. Военно-морские силы Турции // Зарубежное военное обозрение, №4, 2005. С.53-60.

24 См. подробнее: The Middle East Strategic Balance 2005-2006. JCSS: Tel Aviv University, 2005.

25 Крымов И. Военно-морские силы Турции // Зарубежное военное обозрение, №4, 2005. С.53-60.

26 Арешев А. Вооруженные силы и внешнеполитический курс Турции на современном этапе // Вопросы стратегии и безопасности / Составитель и редактор Айвазян А. Ереван, 2007. С.112.

27 Sariibrahimoglu S. Growing Commitments. Turkey: Country Briefing // Jane's Defense Weekly. 12 February 2003. P.26.

28 Крымов О. Операция ВМС Турции «Черноморская гармония» // Зарубежное военное обозрение, №1, 2007. С.49-53.

29 Осенью 2006 г. один ракетный крейсер и два больших десантных корабля Черноморского флота России приняли участие в совместной операции и боевом патрулировании с турецкими ВМС в рамках операции «Черноморская гармония». См. подробнее: Бабакин А. «Черноморская гармония» // Независимое военное обозрение, 13.10.2006.

30 Таблицы подготовлены с использованием данных: The Military Balance 2005-2006. IISS: London, 2005; The Middle East Strategic Balance 2005-2006. JCSS: Tel Aviv University, 2005, а также на основе официальных сведений и экспертных оценок.

СТРАТЕГИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ВС ТУРЦИИ И РАЗВИТИЕ ЕЕ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Левон Овсепян

Турция активно приступила к осуществлению широкомасштабной программы модернизации вооружений собственных вооруженных сил (далее ВС) и развитию собственного военно-промышленного комплекса. Эти программы военной модернизации имеют важное значение не только для самой Турции, но и с точки зрения региональных военно-политических проблем и тенденций развития.

Турция, являясь второй страной НАТО по численности своей армии и количеству вооружений, и не имея достаточных ресурсов и действенного военно-промышленного комплекса для обеспечения своей армии военной техникой и вооружением, с середины 1990-х гг. активно приступила к осуществлению программ развития собственного ВПК и модернизации ВС.

Развитие собственного военно-промышленного комплекса, а также проекты и программы модернизации вооружений ВС представляют большое значение для Турции с разных точек зрения. Став членом Североатлантического блока и стратегическим партнером США, Турция в деле становления и развития собственной военной системы, а также обеспечения вооружениями фактически находилась в значительной зависимости от поступлений из США и европейских стран.

Процесс модернизации ВС был вызван новыми вызовам после холодной войны, поскольку менялась геополитическая роль Турции, которая уже представлялась как региональное государство, которое для сопротивления внешним и внутренним угрозам нуждалась в большей военной силе.

Выступая осенью 2005 г. на конференции, посвященной 20-летию основания Секретариата оборонной промышленности Турции, руководитель главного департамента планирования и политики Генерального ВС Турции Хилми Акн Зорло отметил, что не будучи защищенной от различных угроз и вызовов из окружающих регионов, Турция вынуждена иметь ВС, соответствующие военным и политическим требованиям 21-го века, важнейшим условием успешности чего считается становление и развитие мощного и эффективного собственного военно-промышленного комплекса[1].

Задачи модернизации турецких ВС относятся не столько к армейским структурным изменениям, сколько к необходимости модернизации ВС, обновлению вооружений и необходимости развития собственной военной промышленности. Для противостояния новым вызовам безопасности ВС Турции находятся в процессе соответствия требованиям и потребностям, исходящим из новых военно-политических и стратегических условий.

В первую очередь, модернизация ВС Турции предполагает частичное реформирование и сокращение сухопутных сил, модернизацию вооружений, общую реорганизацию военно-воздушных и военно-морских сил.

Стратегия модернизации, начатая для повышения боеспособности ВС, предполагает использование и развитие следующих возможностей: системы управления, компьютерной и разведывательной систем, мобильной огневой мощи, высокотехнологического оружия и боевых систем, возможность осуществлять военные действия в любых условиях днем и ночью, возможность быстрого перехода от мирных условий к военным, наличие систем противовоздушной и противоракетной обороны против оружия массового поражения, возможность осуществления военных действий, направленных против разносторонних и ассиметричных, способность к совместным или союзническим действиям, способность проводить совместные действия с союзными силами[2].

Бывший командующий сухопутными войсками Турции Йашар Буюканит, назначенный в августе 2006 г. начальником Генерального штаба ВС, в одном из своих первых выступлений уже объявил о сокращении сухопутных войск Турции. Предусматривается до 2014 г. приблизительно на 30% сократить личный состав сухопутных войск, до 180 тыс. человек. Сухопутные войска после этого будут состоять из бригад, оснащенных современным и мощным вооружением[3]. В сухопутных войсках начиная с 2004 г. постепенно дивизионная структура заменяется бригадной американского типа.

С середины 1990 гг. уже предпринимались четкие шаги в направлении осуществления долгосрочных широкомасштабных программ. В рамках этих программ турецкой армии и Секретариату оборонной промышленности Министерства обороны до 2007 г. предусматривается выделить до 27 млрд. долларов[4]. Осуществление программы до 2007 г. можно рассматривать как краткосрочное действие по модернизации турецких вооруженных сил. В 1996 г. турецкие власти выдвинули более долгосрочную и довольно претенциозную программу, утверждая, что для модернизации ВС и приобретения новейшего вооружения они в течение 30 лет потратят 150 млрд. долларов[5].

Основы военной модернизации Турции были заложены в 1991 г., после войны в Персидском заливе, когда военные круги Турции ясно осознали, что ВС страны со своим устаревшим вооружением не могут противостоять вызовам 21-го века[6].

В основе стратегии модернизации ВС основная роль придается развитию военно-промышленного комплекса страны. В 1996 г. во время совещания, проведенного президентом Турции Сулейманом Демирелем с представителями компаний военной промышленности, подробно были изучены дальнейшие планы, направленные на развитие военно-промышленного комплекса, в результате чего Министерством обороны был разработан специальный документ, относящийся к этой сфере[7].

В 1985 г. с целью развития военной промышленности в Турции, согласно Закону №3238, было создано «Управление содействия и развития оборонной промышленности», которое финансировалось из

собственного финансового органа – Фонда содействия оборонной промышленности[8].

В настоящее время основным органом оборонной промышленности является Секретариат оборонной промышленности при Министерстве национальной обороны Турции (Savunma Sanayii Mustesarligi). В сфере военной промышленности стратегия и решения, а также вопросы приобретений вооружения, принимаются Высшим координационным советом оборонной промышленности и Исполнительным комитетом оборонной промышленности[9]. Важные принципы и стратегия развития военно-промышленного комплекса нашли свое отражение в документе «Основы политики и стратегии турецкой оборонной промышленности», который был утвержден турецким правительством в 1998 г[10]. Документ относится к основным принципам стратегии развития военной промышленности и обеспечения вооружениями, поэтому важно обратиться к некоторым из них подробнее.

Политика оборонной промышленности предусматривает наличие динамичной структуры, снабженной возможностями импорта и конкурентоспособной на международном рынке, приспособленной к современным технологиям и снабженной возможностями производства технологий, обеспечивающих собственные возможности в соответствии с технологическим развитием, делающей возможным устойчивое совместное военно-промышленное взаимодействие с дружественными или союзными Турции странами и испытывающей минимальное воздействие в различных политических ситуациях.

Основными положениями стратегии оборонной промышленности являются: постоянное обеспечение потребностей турецких ВС, с этой целью собственное высокотехнологичное производство военных изделий и вооружений, создание производственной базы и расширение инфраструктуры национальной военной промышленности, перспективное развитие собственных технологий на основе собственного сырья, развитие военной промышленности, открытой для внешней и внутренней конкуренции, необходимость использования «Национальной военной стратегии» и «Решений планирования и программирования» Турции в качестве источника при оценках оборонной промышленности и т.д[11].

Развитие военной промышленности Турции преследует как военно-политические, так и социально-экономические и технологические цели, поскольку вовлечение турецких компаний в военную промышленность служит серьезным толчком для развития промышленности страны в целом и будет способствовать внедрению новейших научных и технологических разработок в этой области. В военно-политическом отношении это даст возможность Турции стать региональной державой и поднять ее международный авторитет[12]. Экспорт военной продукции не только обеспечит финансовую выгоду, но и даст значительные стратегические и военно-политические преимущества для Турции[13].

Программы военной модернизации Турции и развитие военно-про-

мышленного комплекса, кроме сугубо военных целей, обеспечивают для Турции важные внешнеполитические рычаги. С одной стороны эти шаги направлены на уменьшение зависимости Турции от внешних поставок, а с другой стороны - крупные военные договоры и тендеры становятся для Турции серьезным орудием осуществления внешнеполитических целей[14].

Согласно «Новой стратегии обеспечения нужд обороны», опубликованной в мае 2004 г., Турция должна увеличить использование собственных ресурсов и технологий, а также увеличить участие турецких компаний в оборонных проектах, с целью повысить степень собственного вовлечения в оборонных программах по сравнению с существующими 25% и довести в ближайшие 5 лет до 50%[15].

Стратегия развития военно-промышленного комплекса вытекает из внутренних потребностей страны, как с точки зрения превращения из главной импортирующей страны на международном оборонном рынке в страну, экспортирующую собственную продукцию и занимающую передовые позиции в этой сфере[16].

По официальным данным, с начала 1990–х гг. Турция тратит примерно 3,5-5 млрд. долларов в год на приобретение вооружений и военной техники. Военно-промышленным комплексом Турции производится около 25% военной техники и вооружения, что рассматривается со стороны руководства Секретариата оборонной промышленности как неудовлетворительный показатель, поскольку по официальным данным Турция занимает в мире 4-е место по импорту и 28-е место по экспорту[17].

Новая стратегия обеспечения обороны исключает договоры по совместному производству вооружений, отдавая предпочтение прямым заграничным закупам и особенно производству с участием местных компаний. Поощряется реорганизация местной военной промышленности, посредством объединения государственных и частных компаний18. Для осуществления новой стратегии Министерство обороны Турции в 2004 г. подписало соглашение с тремя турецкими компаниями на сумму 2,5 млрд. долларов по производству 250 танков. В 2005 г. также были подписаны крупные договоры с компаниями TAI (Turkish Aerospace Industries) и Aselsan[19].

По словам министра обороны Турции Вежды Гёнула, в оборонной промышленности страны отмечается тенденция развития и она не отстает от других стран, использует все новые разработки в этой области. По его мнению, ощутимые успехи зарегистрированы в области ракетной промышленности и авиастроения, и в настоящее время Турция имеет возможность самостоятельно производить самолеты F-16[20].

Основные области турецкой военной промышленности классифицируются следующим образом:

- авиакосмическая промышленность,
- ракетная промышленность,
- производство электронного оборудования,
- производство различных видов стрелкового оружия,

- строительство военных кораблей,
- производство бронированных машин и артиллерии,
- производство военного обмундирования[21].

В настоящее время в сфере турецкой военной промышленности действуют несколько десятков государственных и частных компаний, большинство их которых объединяются в Союз производителей оборонной промышленности (SaSaD) и Объединение военных производителей (SADER), которые координируют более эффективную деятельность этих компаний. Союз производителей оборонной промышленности Турции является одновременно членом Европейской военно-производственной группы (European Defense Industry Group)[22].

В развитии военно-промышленного комплекса большое значение придается обеспечению связи между различными военно-промышленными компаниями и научно-образовательными заведениями и их совместному взаимодействию. С целью усовершенствования и обучения персонала различных структур военно-промышленного комплекса в составе Министерства обороны действует Главное командование военной промышленности и технологического образования (Savunma Sanayii ve Teknoloji Egitim Merkezi)[23].

С целью развития военной промышленности, научная и технологическая политика и разработки в соответствующей области осуществляются Советом научных и технологических разработок Турции (TUBITAK), который выполняет также исследования и проекты развития в различных областях[24].

Самой большой компания, действующей в аэрокосмической и авиационной промышленности является Государственная турецкая аэрокосмическая промышленная компания (Turkish Aerospace Industries Inc), которая занимается в основном совместным производством отдельных комплектующих для воздушных средств. Компания совместно с иностранными компаниями произвела сборку 286 боевых самолетов F-16, 60транспортных самолетов CN-235, 30 многоцелевых вертолетов Cougar AS-532 и т.д. Компания взаимодействует с американскими компаниями Boeing, Sikorsky, принимает участие в целом ряде международных проектов. В области разработки двигателей самолетов, а также производства комплектующих частей действует компания Tusas Engine Industry[25]. Самой большой инициативой этой компании является производство корпусов самолетов F-16 совместно с американскими компаниями на заводе, находящемся на воздушной базе Мюртед недалеко от Анкары[26].

В настоящее время эта компания взяла на себя модернизацию 25-35 самолетов F-16 военно-воздушных сил Иордании и Пакистана, общей стоимостью примерно 50 млрд. долларов[27]. Ранее компания участвовала также в модернизации аналогичных самолетов Erunma.

В настоящее время 55% основного капитала этой компании принадлежит Фонду усиления ВС Турции, а 45% - Секретариату оборонной промышленности. Со времени основания в 1984 г. и до конца 2006 г. зарегистрирован показатель экспорта примерно в 1 млрд. 118 млн.

долларов, а общая стоимость продаж составила 1 млрд. 417 млн. долларов[28]. Кроме того, в городах Эскишехир и Кайсери действуют два крупных предприятия по ремонту авиационной техники, в основном по восстановлению и модернизации бомбардировщиков американского производства[29].

Специализирующаяся в сфере ракетного производства турецкая компания Roketsan, основанная в 1988 г., начала свою деятельность с производства двигателей ракет «Stinger» для европейского консорциума. Эта компания осуществляет производство зенитных ракет ближнего действия, а также различных комплектующих частей этих ракет: векторного управления, боеголовок, систем управления. Компания готова в настоящее время к созданию системы противовоздушной обороны дальнего радиуса для турецких ВС[30]. В рамках программы разработки противотанковых ракет компания предоставила турецкой армии ракетные системы T-122 MBRL и T-107 MBRL собственного производства[31].

Директор турецкой компании Roketsan Хусейн Байсак в конце 2005 г. объявил, что для производства ракет различного радиуса действия компания имеет все необходимые человеческие, научные и технологические возможности. «Мы уже начали производство ракет дальнего действия для удовлетворения отечественных потребностей. Первыми образцами этого будут противотанковые ракеты»,- сказал он[32]. Компания Roketsan в ближайшее время намеревается еще более увеличить производство и стать передовой компанией в сфере ракетостроения. Ракеты Stinger, считающиеся гордостью турецкой военной промышленности, уже с 2005 г. стали поставляться Нидерландам.

Компания уже длительное время осуществляет работы для создания ракеты с лазерной системой управления. Предусматривается разработку этих ракет закончить к 2007 г. до начала Международной выставки оборонной промышленности (IDEF). Компания подписала договор с Секретариатом оборонной промышленности об осуществлении работ в сфере «противотанковых военных систем дальнего действия»[33].

В области производства электронного оборудования, средств управления и наблюдения действует государственная компания Aselsan Military Electronics Industries. Главными видами продукции компании являются военные средства связи, информационные, радарные, электрооптические, а также различные составляющие ракет, боеголовки и системы управления. Компании выпускает сухопутные мобильные РЛС ATILGAN Kaideye Monteli Stinger, ZIPKIN Kaideye Monteli Stinger и морские РЛС BORA, находящиеся в настоящее время на вооружении турецкой армии[34].

В сфере производства ракет началось серьезное сотрудничество с израильскими военно-промышленными компаниями. В 2003 г. вместе с Израилем начали осуществляться шаги по совместному производству ракет противовоздушной обороны. Компания Roketsan, расположенная начала сотрудничать с израильской компанией Rafael по организации совместного производства ракет Popeye. Турецкая сторона в дальнейшем также выражала свою заинтересованность в совместном производстве с израильской компанией Israeli Aviation Industry ракет средней дальности класса «земля-земля», а также систем ПРО Arrow-2 и ракет средней дальности AGM-142 Popeye-235.

14 января 2002 г. турецкая газета «Milliyet» опубликовала статью, в которой утверждалось, что испытания первой баллистической ракеты, произведенной в Турции, прошли успешно. Согласно газетной информации, ракета, называемая «J missile», является первой продукцией турецкой компании Roketsan, произведенной на основе китайской технологии. Первый испытательный запуск этой ракеты был произведен в декабре 2001 г., в прибрежных окрестностях Стамбула. Эта ракета, прошедшая испытания, явилась более усовершенствованным прототипом китайской ракеты М-7 с системой управления и наведения с радиусом действия 150 км[36].

В 2006 г. компания зафиксировала успех в создании новейшей электрооптической системы круглосуточного наблюдения и целеуказания ASELFLIR-300T, которая может устанавливаться на воздушных и морских средствах. На предварительном этапе предусматривается вооружить 10 подобными системами беспилотные самолеты, а затем около 50 систем установить на ударных вертолетах[37].

На заседании Исполнительного комитета оборонной промышленности, состоявшемся 12 декабря 2006 г., было принято решение в ближайшие 10 лет в проектах оборонной промышленности предоставить первостепенную роль компании Aselsan. В частности, эта компания взяла на себя обязательство осуществить работы по модернизации части самолетов ВВС и авионики вертолетов Командования военной жандармерии[38].

В сфере модернизации вооружений, производства военного программного обеспечения и разработки новейших технологий выделяется компания Havelsan, принадлежащая «Фонду укрепления турецких ВС». Для осуществления различных военно-промышленных программ компания производит необходимые системы информационного управления, а также системы электронной безопасности[39]. В экспорте высоких технологий компания достигла значительных успехов в 2005 г., доведя его объемы до 60 млн. долларов, по сравнению с 3,3 млн. долларов в 2001 г[40].

Самой большой компанией по производству артиллерийских орудий, взрывчатых веществ, легкого вооружения и различных видов стрелкового вооружения является Государственная компания машиностроительной и химической промышленности (Makina ve Kimya Endustrisi Kurumu - MKEK). Производство осуществляется на 12 заводах компании, расположенных в Анкаре и в провинциях Кркаели и Чанкри[41]. Производство различных видов артиллерийского и стрелкового оружия, а также зенитно-артиллерийских систем в основном сосредоточено на заводах в Кркаели и Чанкри[42].

Производство боевых бронированных машин и необходимого для

них вооружения в основном сосредоточено на заводах турецкой компании Nurol Grup, а также на совместных заводах FNSS Savunma Sistemleri всемирно известной в области военной промышленности британской компании BAE Systems. К продукции компании относятся гусеничные машины ACV-300 AAPC, ACV-300 IFV, ACV-SIFV из семейства сухопутных боевых машин, а также колесные бронированные машины Pars. Кроме их производства на предприятиях компании осуществляются также работы по модернизации устаревших боевых машин турецкой армии[43].

В январе 2007 г. компания FNSS подписала договор о начале производства «подвижного плавающего наступательного моста» для Командования сухопутных войск. Проект оценивается в 133 млн. долларов, и предусматривается сдача первой продукции сухопутным войскам в 2010 г. Согласно проекту предусматривается производство 52 единиц резиноколесных бронированных «танков» Pars 8x8, которые и должны составить всю структурную систему этого наступательного моста длиной 650 метров. Будет возможно также использовать 4 отдельных мостов длиной 150 метров. Решение о проекте было принято еще в 2005 г. По мнению ответственных за проект, проектирование и производство моста будет осуществлено турецкими инженерами[44].

Активные меры предпринимаются для организации производства «отечественных танков» для турецкой армии. Турция намеревается произвести для своих ВС до 1000 танков нового поколения, для чего в качестве основного производителя выбраны турецкие компании BMS, FNSS и OTOKAR, взаимодействующие с оборонной промышленностью[45]. Совет оборонной промышленности Турции решил представить вышеназванным компаниям различные предложения по производству танков и будущего производителя танков выбрать исходя из результатов проделанной ими работы. Компании должны представить Совету оборонной промышленности Турции собственные возможности в вопросе производства «основного боевого танка» (Main Battle Tank). Первые образцы танков нового поколения будут произведены в течение следующих 6-7 лет, а затем начнется их непосредственное производство. Предусматривается снабдить турецкую армию новыми танками в 2012-2013 гг. Броня для будущих танков будет импортироваться из-за границы и для из совместного производства ведутся переговоры с Пакистаном, который в этой области обладает передовыми технологиями. Когда будет завершен тендер по определению основного производителя, с Пакистаном будет подписан договор об импорте танковой брони. Эту программу производства отечественных танков можно рассматривать как самую масштабную сделку турецкой военной промышленности за все время ее существования[46].

В ноябре 2005 г., согласно немецким источникам, Германия поставила Турции почти 300 танков Leopard-2. Министерство обороны ФРГ подтвердило, что в ноябре того же года в Берлине стороны подписали договор о поставке Турции 298 танков. Причем предполагалось поставить боевые машины, которые находились на складах бундесвера и

не использовались. Турция также просила Берлин модернизировать те танки, которые уже находятся на вооружении турецкой армии[47].

Одновременно Турция начала также широкомасштабные программы модернизации танков своей армии. В ноябре 2005 г. Секретариатом турецкой оборонной промышленности и израильскими компаниями Israel Militari Indastries и Elbit Systems была достигнута договоренность, согласно которой Израиль взял на себя обязательство модернизировать 170 танков М-60 турецкой армии, стоимостью в 688 млн. долларов. Предусмотрено по ряду характеристик привести их в соответствие с израильскими танками последнего поколения. О модернизации турецких танков договор был заключен еще в 2002 г., однако его реализация была отсрочена по техническим причинам. Производство некоторых компонентов началось в конце 2006 г., а модернизация самих танков осуществляется с начала 2007 г. в турецком городе Кайсери. В рамках той же программы танки М-60 будут оснащены новыми системами, которые используются в израильских танках Merkava Mk4. Все 170 модернизированных танков Турция получит в 2009 г[48].

Картина модернизации военно-промышленного комплекса и вооружения армии Турции не может быть полной без рассмотрения израильско-турецкого военного сотрудничества. С половины 1990-х гг. между Израилем и Турцией начало развиваться тесное сотрудничество в военно-технической и, особенно в военно-промышленной сфере, что естественно исходило из стратегических интересов двух стран. Краеугольным камнем военно-технического сотрудничества между двумя странами явилось подписанное в 1996 г. соглашение и последующие за ним 12 протоколов о развитии сотрудничества в этой области. Сотрудничество в военно-технической сфере дало возможность Турции обеспечить собственные ВС новейшим вооружением и современными военными технологиями.

Израильская сторона достигла значительных успехов на турецком рынке вооружения, особенно в модернизации боевых самолетов F-4 и F-5 турецких ВВС, бронированных боевых машин, а также в сфере предоставления ракетных технологий и поставках беспилотных самолетов[49].

Кроме модернизации танков М-60, наиболее значимыми проектами двухстороннего военно-технического сотрудничества являлись модернизация примерно 50 турецких истребителей F-4 Phantom, продажа Турции беспилотных разведывательных самолетов Haron, бронемашин Ahzari и др.

Согласно подписанному в апреле 2005 г. договору о продаже беспилотных разведывательных самолетов на сумму в 200 млн. долларов, они должны быть поставлены израильскими авиационными заводами, а средства связи и мониторинга оснащены компанией Elbit Systems[50].

Для формирования представлений об объеме израильско-турецкого военно-технического сотрудничества большой интерес представляют следующие показатели: в 2000 г. общая стоимость подписанных договоров со стороны оборонного промышленного комплекса Израиля составила примерно 2,48 млрд. долларов, в 2001 г. – 2,58 млрд. долла-

ров, в 2002 г. – 4 млрд. долларов, в 2003 г. – 3,02 млрд. долларов, а в 2004 г. – 3,9 млрд. долларов. В этих договорах существенная доля (20-35 %) приходится именно на Турцию[51].

Власти Турции и особенно военные круги предпринимают шаги в направлении развития совместного сотрудничества в военно-промышленной сфере с Азербайджаном. Посол Турции в Баку Туран Морали заявил, что страна будет участвовать в создании военно-промышленного комплекса Азербайджана, при этом отмечая, что планируется совместная разработка проектов в военном машиностроении, поскольку имеются все механизмы для формирования военного союза между Турцией и Азербайджаном, однако отсутствует соответствующая договоренность. Турецкий посол отметил, что при необходимости Турция по достоинству оценит создавшуюся ситуацию и предпримет нужные шаги[52].

В последние годы наблюдается некоторое оживление в сфере российско-турецкого военно-технического сотрудничества. Турция является первой страной - членом НАТО, которая в этой области установила сотрудничество с Россией. В настоящее время между Россией и Турцией партнерство в военно-промышленной области реализуется в рамках межправительственного соглашения о военно-техническом сотрудничестве. Этот документ регулирует двухсторонние отношения, связанные с разработкой, производством и поставками военной продукции. В течение последних 10 лет общая доля военной техники российского производства в объемах военно-технического сотрудничества с Турцией составляла около 1% - примерно в 190 млн. долларов. У России Турция закупила 240 бронемашин, около 20 единиц вертолетов Mi-17, более чем 14 тысяч единиц стрелкового оружия, боеприпасы и пр.[53].

Для придания данному военно-техническому сотрудничеству более стабильный и продолжительный характер, в мае 2001 г. была создана российско-турецкая смешанная комиссия по военно-техническим вопросам, а в сентябре 2002 г. и ноябре 2003 г. в Анкаре и Москве были проведены заседания комиссии. Во время первого официального визита президента России в Турцию в декабре 2004 г. были подписаны еще два важных документа, которые были призваны укрепить договорно-правовые основы совместного сотрудничества в военно-технической области[54].

Турция намерена основательно модернизировать систему противовоздушной обороны (ПВО) страны и развивать собственную противоракетную оборону (ПРО). Это во многом связано с возрастающей гонкой вооружений на Ближнем Востоке и с проблемами распространения ОМП и ракетных технологий[55].

В частности, в июне 2006 г. на заседании Исполнительного комитета оборонной промышленности Турции официально было принято решение о реализации широкомасштабной программы по ПРО и ПВО[56].

В начале 2006 г. с участием премьер-министра Эрдогана Исполнительный комитет Секретариата оборонной промышленности принял решение об объявлении тендера на приобретение систем ПВО дальнего действия и поручил подготовить технико-экономическое обоснование тендера. На участие в тендере претендовали американский ЗРК Patriot, российский С-300ПМУ-2 «Фаворит» и американо-израильский совместный проект Arrow-2. Турция планирует в 2006 – 2009 гг. закупить 4 системы ПВО большой дальности общей стоимостью в 800 млн. долларов, а в 2010-2014 гг. – приобрести почти на ту же сумму 4 перспективные системы противоракетной обороны. Военные представители Турции с российской стороной обсуждали также вопросы двухстороннего сотрудничества в сфере оборонных технологий[57].

В августе 2006 г. министр обороны Турции Вежди Генул заявил, что они готовятся приобрести у США 50 крылатых ракет типа SLAM-E класса «воздух-земля», стоимостью в 139 млн. долларов[58]. Еще в конце апреля Пентагон информировал конгресс США о том, что планирует продать Турции 50 ракет типа AGM-84K SLAMER-ER Cruise и комплектующие для их обслуживания (на общую сумму в 162 млн. долларов) для оснащения самолетов F-16[59].

Согласно сообщению, опубликованному в августе 2006 г., США ведут переговоры с Турцией вокруг продажи 6 усовершенствованных ЗРК Patriot Advanced Capability-3, стоимость которой составляет примерно 1 млрд. долларов[60]. Ведущая американская компания Lokheed Martin также ведет переговоры с турецкими компаниями Aselsan и Roketsan по вопросу о предоставлении различных технологий. Ожидается, что секретариат оборонной промышленности Турции опубликует свои условия-предложения для заинтересованных иностранных компаний о программе закупок ЗРК. Предполагалось, что Турция после первой сделки купит также вторую систему. В настоящее время Секретариат оборонной промышленности пытается выяснить, как могут местные компании содействовать этой программе, поскольку планировалось значительную долю производства выделить местным компаниям военной промышленности. По мнению военных аналитиков, данная система может конкурировать с российскими системами С-300 и С-400. Система PAC-3 является модернизированным вариантом зенитных ракет средней дальности типа MIM-104 Patriot производства американской ракетостроительной компании Raytheon. Она стала единственным в мире ЗРК, примененным в боевых условиях по перехвату баллистических во время войны в Персидском заливе в 1991г[61].

В рамках программы модернизации ракетных систем, в Секретариат оборонной промышленности Турции в конце 2006 года южноафриканской компанией Denel был представлен пакет предложений, который включает предложение о продаже ракет Umkhonto класса «земля-воздух». Технологические возможности и условиях данного предложения были изучены специалистами компании Roketsan во время визита в Южно-Африканскую Республику[62].

Примерно в то же время была получена информация о том, что американская компания Textron Systems, активно сотрудничающая с ВВС США, готовится продать Турции управляемые ракеты типа CBU-105, используемых для ударов по наземным и особенно морским це-

лям истребителями-бомбардировщиками F-16[63].

В январе 2007 г. Секретариат оборонной промышленности объявил тендер на приобретение 80 противотанковых ракетных систем средней дальности OMTAS (на каждой из этих систем имеются 10 пусковых ракет, с общим количеством 800 штук), в котором предполагается, что будут участвовать как турецкие, так и иностранные компании. Предполагается, что средства для приобретения систем будут предоставлены из источников Фонда оборонной промышленности[64].

Согласно информации турецкой прессы (ноябрь 2005 г.) Исполнительной комитет оборонной промышленности Турции в течение предстоящих 10 лет намеревается потратить около 50 млрд. долларов на покупку нового вооружения и военной техники для ВВС. Предполагается приобретение, в частности, 50 единиц ударных тактико-наступательных вертолетов Atak и нескольких самолетов типа AWACS[65].

В программах оборонной промышленности Турции предполагается: приобретение перспективных боевых самолетов, 50 ударных тактико-наступательных вертолетов, 50 многоцелевых вертолетов, модернизация танков Leopard-1, модернизация боевых кораблей Sar-35, внедрение систем надводного и подводного слежения и контроля, а также проекты по закупкам беспилотных самолетов, полицейских кораблей нового типа, подводных лодок, боевых, разведывательных, поисково-спасательных кораблей и катеров для обеспечения безопасности прибрежных районов[66].

Уже в июле 2006 г. была утверждена 10-летняя программа «24 важнейших проектов производства и обеспечения», планируемых к реализации в период 2007 – 2016 гг., принятая к исполнению в рамках Секретариата оборонной промышленности Турции и имеющая целью повышение обороноспособности страны. Помимо осуществляемых, продолжающихся и планируемых проектов, поставлена цель еще более укрепить турецкую оборонно-промышленную базу и инфраструктуру. Среди проектов данной 10-летней программы наиболее важными являются проекты по приобретению самолетов AWACS, нового поколения боевых самолетов, ударных вертолетов Atak, модернизации танков Leopard 1, производства национального танка, а также проекты строительства прибрежных кораблей спасательного (MOSHIP) и поисково-спасательного назначения, создания разведывательной космической системы Gokturk и др.[67].

В настоящее время ответственные за военную сферу лица особо приоритетной считают задачи по приобретению и усовершенствованию техники и вооружения для ВВС страны. Еще в 1997 г. Исполнительный комитет секретариата обороны заявил о проекте совместного производства и приобретения для армии 145 ударно-разведывательных вертолетов общей стоимостью примерно в 2 млрд. долларов. Заявки на участие в тендере представили американская компания Bell Textron со своей Super Cobra и российские компании «Рособоронэкспорт» и завод «Камов» со своими вертолетами Ка-50-2 Erdogan, оснащенными израильскими бортовыми навигационными системами. Российская сторона предложила более выгодные условия для производства вертолетов в Турции с последующей целью экспорта в другие страны. Несмотря на предложенные выгодные условия, турецкая сторона в мае 2004 г. приостановила тендер без определения победителя[68]. По всей вероятности, турецкая сторона подверглась давлению со стороны американцев, не позволяющих российским военно-промышленным компаниям включиться в подобные масштабные военные проекты.

Исходя из благоприятных условий для инвестиций со стороны американских компаний в Турцию, председатель административного совета Турецко-американского Совета (АТС) Брент Скоукрофт в октябре 2005 г. заявил, что они хотят превратить Турцию в базу для производства и продажи вертолетов американской компании Sikorsky странам региона. После встречи в Анкаре с министром иностранных дел Турции А. Гюлем, Скоукрофт отметил, что если турецкая сторона решит бюрократические препятствия, то крупная вертолетная и самолетная компания Sikorsky (США) превратит Турцию в страну, производящую и экспортирующую вертолеты в соседние страны региона[69].

В рамках договора с американской компанией Sikorsky, Турция планирует для своих военно-морских сил закупить 17 боевых вертолетов S-70B SEAHAWK, поставки которых предполагается осуществить с 2009 г. По указанному договору Турция уже приобрела 7 вертолетов указанного типа и еще 100 единиц вертолетов типа BLACKHAWK для сухопутных войск и жандармерии[70].

В ряду приоритетных проектов приобретения вооружения для турецкой армии Секретариат оборонной промышленности объявил тендер на приобретение 50 боевых вертолетов, в котором участвовали российская, южноафриканская, итальянская и франко-немецкая компании. Впоследствии франко-немецкий проект EADS Eurocopter (Tiger) и российский Ка-50-2 выбыли из тендера[71].

Министр обороны Турции В. Генул в августе 2006 г. на заседании Исполнительного комитета оборонной промышленности заявил, что продолжатся переговоры с южноафриканской компанией Denel Aviation (вертолеты Rooivalk CSH-2) и итальянской компанией Agusta Westland (вертолеты A-129 Mangusta) по приобретению ударных и стратегических разведывательных вертолетов для командования сухопутными войсками. На начальном этапе тендера планируется закупка 30 вертолетов, а в последующем – еще 20. Важное значение представляет то, что обе компании изъявили готовность совместно с Турцией организовать производство, а итальянская компания даже заинтересована в перенесении своего завода в Турцию[72].

Ожидалось, что окончательные результаты вертолетного тендера будут опубликованы в конце 2006 г., однако 12 декабря на заседании Исполнительного комитета оборонной промышленности по этому вопросу не было принято решение. По некоторым сведениям, во время заседания представители правительства предлагали признать победителем либо южноафриканскую, либо итальянскую компанию, однако военные настаивали на необходимости включения обеих

сторон в проект. По мнению военных аналитиков, при неудаче указанных компаний тендер мог выиграть американский Boeing и, в рамках Договора о внешней военной продаже (FMS), продать Турции свои боевые вертолеты AH-64D Apache Longbow[73].

После долгих проволочек, в январе 2007 г. Исполнительный комитет оборонной промышленности Турции официально заявил также о тендере на закупку тяжелых 10 транспортных вертолетов для сухопутных войск. Стоимость сделки оценивается в 500 млн. долларов. Предполагается, что основными претендентами на участие в тендере будут американские и российские компании, особенно Boeing со своим CH-47 Chinook, Sikorsky со своим CH-53 Super Stallion и российская вертолетостроительная компания «Миль» с вертолетом Mu-26 Halo. Отметим, что еще до официального объявления тендера, компания Boeing наладила предварительные связи с турецкими властями в связи с продажей 10 вертолетов[74].

Большие средства выделяются для модернизации истребителей-бомбардировщиков военно-воздушных сил Турции. Секретариат оборонной промышленности Турции предложил проект по закупке 100 истребителей в течение предстоящих 20 лет стоимостью более чем в 10 млрд. долларов, который является самым большим оборонным проектом за всю историю страны. Приобретаемые самолеты нового поколения должны будут заменить собой используемые ныне турецкими вооруженными силами боевые самолеты F-16 и F-4[75].

Для включения в этот турецкий проект особая конкуренция шла между истребителем Joint Strike Fighter F-35 американской компании Lokheed Martin (в проекте производства данных истребителей стоимостью в 200 млрд. долларов участвуют США, Великобритания, Италия, Нидерланды, Дания, Норвегия, Турция, Канада и Австралия. Будет произведено около 2400 истребителей и предполагается их поставка уже в 2012 г.) и самолетом Eurofighter Typhoon совместного производства некоторых стран Евросоюза. Предполагается, что для полной реализации этого турецкого проекта потребуется примерно 20 лет и 50% работ будет осуществлено турецкими компаниями TUSAS, ASELSAN, HAVELSAN, ROKETSAN на оборонных заводах аэрокосмической промышленности Турции[76].

Европейский консорциум[77] Eurofighter Typhoon хотел, чтобы Турция также приняла участие в промышленном производстве самолетов. Если Турция приняла бы данное предложение, то предполагалось, что некоторые комплектующие самолета были бы производиться на ее территории. Ведущая корпорация консорциума - итальянская Alenia Aeruonatica предложила Турции присоединиться к данному европейскому проекту, выражая готовность предоставить льготные условия для этой страны. Согласно предложению руководства консорциума, в случае закупки 120, 80 или 40 самолетов, турецким военно-промышленным компаниям будут предоставлены производственные заказы соответственно на 9, 6 или же 3,2 млрд. долларов. Предложение распространялось на все предприятия турецкой авиационной промышленности, которые в последующем должны были реализовать также работы по ремонту и техническому обслуживанию этих самолетов[78].

Долгое время на заседаниях Секретариата оборонной промышленности не могли прийти к окончательному решению в вопросе выбора самолетов для приобретения. Согласно информации турецкой прессы, правительство страны является сторонником комбинированного решения, т.е. - развивать сотрудничество в рамках программы производства истребителей F-35 JSF и подключиться к европейскому консорциуму Eurofighter, для приобретения «стратегического рычага» на пути к членству в Европейский Союз. Вместе с тем, верховное военное командование на заседании оборонной промышленности заявило только о целесообразности закупки самолетов F-35. Обоснованием для военных служило то, что военно-воздушные силы Турции оснащены в основном американскими самолетами и программа подготовки военных летчиков основана на соответствующей системе США. Подобный выбор обусловлен также необходимостью избежания наиболее крупных финансовых расходов, что может возникнуть в условиях приобретения самолетов разного производства[79].

На заседании Исполнительного комитета оборонной промышленности от 12 декабря 2006 г. под давлением военных было одобрено решение о приобретении и участии в производстве истребителей F-35 JSF[80]. Турция присоединилась к самому масштабному мировому проекту в области военного самолетостроения. В самолетостроительном заводе Форт Ворти компании Lockheed Martin (США, штат Техас), Турция составляет часть проекта по предстоящему выпуску самолетов типа F-35 с вертикальным взлетом и посадкой, следовательно от продажи этих самолетов определенная доля должна принадлежать этой стране. Стоимость проекта производства самолетов F-35 составляет 276 млрд. долларов и для реализации этого проекта Турция выделила 10 млрд. долларов, возвращение 3,5 млрд. долларов из которых для Турции гарантировано продажей ей 100 самолетов[81].

В начале 2007 г. турецкая авиакомпания TAI подписала официальный документ с компанией Northrop Grumman ISS International, ведущей группы по производству боевых самолетов F-35 Lightening II в компании Lockheed Martin (компания является ведущей по проектированию и производству центральных фюзеляжей истребителей). Тем самым Турция стала страной, включенной в производство данных самолетов. Согласно этому договору (стоимостью в 3 млрд. долларов), компания TAI взяла обязательства по производству 400 фюзеляжей для истребителей[82]. Турецкая сторона всячески старается обеспечить долю собственного производства в 6 млрд. долларов, что не являлось реалистичным, поскольку другие страны – стороны данного договора не позволили бы одной стране взять на себя преобладающую часть производства.

Бомбардировщики нового поколения будут переданы военно-воздушным силам Турции примерно в 2014 г. и заменят находящиеся в использовании устаревшие F-16 и оставшиеся еще с времен вьетнамс-

кой войны бомбардировщики F-4E.

С целью развития военно-воздушных сил в конце 2006 г. Турция приняла решение о закупке у США 30 боевых самолетов F-16, а также некоторых необходимых устройств к ним, на общую сумму в 2,9 млрд. долларов. Закупаемые боевые самолеты относились к модели F-16 Block 52 Plus, который является усовершенствованным и технологически более новым вариантом. Основным подрядчиком этой сделки является американская компания Lockheed Martin, однако предполагается также содействие местной турецкой промышленности[83]. По всей вероятности, именно исходя из целесообразности закупки этих 30 самолетов F-16, Турция отказалась от продолжения совместной с Израилем программы по модернизации еще 50 турецких самолетов F-4 Phantom, стоимостью в 500 млн. долларов[84].

В настоящее время количество истребителей-бомбардировщиков F-16 в турецких военно-воздушных силах достигает 215 единиц, которые были произведены в 1980-90-х гг. на заводе компании TAI близ Анкаоы, в рамках двух договоров с Lockheed Martin[85]. Сейчас стоит задача модернизации и ремонта этих самолетов. Работы по модернизации более чем 200 самолетов F-16C и F16D должна реализовать американская компания Lockheed Martin, в рамках договора стоимостью в 635 млн. долларов. Данные работы в основном будут осуществляться на заводе Форт Ворти этой компании и на предприятиях турецкой компании TAI. Завершение работ намечается на 2016 г.[86].

В рамках Организации исламских стран D-8 Турция выступила с инициативой об организации производства «Исламского самолета», разработанного турецкой компанией, что однако не получило содействия иранской стороны. По данным турецких источников, Иран отказался от финансовой поддержки данной инициативы в связи с разработкой собственного самолета. Лишившись наиболее значимой иранской финансовой поддержки проекта, Турция намеревается обратиться к другим странам Организации исламской конференции[87].

В подтексте широкомасштабной программы модернизации турецких ВС стратегическое значение представляет национальный проект космических исследований, который предполагает создание необходимых инфраструктур. Турецкую «Космическую программу» выдвинул Совет национальной безопасности этой страны (Milli Guvenlik Kurulu), переработал Высший совет науки и технологий Турции и она в дальнейшем тщательно изучалась на заседаниях Исполнительного комитета оборонной промышленности. Осуществление программы возложено на Совет научных и технологический исследований Турции (TUBITAK), который должен сотрудничать с Генеральным штабом ВС, военно-воздушными силами, министерством транспорта, а также с университетами. С 2006 г. Турция начала постоянные исследования движения планет и космических процессов[88]. Первым действенным шагом стало создание решением Совета министров в 2001 г. Турецкого космического агентства (Turk Uzay Kurulu), а в 2002 г. был принят закон «О национальном космическом агентстве». В том же году на эти

цели было выделено 250 млн. долларов.

За всю историю Турции впервые предпринимаются активные шаги в направлении создания собственной спутниковой системы. Данную амбициозную программу предполагается завершить в 2015 г. Программой, в частности, планируется до 2010 г. подготовить из числа офицеров ВВС отряд из 6 астронавтов и до 2012 г. построить национальную космическую станцию. В 2012 г. Турция должна присоединиться к космической программе Евросоюза, однако основной акцент будет поставлен на создание космической базы на Луне и, с помощью расположенных там систем, получение данных о передвижениях курдских боевиков в приграничном Северном Ираке. Благодаря информации из космоса турецкая армия должна предпринять превентивные мероприятия по недопущению проникновения боевиков в страну, а также для обеспечения безопасности транзитных нефте- и газопроводов[89].

Строительство космической станции будет реализовано в Хьюстоне (США), с учетом опыта действующих центров по запуску космических кораблей в NASA и Космического агентства России в Байконуре (Казахстан). До 2012 г. запланировано завершение строительства стартовой системы, с целью которого изучаются подходящие местности в вилайетах Анкары, Мерсина, Анталии и Измира[90]. Эта программа рассматривается Турцией как проект стратегической важности, т.к. соприкасается со сферами политики, обороны, безопасности, науки и экономики. Проект предполагает как гражданскую, так и военную составляющие, включая также систему воздушно-космической обороны[91].

Предполагается присоединение данного космического проекта к космической программе Евросоюза: в 2008 г. - проектирование и разработка космических кораблей большой дальности и реализация учебных программ по подготовку космонавтов; в 2009 г. - производство пусковых систем, новых ракет и разведывательных спутников; в 2010 г. - приобретение специальных телескопов; в 2012 г. - строительство национальной космической станции и в 2014 г. - запуск в космос «Спутника национальных исследований»[92].

С целью отказа от услуг американских спутников, Совет оборонной промышленности Турции начал работы по созданию собственной спутниковой системы разведки и контроля, общей стоимостью в 200 млн. долларов. Предполагается, что ввод в эксплуатацию этой системы в 2007 г. будет играть стратегическую роль, особенно в обеспечении разведки за деятельностью Курдской рабочей партии (РКК)93. Космическая система, названная в честь первого тюркского государства – «Gokturk RFP», будет состоять из электронно-оптического контрольного орбитального спутника и по одной подвижной и неподвижной наземной станций. Наряду с иностранными компаниями, для участия в конкурсе в качестве основной компании приглашена также Турецкая авиационно-космическая компания (TAI). Предполагается, что в реализации спутниковой программы отправки на землю снимков высокого разрешения будут участвовать также местные ту-

рецкие компании TAI, ASELSAN и Совет по научным и технологическим исследованиям Турции. В тендере по созданию спутника, объявленного ВВС Турции как «Приоритетная программа», готовятся участвовать специализированные американские, французские, итальянские, израильские, японские, корейские и другие военно-промышленные компании. Находящийся на орбите в 600-650 км спутник будет служить ВС Турции в течение 4-6 лет[94].

В 2007 г. бюджет Министерства обороны Турции по сравнению с предыдущим годом увеличился на 12 %, составив 13,2 млрд. НТЛ (около 10,15 млрд. долларов)[95]. В 2005 г. этот бюджет составлял 10,9 млрд., в 2006 г. – 11,87 млрд. НТЛ (1 доллар ~ 1,380 НТЛ). В предстоящие годы на приобретение и обеспечение военной техникой и вооружением Турция потратит около 3,5-4 млрд. долларов. Однако возможно, что в условиях углубляющегося в стране экономического кризиса Турция будет вынуждена отказаться от некоторых проектов. Например, еще в 2001 г. были аннулированы около 30 заказов, с общей стоимостью в 20 млрд. долларов[96].

По сравнению с другими странами Североатлантического альянса, Турция тратит больше средств для приобретения военной техники, превосходя в этом даже США. Согласно специальному докладу НАТО, по состоянию на 2004 г. Турция выделила больше средств на приобретение военной техники и вооружения (по сравнению с другими странами этого блока), что составило около 34,3 % от национального оборонного бюджета. По объему военного бюджета Турция занимает второе место после США среди стран-членов НАТО, с соотношением к ВВП в 3 %[97]. По объему оборонных затрат Турция занимает 4-е место в первой десятке стран Ближнего Востока, а в Европе – 5-е. На Ближнем Востоке наибольшие оборонные затраты у Ирана – в среднем 37,1 млрд. долларов[98].

Развитие вооружения ВС Турции, модернизация и развитие военной промышленности имеют целью привести страну к абсолютной военной гегемонии в регионе, а также превращение страны в важнейший центр производства вооружения, что постоянно обосновывается как политическими, так и военными представителями.

Наличие курдской проблемы, опасные и непредсказуемые развития в ближневосточном регионе, напряженные турецко-греческие отношения, проблема Кипра, которые в качестве вероятных вызовов отмечены в принятом прошлой осенью «Документе политики национальной безопасности», делают для Турции приоритетной обеспечение военного превосходства в регионе. Турция уделяет особое внимание развитию «специфических современных технологий» в собственно военной области, тогда как другие страны региона в основном оснащают свои вооруженные силы за счет приобретения военной техники в развитых странах.

1. Материалы конференции, посвященной 20-ой годовщине основания Секретариата оборонной промышленности Турции. Официальный сайт Секретариата оборонной промышленности Турции, http://www.ssm.gov.tr.
2. Официальный сайт министерства национальной обороны Турции, http://www.msb.gov.tr.
3. Yeni Safak, 10.08.2006.
4. Гурьев А.А; Турция-Израиль: по пути укрепления военного сотрудничества; http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/24-01-06.htm.
5. Erdal Ipekesen, Yeni savunma sanayi profili; http://www.tempodergisi.com.tr/kose/erdal_ipekesen/05665/.
6. Elliot Hen-Tov, The Political Economy of Turkish Military Modernization, Middle East Review of International Affairs, Vol.8, No 4, (December 2004). p 50.
7. А.С.Косиков, Военно-политический потенциал Турции, http://www.iimes.ru.
8. http://www.globalsecurity.org/military/world/europe/tu-ssm.
9. Savunma Havacilik ve Uzay Sanayii Paneli On Raporu/Ek-4, Vizyon 2023 Projesi; http://www.vizyon2023.tubitak.gov.tr.
10. Türk Savunma Sanayii Politikası ve Stratejisi, http://www.vizyon2023.tubitak.gov.tr/teknolojiongorusu/paneller/savunmauzayvehavacilik/raporlar/son/EK-12.pdf.
11. Savunma Havacilik ve Uzay Sanayii Paneli On Raporu/Ek-4, Vizyon 2023 Projesi; http://www.vizyon2023.tubitak.gov.tr.
12. Vizyon 2023 Projesi. Savunma, Havacılık ve Uzay Panel. i. ÖN RAPORU. Ek-4. Savunma Sanayii Hedefleri http://www.vizyon2023.tubitak.gov.tr/teknolojiongorusu/paneller/savunmauzayvehavacilik/raporlar/SHU_EK4.pdf.
13. Рапорт главного директора компании FNSS на международной конференции, посвященной 20-ой годовщине основания Секретариата оборонной промышленности Турции, http://www.ssm.gov.tr.
14. Elliot Hen-Tov, The Political Economy of Turkish Military Modernization, p.54.
15. Defence Industry; http://www.turkey-now.org/db%5Cdocs%5C%5CDefense06.doc.
16. Доклад помощника главного технического директора компании Roketsan Сельджука Яшари на международной конференции, посвященной 20-ой годовщине основания Секретариата оборонной промышленности Турции, http://www.ssm.gov.tr.
17. Доклад секретаря оборонной промышленности Турции на международной конференции, посвященной 20-ой годовщине основания Секретариата оборонной промышленности Турции, (http://www.ssm.gov.tr).
18. Defence Industry; http://www.turkey-now.org/db%5Cdocs%5C%5CDefense06.doc.
19. Там же,
20. http://www.news.turkey.su.
21.Официальный сайт министерства национальной обороны Турции, http://www.msb.gov.tr/birimler/.
22. Там же,
23. Там же,
24.Основанное в 1963 г. это государственное агентство в основном реализует программы по экономическому и технологическому развитию и функционирует как совещательный орган в научно-технологической области при турецком правительстве. В 15 различных исследовательских институтах Совета работают свыше 1000 специалистов. См. Сайт Совета научных и технологических исследований Турции, http://www.tubitak.gov.tr.

25. Defence Industry;
http://www.turkey-now.org/db%5Cdocs%5C%5CDefense06.doc.
26. Savunma Sanayii Mustesarligi;
http://www.globalsecurity.org/military/world/europe/tu-ssm .
27. Yeni Safak, 23.11.2006.
28. http://www.gbulten.ssm.gov.tr, 08.02.2007.
29. Вооруженные силы и военная экономика стран Азии, информационно-аналитический справочник, Москва, 2000, с.77.
30. Сайт компании Roketsan, http://www.roketsan.com.tr/havaeng.html.
31. http://www.roketsan.com.tr/122eng.html.
32. Yeni Safak, 03.10.2005.
33. http://www.gbulten.ssm.gov.tr, 04.10.2006.
34. Сайт компании Aselsan, http://www.aselsan.com.tr.
35. Eugene Kogan, Cooperation in the Israeli-Turkish Defence Industry; Conflict Studies Research Centre; Middle East Series 05/43;
http://www.da.mod.uk/CSRC/documents/middle_east/05(43)-EK, p. 10-11.
36. С.А.Сардановский, Аспекты политической безопасности Черноморья; http://www.bsarg.crimeainfo.com/03-Sardanovsky.rtf.
37. http://www.gbulten.ssm.gov.tr, 17.09.2006.
38. http://www.gbulten.ssm.gov.tr, 18.12.2006.
39. http://www.savaskarsitlari.org.
40. Сайт компании Havelsan,
http://www.havelsan.com.tr/eng/about/financial.php.
41. Сайт компании MKEK, http://www.mkek.gov.tr/english/hakkimizda.aspx.
42. Вооруженные силы и военная экономика стран Азии, с.77-78.
43. Сайт компании FNSS, http://www.fnss.com.tr/.
44. http://www.gbulten.ssm.gov.tr, 31.01.2007.
45. Milliyet, 18.07.2006.
46. Milliyet, 18.07.2006; http:// www.regnum.ru, 28.08.2006.
47. В 1999 г. проблема вокруг возможностей экспорта вооружения в Турцию привела к тяжелому кризису в правящей коалиции социал-демократов и «зеленых» в Германии. В то время, вследствие активных действий «зеленых», нарушилось запланированное снабжение примерно 1000 танками Leopard-2 на сумму в 7 млрд. евро. См., Anadolu ajansi, 09.11.2005.
48. Hurriyet, 23.11.2005.
49. Eugene Kogan, Cooperation in the Israeli-Turkish Defence Industry; pp. 10-15.
50. Гурьев А.А; Турция-Израиль: по пути укрепления военного сотрудничества;
51. Там же,
52. http:// www.regnum.ru, 16.08.2006.
53. До 1976 г. СССР и Турция не обменивались военными представителями. Первый официальный визит заместителя начальника ГШ ВС Турции в СССР произошел в 1976 г. Начальник ГШ ВС СССР с ответным визитом побывал в Турции в 1978 г. В 1979 г. был разработан и согласован с турецкой стороной план военных сношений на 1980-1981 гг., однако, в результате отказа турецкой стороны, планируемые мероприятия не были осуществлены. В последующем двухсторонние отношения в военной области осуществлялись согласно двухгодичным планам (1988-1989 гг., 1990-1991 гг., 1992-1993 гг.). В 1994 г. стороны подписали соглашение о сотрудничестве в военно-технической и военно-промышленной областях, а в 1998 г. между Генеральными штабами России и Турции был подписан меморандум о взаимопонимании,
См. В.В.Куделев, О визите в Россию министра обороны Турции,
http://www.kurdistan.ru, 02.10.2006.
54. Гурьев А.А; О новом вертолетном тендере в Турции, ИИИ и БВ, 11.03.05.

55. Минасян С. Израильско-турецкое военно-политическое сотрудничество в контексте курдской проблемы, «21-й Век», № 4, Ереван, 2006, с. 86.
56. Turkish Daily News, 01.04.2007.
57. Правительство Турции приняло решение о проведении тендера на закупку средств ПВО большой дальности; http://www.arms-tass.su; 21.02.2006.
58. Milliyet.10.08.2006.
59. По сообщению турецкой прессы, армянское и греческое лобби Америки начали предпринимать меры для предотвращения этой военной сделки. Они направили письма в комиссии Конгресса и отдельным конгрессменам, в которых говорилось о том, что нарушится равновесие в Кипре в отношении продажи оружия, и что Турция, содействующая Азербайджану в урегулировании проблемы Нагорного Карабаха, будет угрожать Армении. Говорилось также, что данная продажа не может служить интересам и ценностям США, и что необходимо пересмотреть программу по продаже ракет. См. Milliyet, 15.05.2006.
60. Радио Свобода, 26.08.2006.
61. Turkish Daily News, 01.04.2007.
62. http:// www.gbulten.ssm.gov.tr, 10.10.2006.
63. http:// www.gbulten.ssm.gov.tr, 05.11.2006.
64. http:// www.gbulten.ssm.gov.tr, 05.02.2007.
65. Aksam, 21.11.2005.
66. Там же,
67. Haber7, 20.08.2006.
68. Гурьев А.А; О новом вертолетном тендере в Турции, ИИИ и БВ, 11.03.05.
69. Hürriyet, 21.10.2005.
70. Anadolu ajansi, 14.11.2006.
71. Turkey Shortlists 2 Attak Helicopter;
http://www.defenceindustrydaily.com/2006/07/turkey-shortlists-2-attack-helicopters/index.php.
72. http://www.turkishpress.com, 04.07.2006.
73. http:// www.gbulten.ssm.gov.tr, 14.12.2006.
74. Turkish Daily News, 09.01.2007.
75. Joint ATC-TAIK Annual Conference, 2006;
http://www.turkey- now.com /db/docs/murad_ bayar.pdf
76. Aksam, 29.03.2006.
77.«Eurofighter-2000» стал наиболее крупным европейским проектом в области военно-технического производства между Великобританией, Италией, Германией и Испанией. В январе 1998 г. было принято решение о приобретении до 2015 г. в общей сложности 620 самолетов (Великобритания заказала 232 единиц, Италия – 121, Германия – 180, Испания – 87). Разработка проекта началась еще в 1975 г. Свой первый взлет «Typhoon» осуществил в марте 1994 г. – См. подробнее: Турция может присоединиться к проекту «Еврофайтер-2000»;
http://www.arms-tass.su, 07.06.2006.
78. Zaman, 03.12.2006.
79. Turkish Daily News, 27.10.2006.
80. http:// www.gbulten.ssm.gov.tr, 13.12.2006.
81. Сверхзвуковой самолет нового поколения F-35 имеет 11 систем различного вида оружия. Каждый из этих самолетов стоит 46 млн. долларов. Полагается, что будет произведено примерно 4-5 тыс. штук самолетов F-35, при продаже каждого из этих оснащенных новейшей техникой самолетов Турция будет иметь прибыль, соизмеримую с долей участия в проекте. См. Milliyet, 11.04.2006.
82. http:// www.gbulten.ssm.gov.tr, 08.02.2007.
83. Hurriyet, 13.12.2006; http:// www.defenceindustrydaily.com, 02.10.2006.
84. Zaman, 08.08.2006.
85. Turkish Daily News, 02.08.2006.

86. http:// www.gbulten.ssm.gov.tr, 28.12.2006.
87. Hürriyet, 15.05.2006.
88. http:// www.regnum.ru, 06.11.2006.
89. Yeni Şafak, 08.01.2007.
90. http:// www.regnum.ru, 06.11.2006.
91. Savunma Havacillik ve Uzay Sanayii Panel Raporu/Ek-5, (Turk Uzay Sektorune Iliskin Degerlendirme), http:// www.vizyon2023.tubitak.gov.tr .
92.IDEF 05, http://www.thenewanatolian.com.
93. Aksam. 20.07.2006.
94. Там же,
95. http:// www.gbulten.ssm.gov.tr, 14.10.2006.
96. http://www.noravank.am, 04.05.2006.
97. http:// www.regnum.ru, 04.01.2007.
98. Milliyet, 17.07.2006.

ВЛИЯНИЕ ИЗРАИЛЬСКО-ТУРЕЦКОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Сергей Минасян

ВВЕДЕНИЕ

Израильско-турецкое военно-политическое сотрудничество имеет несколько уровней, и должно рассматриваться как собственно в военной сфере (что несомненно имеет важность для обеих стран), так и в политической и геополитической сферах, что также играет немаловажное значение в динамике их отношений. При этом как представители турецких военно-политических кругов, так и эксперты по проблемам региональной безопасности и внешней политики единодушны в том, что для Турции важность военно-политического альянса с Израилем во многом была обусловлена также возможностью усиления способностей турецкой армии и спецслужб в борьбе против курдских организаций. В тоже время, этот альянс позволил Анкаре получить необходимую политическую и моральную поддержку своим действиям против турецких курдов со стороны Израиля, как на региональном уровне, так и на международной арене[1]. Несмотря на то, что это военно-политическое сотрудничество встречает противодействие со стороны практически всех соседей Израиля и Турции, императивы обоих государств в области безопасности вынуждают их продолжать его, особенно в таком жизненно важном вопросе, как совместная борьба против так называемых «террористических организаций». Вместе с тем, важнейшим препятствием для сотрудничества продолжают выступать глубокие и плохо скрытые антисемитские настроения, традиционно присущие турецкому обществу, фактор исламской солидарности, проявляющийся в ходе непопулярных в Турции силовых действий Израиля в Палестине (а в последнее время – вновь и в Ливане), а также постепенное ухудшение американо-турецких отношений и усиление антиамериканизма в Турции. Однако, с точки зрения национальных интересов и геополитических целей Турции, важнейшей проблемой для действенного налаживания израильско-турецких стратегических отношений продолжает оставаться курдский вопрос во всех его проявлениях.

Что касается Израиля, то Тель-Авив был чрезвычайно заинтересован в сближении с Турцией, особенно с учетом интересов своего ВПК, возможности пробить брешь в установившемся вокруг него враждебном мусульманском окружении, а также исходя из интересов своих партнерских отношений с США, которые были весьма заинтересованы в 1990-х гг. в налаживание стратегических отношений между Турцией и Израилем. Однако и тут весьма важным препятствием для Израиля явился курдский вопрос, так как интересы национальной безопасности Израиля (когда это было возможно), всегда ставили большим

приоритетом помощь курдам (особенно в Ираке и частично в Сирии) для ослабления своих наиболее опасных и принципиальных арабских противников – Сирии и Ирака. В то же время, Израиль всегда диверсифицировал свое отношение к различным общинам курдов, живущих в странах Ближнего Востока, и эволюция политики Израиля по отношению к турецким курдам имеет весьма сложную и длительную историю.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОТРУДНИЧЕСТВО ДВУХ СТРАН В КОНТЕКСТЕ КУРДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Несмотря на довольно длительные и интересные периоды развития этой проблемы после создания Государства Израиль в 1948 г., для понимания нынешнего состояния дел точкой анализа израильско-турецких отношений в курдском вопросе следует считать 1990-е гг.

Как отмечала в свое время израильская пресса по результатам исключительного по своей важности исторического визита президента Израиля Эзера Вейцмана в Турцию в 1994 г., несмотря на дипломатические взлеты и падения, контакты израильских и турецких спецслужб, начиная с 1958 г. (т.е. знаменитого секретного визита Давида Бен-Гуриона в Турцию) продолжали оставаться довольно тесными. В ходе визита Вейцмана обсуждались, кроме развития «ядерной программы» Ирана и перспектив политики в отношении Сирии, также и курдская проблема, в контексте так называемой «борьбы с террором и наркоторговлей». Примечательно, что во время визита все проправительственные представители турецких СМИ совершенно игнорировали палестинский вопрос и политику Израиля на оккупированных территориях. Вместо того, чтобы задавать вопросы о палестинцах, турецкие журналисты интересовались в первую очередь проблемами, связанными с курдским вопросом. После завершения визита турецкая пресса сообщила, что Израиль отказался четко поддержать Турцию в борьбе против курдских повстанцев. Впрочем, по мнению уже израильской прессы, отказ Израиля не был вызван какой-то симпатией в отношении турецких курдов. Наоборот, к этому времени Израиль был уже, можно сказать, совершенно враждебен к турецким курдам. Во многом этот отказ в то время был вызван опасениями разрушить намечающиеся в 1990-е гг. контакты с Дамаском. При этом израильские СМИ также неоднократно подчеркивали, что Израиль всегда игнорировал и даже пресекал обсуждение на конференциях и различного рода заседаниях тем, относящихся к курдскому, а также армянскому вопросами, даже если они касались прав человека или затрагивали исключительно исторические темы.

В конце декабря 1997 г., когда турецкий премьер М.Йылмаза посетил Белый дом, широкая коалиция правозащитных групп и организаций по контролю над трансфертами вооружений предприняла активную кампанию давления на администрацию Б.Клинтона в связи с нарушениями прав человека в Турции и продолжающимися репрессиями против курдов. Однако не все американские организации были столь критичны. 17 декабря Anti-Defamation League (ADL), видная еврейская организация, созданная с целью борьбы против антисемитизма и иных форм дискриминации, пригласила М.Йылмаза на праздничный обед с участием лидеров нескольких основных американских еврейских организаций. Как отметил в ходе него директор ADL Абрахам Фоксман, Турция является примером демократии и толерантности во всем регионе. Однако в ежегодных отчетах Госдепартамента США, американских и международных организаций постоянно указывалось о нарушениях прав человека в Турции. Естественно, что на этом фоне главная причина таких реверансов со стороны лидеров ADL и других еврейских организаций заключалась в углубляющемся с 1996 г. военно-политическом сотрудничестве Турции и Израиля. Продажа Израилем вооружений Турции позволяла ей успешно преодолеть эмбарго со стороны США, находящихся под сильным давлением правозащитных организаций, например Amnesty International[2].

Углубляющееся со второй половины 1990-х гг. военно-политическое сотрудничество между Турцией и Израилем придало новый импульс тем силам в этих странах, которые выступали за военное разрешение внутренних конфликтов и рассматривали их в контексте так называемой «борьбы с терроризмом». Есть очень много схожего в антитеррористических действиях Израиля и Турции. Обе страны нарушали суверенитет соседних стран в своей борьбе с боевиками РКК-КАДЕК и «Хезболах». На севере Ирака турки в свое время установили «зону безопасности», глубиной в 9 миль вдоль всей границы с Ираком, откуда турецкая армия осуществляла и осуществляет свои операции против РКК-КАДЕК. После оккупации Израилем в 1982 г. юга Ливана и, вплоть до вывода израильских войск оттуда израильтянами там была установлена «зона безопасности», также глубиной в 9 миль, для действий против Хезболах. В обоих случаях это привело к большим жертвам со стороны мирных жителей.

Отметим также, что в Ливане, в долине Бекаа, рядом с сирийской границей, долгое время находились тренировочные базы и лагеря турецких курдов. В начале 1990-х гг. численность боевиков РКК на территории Ливана достигала нескольких сотен человек, и их присутствие там представляло угрозу даже для израильских оккупационных частей, расквартированных на юге страны[3].

Премьер-министр Б.Нетаньяху в свое время публично заявил, что угроза терроризма объединяет вместе Турцию и Израиль. Данная речь Нетаньяху была примечательна не только тем, что в ней он высказался против создания курдского государства, но так же отметил, что не может быть заключен мир между Сирией и Израилем, пока Дамаск не прекратит свою поддержку РКК[4].

Как указывает один из идеологов израильско-турецкого альянса турецкий генерал Чевик Бир (Sevik Bir), одной из наиболее важных составляющих данного союза, наряду с проблемой распространения ОМП, также является борьба против терроризма, под которой Турция понимает карательные действия против курдов[5]. Но в этом вопросе интересы сторон не во всем совпадали, т.к. Израиль долгое время под-

держивал курдов Северного Ирака в их борьбе против иракских властей. Однако изменившиеся приоритеты политики безопасности Израиля вынудили его пересмотреть отношение к турецким курдам. Это ярко проявилось в ходе операции израильских ВВС против РКК в Ливане на севере долины Бекаа в ходе операции «Гроздья Гнева», а также содействии в свое время израильской разведки в установлении местонахождения и захвата лидера турецких курдов А.Оджалана[6].

Несмотря на то, что в сентябре 1999 г. РКК объявила мораторий на ведение боевых действий против Турции, примерно в начале 2001 г. Президиум Рабочей партии Курдистана (РПК - PKK) обратился с призывом к курдам провести экстренную мобилизацию. Выступая в прямом эфире по курдскому спутниковому телевидению MED TV, член президиума РПК Мурат Карайалан заявил: «Курдская молодежь должна занять свои места в рядах Национальных сил самообороны» (Национальные силы обороны (НСО) - военное крыло РПК).

Таким образом, можно с определенной долей уверенности говорить, что «политика мира», провозглашенная партией сразу после ареста ее лидера Абдуллы Оджалана, была близка к завершению. Следуя приказу своего председателя, РКК в сентябре 1999 года вывела из Северного (Турецкого) Курдистана все свои подразделения в Южный (Иракский) Курдистан. Но, как и ожидалось, встречных шагов со стороны Анкары не последовало. Разговоры о предоставлении курдам культурной автономии, внесении в Конституцию страны изменений, закрепляющих какие-либо минимальные права 15-миллионного «нацменьшинства», открытии национальных школ и телевидения, велись лишь до декабря 1999 г., когда в Люксембурге решался вопрос о принятии Турции кандидатом в члены Европейского союза. После вынесения положительного решения все дискуссии по данной проблеме плавно прекратились. Выждав определенное время, пока внимание к курдам ослабнет, Турция приступила к активным действиям, что также вызвало ответную реакцию турецких курдов[7].

Несмотря на противоречия между основными курдскими политическими организациями: PKK (KADEK), KDP, PUK, а также значительное ослабление и смягчение их позиций по отношению к Турции, тем не менее, надо отметить, что военные действия между курдскими повстанцами и турецкими войсками вновь в любой момент могут вступить в кровопролитную фазу, поэтому представляется необходимым особо остановиться на том, как на это влияли, влияют и могут повлиять в будущем израильско-турецкие отношения в военно-технической сфере. Тем более, что в новых реалиях региональной безопасности после иракской войны 2003 г. и закрепления статуса де-факто полунезависимого курдского государственного образования на севере Ирака, у турецких курдов появились новые стимулы и возможности для продолжения борьбы с турецкими властями. По словам бывшего начальника турецкого Генерального штаба генерала Хилми Озкока (Hilmi Ozkok), KADEK насчитывало около 5500 бойцов в Турции и на севере Ирака[8]. С началом операции США против Ирака в марте-апреле

2003 г. отряды KADEK, согласно сведениям турецкой разведки, были сосредоточены в районах Haftanin, Metina, Zap, Avsin-Basyan и Harkuk. Турецких военных особенно беспокоило то, что отряды боевиков KADEK имеют на вооружении, кроме легкого стрелкового оружия, также и ПЗРК Стрела-2/2М[9].

Однако отметим, что помощь израильтян туркам в тренировке и подготовке турецких антитеррористических подразделений для борьбы с курдами подразумевает, в основном, обучение сотрудников спецслужб Турции, но не солдат армейских частей вооруженных сил, предназначенных для ведения боевых действий в их традиционном понимании. Турецкие войска сами имеют весьма богатый опыт борьбы с иррегулярными отрядами, причем, вероятно, наиболее удачный по сравнению с армиями остальных государств региона. В составе турецкой армии насчитывается 4 бригады войск специального назначения (так называемые «горные коммандос»), которые весьма хорошо подготовлены для действий против боевиков РКК в горных условиях Юго-Восточной Турции и Северного Ирака[10]. Тогда как израильские войска спецназначения, при том, что считаются наиболее боеспособными и обученными на всем Ближнем Востоке, практически не имеют опыта ведения боевых действий в подобных сложных горных условиях. Методы антитеррористических операций израильской армии и спецслужб более приспособлены для действий в городах, поселках, урбанистических районах и именно в обмене этим опытом и заключается, в основном, их помощь своим турецким коллегам. Еще более важное значение имеет техническая помощь, в частности средствами электронной и радиотехнической разведки, оказываемая Израилем Турции.

Конечно, в общих чертах можно утверждать, что практически все виды современной военной техники и вооружений, поставляемых Израилем Турции, косвенно могут быть использованы турецкими войсками в боях против курдов. Однако следует отметить, что не весь спектр военно-технического сотрудничества Тель-Авива и Анкары может оказать существенное влияние на успешный ход боевых действий турецкой армии против РКК. Естественно, в данном случае не имеет смысла отмечать сотрудничество двух стран в военно-морской области, в создании и принятии на вооружение систем региональной системы ПРО (т.к. возможность появления у курдских повстанцев ракет типа «земля-земля», тем более ОТР или ТР, для действий против которых и предназначены противоракетные системы «Эрроу» и «Эрроу-2», практически равна нулю), совместного производства ракет «Далила» и т.д.

Но в то же время необходимо отметить, что конкретно для действий турецкой армии против курдов как нельзя лучше могут служить следующие элементы израильско-турецкого военного сотрудничества:

1. Предложение о поставках международным консорциумом в составе российской фирмы «Рособоронэкспорт», украинской «Мотро-Сич» и израильской IAI вертолетов российского производства Ка-50-2 «Эрдоган», оснащенных израильским бортовым оборудованием и авионн-

кой, модернизированных для турецких вооруженных сил. Стоимость программы оценивается в 3,5 млрд. долларов. Особо отмечалось, что данный проект выгодно отличался от конкурентных предложений американской фирмы «Белл Хеликоптер Текстрон», не только ценой и тем, что американцы отказывались передать Турцию всю техническую документацию по производству вертолетов AH-1Z "Super Cobra", но и тем, что российская и израильская стороны не выдвигали никаких условий о возможном использовании данных вертолетов против курдских повстанцев. Тогда как одним из основных условий американцев, выдвигаемых под давлением правозащитных организаций, являлось то, что они требовали, чтобы поставляемые турецкой армии AH-1Z могли быть использованы в боевых условиях только в рамках союзнических обязательств Турции перед НАТО[11]. В тоже время, существуют значительные политические препятствия для реализации этого совместного израильско-российско-турецкого проекта.

2. В числе программ по израильско-турецкому военно-техническому сотрудничеству планируется поставка для вертолетов, используемых турецкой армией в борьбе с курдами, системы «Гитар» для защиты от ракет переносных зенитных ракетных комплексов (ПЗРК) СА–7 и Stinger. Ранее эти вертолеты были также оборудованы системами ночного видения. Это решение было принято после того, как в населенных курдами районах были сбиты 2 боевых вертолета – AH-1W Super Cobra и AS-532 Cougar, а также 1 многоцелевой вертолет S-70A Black Hawk с 17 турецкими военнослужащими на борту[12]. Эти меры позволят усилить боевые возможности турецкой армейской (легкой) авиации и аэромобильных десантно-штурмовых подразделений турецких войск.

3. Оборудование вертолетов турецкой армейской авиации тепловизорами и другими современными системами разведки и обнаружения целей, для эффективного действия в ночных и сложных погодных условиях в горной местности. Кроме этого, 24 июля 2002 г. Turkey's Defense Industries Undersecretariat (SSM) и израильская фирма IAI подписали контракт, стоимостью в 11,5 млн. долларов, который предусматривает модернизацию 7 турецких транспортно-десантных самолетов С-130Е, в частности, замену авионики и бортовых навигационных систем этих самолетов. Работы должны были быть проведены на турецком заводе в Кайсери (Центральная Анатолия), однако были отложены ввиду кризиса в двусторонних отношениях и финансовых проблем. Другая израильская фирма – "Elbit System", 30 июля 2002 г. подписала контракт, стоимостью в 14 млн. долларов, с турецкой кампанией "Turkish Aerospace Industries" (TAI) на ремонт и замену оборудования многоцелевых вертолетов S-70A Black Hawk. Эти контракты на модернизацию израильскими фирмами транспортных самолетов и многоцелевых вертолетов также будут способствовать повышению возможностей частей специального назначения турецкой армии по транспортировке и высадке войск в курдонаселенных районах[13].

4. Средства радиотехнической, электронной, а в перспективе, и космической разведки (спутники-шпионы Ofeq-3), которые могут

быть поставлены израильской стороной[14]. Эти средства, в частности, могут помочь турецкому командованию получать разведывательную информацию в реальном масштабе времени о деятельности курдских повстанцев, местоположении их баз, тренировочных лагерей и т.д., в том числе и на территории сопредельных стран.

5. Поставка израильских ракет «воздух-поверхность» (ASM) Popeye-1/2, позволяющих более активно использовать самолеты турецких ВВС для действий против наземных целей[15].

6. Поставка Израилем беспилотных самолетов. Мировой опыт показывает, что эти средства в последнее время занимают одно из ключевых мест в противоповстанческой борьбе. Вряд ли какие-то новые виды оружия и боевой техники так активно и эффективно смогли действовать против повстанцев, чем беспилотные самолеты-разведчики, а в последнее время и их ударные варианты типа Predator и Global Hayk. Ярким примером их удачного применения в сложных горных условиях могут быть операции американских войск против талибов в Афганистане с осени 2001 г.[16]. Хотя США в настоящее время имеют наиболее значительный парк БПС, тем не менее считается, что по производству этих средств Израиль «занимает, возможно, первое место в мире»[17]. Вспомним хотя бы активное и весьма удачное их применения израильтянами еще во время Первой Ливанской войны 1982 г., когда впервые в мировой практике были столь масштабно применены новые в то время средства вооруженной борьбы. Военно-промышленный комплекс Израиля выпускает различные типы БПС, в том числе как разведывательные (Heron, Hermes, Searcher Mk II), так ударные (MOAB, Hagru)[18]. В декабре 1998 г. аппарат советника по вопросам военной политики Турции получил предложения от фирм «Дженерал Атомик» (США), IAI (Израиль) и CATIC (Китай) на совместное изготовление в Турции 37 беспилотных летательных аппаратов трех видов: ближнего радиуса действия – 14 ед., среднего – 8 ед. и дальнего – 15 ед. Соисполнители будущего контракта с турецкой стороны: компании TAI и «Аселсан»[19].

Израильско-турецкое сотрудничество и проблема использования водных ресурсов курдонаселенных районов Юго-Восточной Турции и Северного Ирака

Одним из важнейших аспектов курдского вопроса, интересующих Израиль, является проблема использования водных ресурсов Юго-Восточной Турции и Северного Ирака. В то же время проблема водных ресурсов, которая является одной из наиболее острых в отношениях Турции, Сирии и Ирака, тесно увязана с проблемами курдов, т.к. практически большинство водных ресурсов протекает именно по той территории, на которой проживают курды.

Особенность географического расположения основных водных ресурсов Ближнего Востока состоит в том, что основные их источники находятся в северной части региона (на востоке Турции, в северных частях Ирана и Ирака – в основном, на территории, населенные

курдами) и перемещаются на большие расстояния в зоны дефицита воды посредством системы рек и подземных источников. Наглядный пример такого перераспределения водных ресурсов на Ближнем Востоке – речная система Месопотамии: бассейны рек Тигра и Евфрата перемещают водные ресурсы Центральной и Юго-Восточной Анатолии (этногеографического Северного Курдистана) и северо-востока Месопотамии (Иракский и запад Иранского Курдистана) на юг, в населенные арабами пустыни. Эта особенность и определяет водный аспект курдского вопроса – проблему распределения водных ресурсов севера региона (Турецкого и частично Иракского Курдистана) на юге – в Сирии и Ираке, – а точнее, в политическом и геоэкономическом смыслах данная проблема проявляется в жизненной заинтересованности арабских стран в водных ресурсах территорий, населенных в основном курдами и, исходя из этого, возможности использования Турцией этой воды в качестве геополитического рычага в отношении Сирии и Ирака и, разумеется, в применении арабскими странами курдского фактора в геоэкономическом противоборстве с Турцией, что выражается в поддержке курдского движения в Турции.

В течение веков водные ресурсы этого региона в основном использовались только южными, арабскими соседями Турции, и лишь примерно с 1961 г. турецкое правительство начало подготовительные работы по масштабному осуществлению проекта по строительству целой сети крупных гидротехнических и ирригационных сооружений в своих юго-западных, в основном курдонаселенных провинциях. Амбициозные планы Турции по использованию водных ресурсов этих территорий предполагают строительство 22 дамб (наиболее масштабная из которых будет носить имя Ататюрка), и способных суммарно обеспечить орошение около 1,7 млн. га (20% всех орошаемых площадей в Турции), а также возведение 19 гидроэлектростанций на Тигре и Евфрате[20].

Исторической особенностью водопользования Тигра и Евфрата является то, что до 1968 г. ирригацию осуществляли лишь государства, находящиеся в низовьях этих рек (Ирак и Сирия, а до 1950 г. – только Ирак), и только в 70-х годах государство – источник этих рек (Турция) – приступило к освоению и использованию Тигра и Евфрата. С 1980 г. Турция начала осуществление грандиозного проекта «Юго-Восточной Анатолии» (Guneydogu Anadolu Projesi - GAP), который охватывает территорию с размером 73 863 кв. км (юго-западной и центральной части Турецкого Курдистана, включающие провинции Адыяман, Диярбекыр, Газиантеп, Мардин, Сиирт, Урфу, Ширнак и Батман), что составляет 9,4% территории всей Турции и представляет собой, как считают некоторые курдские авторы, кроме экономических целей, комплексный план изменения социально-экономического и демографического облика района, ибо в результате этого может существенно сократится количество курдского населения этих областей[21].

Идею Турции, выдвинутую премьер-министром Тургутом Озалом в 1987 г. в Вашингтонском Центре Стратегических и Международных исследований (CSIS) о постройке «водовода» или «трубопровода мира» (Peace Pipeline Project) для переброски излишков воды из влажных районов Турецкого Курдистана в засушливые страны Ближнего Востока (Сирию, Иорданию, Израиль и страны Персидского залива) арабские страны небезосновательно рассматривают в контексте «мечты Турции» достичь лидерства в регионе посредством экономического и политического доминирования, сделав зависимыми эти страны от «турецкой воды». Кроме того, Сирия напоминает, что Турция, постоянно заявляя о дефиците водных ресурсов, предлагает экспортировать воду. Вдобавок к этому Турция планирует проложить по дну Средиземного моря 80-километровый трубопровод к турецкому анклаву на Северном Кипре с возможной последующей продажей воды греческой части Кипра[22].

Проблема транспортировки водных ресурсов из курднонаселенных районов Турции занимает все более важное значение во внешнеполитических планах Израиля. «Мини-трубопровод мира», предлагаемый Турцией для продажи 180 млрд. куб. м воды в год из р. Манавгат в Сирию, Иорданию, Израиль и Палестину (в том числе и по дну Средиземного моря в пределах территориальных вод Сирии), также встречает противодействие со стороны Сирии[23].

Впрочем, вряд ли поставки воды Израилю из Турции по трубопроводу можно называть «трубопроводом мира». В печати уже появились сведения, что этот вопрос прямо увязывается с поставками Израилем тех современных видов вооружений турецкой армии, которые в первую очередь необходимы Анкаре для борьбы с курдами. Так, 26 июля 2002 г. Defense News сообщила в ответ на продолжающиеся трудности, связанные с кампаниями американских правозащитных организаций против поставок США вооружений, в частности боевых вертолетов, которые Турция может использовать против PKK-KADEK, что официальные турецкие лица вновь активно возобновили переговоры с российско-израильскими кампаниями по закупкам вертолетов Ка-50-2. Кроме этого, Турция начала переговоры и о закупке еще одной партии ударных беспилотных самолетов (Unmanned Combat Air Vehicles - UCAV), в количестве 108 единиц. Взамен, как сообщила Jerusalem Post, Израиль обязался покупать у Турции 50 млн. куб. м. воды ежегодно[24].

Известно, что водная проблема является составной частью арабо-израильских отношений. Еще в одном из положений соглашения в Осло между Израилем и арабами отмечалось о распределении водных ресурсов реки Иордан между еврейским государством и его арабскими соседями[25].

Курдские наблюдатели также отмечают, что интерес Израиля к проблеме водных ресурсов курдонаселенного ареала необходимо рассматривать с точки зрения перспектив мирного разрешения израильско-арабского конфликта. «Соединенные Штаты и Израиль в процессе ближневосточного урегулирования рассматривают и водные ресурсы р. Евфрат. Уступка Турцией Сирии по Евфрату будет способствовать выводу израильских войск с Голанских высот, так как Сирия, получив «надбавку» на Евфрате, станет более уступчивой по

отношению к Израилю, жизненно заинтересованному в водных ресурсах Голан, что снимет еще одно препятствие для вывода из этого района израильского воинского контингента. Хотя Турция заявляет, что «турецкая вода» не может быть предметом сделки ближневосточного мирного процесса, с самого начала переговоров по нему США как главное действующее лицо этого процесса неизменно включали в него вопрос Евфрата. При этом Израиль обещает Турции на переговорах с Сирией учитывать ее водные интересы. Однако не исключено, что, несмотря на развивающееся израильско-турецкое сотрудничество в области водных ресурсов и ирригации (вплоть до совместных проектов по созданию так называемой «биржи водных ресурсов», согласно которым воды Тигра и Евфрата будут распределяться между всеми государствами региона, в том числе и Израилем), что вызывает глубокую озабоченность арабов, водные интересы Турции потенциально могут быть принесены в жертву ближневосточному мирному процессу. С другой стороны, страх арабов зависеть от «турецкой воды» может способствовать их примирению с Израилем»[26].

Надо отметить, что одной из причин обострения отношений между Сирией и Турцией в 1998 г., вызванных требованиями Анкары закрыть базы РКК в Сирии, являлась также растущая угроза безопасности гидротехническим сооружениям проекта GAP со стороны действий курдских повстанцев на юго-востоке Турции. И в этом противостоянии, как известно, по мнению многих аналитиков, немаловажную роль сыграл факт наличия уже вполне оформленного военно-политического альянса между Турцией и Израилем.

На своей встрече 12 марта 2001 г. министры иностранных дел арабских стран обсудили подробный доклад, посвященный влиянию турецко-израильского военного сотрудничества на безопасность и стабильность в регионе. В докладе отмечалось, что заметно некоторое охлаждение в турецко-израильских отношениях, вызванное как давлением арабских государств, так и, в особенности, продолжающейся палестинской интифадой.

Согласно докладу, это проявилось в ряде действий Турции:

1. Аннулирование договора о модернизации турецких танков израильскими фирмами.

2. Отмена визита командующего израильской армией Шаула Мофаза в Турцию в октябре 2000 г. МИД Турции назвал продолжающиеся насилия израильтян против палестинцев на Святой земле как «вызов чувствам мусульман Турции и всего мира». В турецких СМИ началась продолжающаяся кампания против израильского насилия в Палестине.

3. Были отменены важные визиты в Израиль двух высокопоставленных военных чинов турецкой армии: командующего турецкими ВМС и командующего турецкими ВВС в ноябре и декабре 2000 г.

4. Турецкие ВМС отложили военно-морские маневры «The Bride of the Sea», намеченные в декабре 2000 г. с участием США и Израиля.

В тоже время, согласно докладу, несмотря на некоторое охлаждение турецко-израильских отношений, турецкая позиция по углублению отношений с Израилем остается в силе. В докладе также отмечалось, что Турция имеет нерешенные проблемы с рядом арабских стран по «границам, воде и курдам». С другой стороны, другой аналитический доклад, по проблемам водных ресурсов Тигра и Евфрата, подготовленный для Лиги Арабских государств, отмечал возросшее сотрудничество Турции и Израиля в этой области. Совместные проекты Турции и Израиля «al Ghab» по работам в сфере ирригации и сельского хозяйства оценивались в сумму более 1 млрд. долларов[27].

Таким образом, одним из важнейших элементов политики Израиля в отношении курдов является проблема распределения водных ресурсов, протекающих через курдонаселенные территории Южной Турции и Северного Ирака, и во многом будет зависит от того, насколько курды смогут контролировать эти ресурсы. В то же время, данный фактор будет влиять и на уровень израильско-турецких взаимоотношений, а в целом, и на перспективы мирного урегулирования арабо-израильского конфликта.

ИЗРАИЛЬСКО-КУРДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЗИЦИЯ ТУРЦИИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ В ИРАКЕ 2003 Г.

После завершения операции США против Ирака, от которой, наверное, более всего в выигрыше оказались курды, в турецкой прессе появились сведения, что один из курдских лидеров по происхождению является евреем, и как результат, Израиль вскоре начнет устанавливать тесные связи с де-факто существующим курдским государством на севере Ирака. В течение нескольких недель подобный сценарий активно муссировался турецкими СМИ. Еще 19 февраля 2003 г. в Hurriyet была опубликована статья, где указывалось, что лидер KDP Массуд Барзани - этнический еврей и происходит из старинного рода курдских раввинов. Данная статья ссылалась на известную работу "Folk Literature of the Kurdistani Jews", опубликованную еще в 1982 г., а также на результаты исследований турецкого историка Ахмеда Уджар. А.Уджар в турецких архивных материалах XIX в. нашел сведения о деятельности курдского раввина по фамилии Барзани. В турецкой прессе М.Барзани считали потомком евреев, который якобы должен возглавить новое произраильское курдско-еврейское государство на территории библейской «Земли Обетованной», простирающейся от Нила до Евфрата, включая, в том числе и населенные курдами территории Северного Ирака.

Однако автор "The Folk Literature of the Kurdistani Jews" профессор Йона Сабар в своих комментариях по поводу данных турецких публикаций отметила, что они базируется на неверной интерпретации истории курдских евреев. Согласно Сабар, курдский раввин XVI в. Шамуэль Адони также имел имя "Barzani", что означало, что он выходец из города Барзан. Он был основателем хорошо известной династии раввинов Barzani, представительницей которой была женщина-раввин Asenath Barzani (XVII в.). По мнению израильской исследовательницы, маловероятно, что М.Барзани принадлежал к этой династии, т.к.

Barzani широко распространенная курдская фамилия, к тому же в этой области Северного Ирака весьма мало евреев. В настоящее время общее количество евреев в Иране, Ираке и Турции составляет всего около 25,000 человек, поскольку основная их часть выехала в Израиль после так называемой «войны за независимость» 1948 г.

Еврейский историк из Стамбула Рифат Бали отмечает, что вся эта история с вероятным еврейским происхождением М.Барзани составляет часть обширной концепции, распространенной в последнее время в турецких консервативно-националистических и исламских кругах и пользующейся сильной популярностью среди общественности Турции. По его словам: «исламисты утверждают, что Израиль хочет использовать «курдскую карту», и создать новое еврейское государство, простирающееся от Нила до Ефрата, с включением курдских районов Северного Ирака и Юго-восточной Турции. Это увязывается с традиционными опасениями турок относительно планов расчленить Турцию». Добавим также, что всего несколько лет назад в Турции была издана книга доктора Гаруна Йайя «Курдская карта Израиля» ("Israel's Kurdish Card"), в которой говорилось о планах Израиля расширить свои границы за счет Ирака и Турции в союзе с курдами[28].

Действительно, нельзя однозначно говорить, что многие в Турции разделяют мнение о необходимости развития военно-политического сотрудничества с Израилем. В недрах турецкого общества есть весьма существенные задатки, которые рассматривают альянс с Израилем как предательство национальных интересов Турции и исламских идей в целом. Одновременно, эти проявления тесно увязываются с антисемитскими и пан-османистскими (реваншистскими) стереотипами, прочно укоренившимися среди турецкой политической элиты и интеллигенции. Одним из ярких выразителей данных настроений является именно доктор Г.Йайя, автор многочисленных антиизраильских публикаций, вышедших в свет в последние годы. В этом аспекте наиболее показательной является его работа «Курдская карта Израиля», вышедшая в свет в Турции несколько лет тому назад[29].

Однако, несмотря на то, что антиеврейские настроения пользуются весьма широкой поддержкой среди значительной части турецкой общественности, они не являются определяющими в формировании турецкой политики по отношению к Израилю. Одним из главных итогов войны с Ираком, вероятно, станет усиление военно-технического сотрудничества Израиля и Турции. На фоне охлаждения отношений Турции и США, несмотря на противодействие турецкого генералитета, прогнозируется дистанцирование Турции и США, вплоть до такого уровня, который бы не повредил членству Турции в НАТО, а роль США в продолжении обеспечения ее безопасности также будет снижаться. Одновременно возрастает вероятность втягивания государств региона в новые вооруженные конфликты, что увеличивает стимулы для углубления турецко-израильских военно-технических отношений.

Но в то же время предполагается, что Израиль в период, когда США будут заниматься проблемами послевоенного устройства Ирака, попытается сам в свою очередь решить многие проблемы с палестинцами30. И именно это в перспективе может стать большим препятствий на пути сотрудничества Анкары и Тель-Авива (что, кстати, и было одной из основных причин охлаждения отношений двух стран с конца 1970-х до начала 1990-х гг.), чем даже противодействие арабских стран[31].

Так, летом 2000 г. свыше 400 турецких офицеров подписали петицию, призывающую к разрыву отношений между Турцией и Израилем, а с другой стороны, к углублению отношений с арабскими государствами. Кроме этого, глава объединения независимых промышленников и предпринимателей Али Огло призвал к пересмотру отношений с Израилем, после инцидента с участием А.Шарона в мечети al Aqsa, назвав его вызовом религиозным чувствам не только палестинцев, но и всех мусульман[32].

4 апреля 2002 г. премьер-министр Турции Б.Эджевит назвал действия израильтян против палестинцев не иначе как «геноцидом» и подверг резкой критике израильского премьера А.Шарона. Однако уже на следующий день он поправил свои слова, отметив, что они были неправильно интерпретированы, а некоторые турецкие военные даже поддержали израильские действия в отношении палестинцев. Та важность, которую обе стороны придают двусторонним взаимоотношениям в сфере безопасности, заставила посчитать вскоре инцидент исчерпанным[33].

Однако, уже с 2000 г., некоторые аналитики указывали, что после того, как турецкие спецслужбы захватили А.Оджалана и ослабли боевые действия, осуществляемые РКК - KADEK в отношении Турции, а также после наметившегося потепления отношений между Сирией и Турцией, ощущается некоторое дистанцирование в стратегическом партнерстве Анкары и Иерусалима. Особенно это проявилось в ходе голосования Турции в 2000 г. в поддержку осуждения Генеральной Ассамблеей ООН противоправных действий Израиля против палестинцев на оккупированных территориях. А на следующий день президент Турции А.Н.Сезер также, в свою очередь, подверг критике политику Израиля на оккупированных территориях в ходе заседания комитета по торговле Организации Исламская Конференция в Стамбуле, что позволило опять заговорить об охлаждении турецко-израильских отношений[34]. Секретарь израильского МИДа (замминистр) Аллоин Лейл заявил, что его правительство не согласно с позицией Турции относительно развития событий в Палестине, особенно турецким голосованием на UNGA. Он назвал голосование Турции неожиданным для Израиля, а последующую речь Сезера, осуждающую террор Израиля и поддерживающую права палестинцев, обозреватели назвали «вторым ударом» по Израилю. Еще неделей раньше, во время визита в Турцию, А.Лейл призвал турецкую сторону не поддерживать антиизраильскую резолюцию Генеральной Ассамблей и «не идти той неправильной дорогой, по которой она шла в 1960-х и 1970-х гг.», спонтанно голосуя совместно с арабскими государствами[35].

Однако, на самом деле, как замечает ведущий аналитик Вашингтонского института Ближневосточной политики Алан Маковский (Alan Makovsky), и турецкие, и израильские официальные лица, еще с самого начала установления тесных отношений в середине 1990-х гг., постоянно воздерживались от публичной поддержки друг друга по спорным вопросам международной и региональной политики, особенно учитывая отрицательную позицию внутри своих стран по этим вопросам. Турция, даже после установления дипломатических отношений с Израилем в декабре 1991 г. на полном, посольском уровне, почти всегда последовательно голосовала совместно с арабскими странами по резолюциям ООН, касающимся палестинцев. Из примерно 179 резолюций UNGA Турция, во всех случаях, кроме 9, голосовала против Израиля. В то время как Израиль, в свою очередь «стремясь не обострять отношений с курдами и не наживать себе новых врагов», редко когда называл РКК террористической группой и старался не поддерживать турецкую политику в отношении курдов[36].

Анализ взаимоотношений двух стран за последнее время однозначно показывает, что Израиль в целом определился в своей политике касательно турецких курдов. Итоги взаимных визитов высокопоставленных официальных лиц обоих государств в 2003-2005 гг. позволяют предполагать, что и Турция, и Израиль полны решимости продолжать сотрудничество в сфере обороны и безопасности, причем именно в контексте так называемой «борьбы с международным терроризмом». К примеру, в ходе переговоров в Анкаре турецкого министра обороны Вехти Гонула со своим израильским коллегой Шаулом Мофазом, наряду с сотрудничеством в военно-промышленной области, обсуждался также весь комплекс вопросов в сфере взаимодействия двух стран по борьбе с международными террористическими организациями. А в сентябре 2003 г., вместе с рядом высокопоставленных сотрудников турецких спецслужб, в Израиль прибыл министр внутренних дел Турции Абдулкадир Аксу. Это был первый визит министра из состава нового происламкого турецкого правительства в Израиль. Основной целью визита главы турецкого МВД в Израиль было восстановление в полном объеме сотрудничества между соответствующими ведомствами двух стран в обмене информации в области безопасности, особенно касательно различных террористических групп и организаций. Данная проблема вновь приобрела особую проблему для Турции, поскольку, несмотря на объявленную турецким правительством амнистию для членов РКК – KADEK, последняя заявила о прекращении действия режима перемирия с Турцией[37].

Новым подтверждением тесного сотрудничества двух стран стало соглашение о взаимодействии в сфере борьбы с терроризмом, а также развития технических средств для антитеррористических действий, в том числе против турецких исламских радикальных организаций, подписанное в ходе визита в конце декабря 2003 г. в Анкару министра общественной безопасности Израиля. Данное соглашение во многом было вызвано нашумевшими террористическими актами,

произошедшими в этот период в Турции и имевшими явный антиизраильский характер[38].

Несмотря на все сложности и проблемы (например, перманентные зигзаги их отношений, вызванные во многом комплексным внутриполитическим и внешнеполитическим давлением на правительства обоих стран), израильско-турецкий альянс продолжает оставаться важным элементом геополитических процессов в регионе, т.к. главным императивом для обеих стран является политика в сфере безопасности[39]. При этом если для самих Израиля и Турции, а также США, этот альянс представлялся ядром будущей системы региональной безопасности, то по мнению их оппонентов, он вызывал реактивную систему формирования альтернативных блоков, новый виток напряженности и гонки вооружений, что в итоге негативно отражалось на перспективах безопасности на всем Среднем и Ближнем (Большом Ближнем) Востоке.

Таким образом, резюмируя, можно утверждать, что на фоне возможного дальнейшего углубления военно-политического сотрудничества Анкары и Тель-Авива, Израиль к настоящему времени практически определился в своей политике по отношению к турецким курдам, и эта политика, по всей видимости, будет являться производной от общего уровня турецко-израильского сотрудничества. При этом необходимо отметить, что вышесказанное относится, в первую очередь, к турецким курдам и их политическим организациям, таким как РКК – KADEK (к настоящему времени имеются сведения, что вследствие нового раскола данная курдская организация вновь поменяла свое название), но отнюдь не к иракским курдам, политика Израиля в отношении которых должна быть рассмотрена отдельно.

СОВРЕМЕННЫЙ УРОВЕНЬ ИЗРАИЛЬСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ И РАЗВИТИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА В ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Боязнь возникновения курдского государства, а также кризис в турецко-израильских отношениях из-за позиции, занятой Израилем по ряду региональных проблем, особенно палестинской и курдской, заставили Турцию в последние годы активизировать свои действия в регионе Большого Ближнего Востока без оглядки на своих западных партнеров, а также Израиль. Новое руководство Турции окончательно сделало свой выбор в пользу более активной региональной политики, предполагающей возрождение роли Турции на Ближнем Востоке, что усложняет поддержание баланса в отношениях между Израилем и арабскими странами, поскольку тесные стратегические отношения между Израилем и Турцией вызывали серьезные проблемы в контактах Анкары не только с арабскими, но и вообще с мусульманскими странами.

Турецко-израильские отношения существенно обострились к маю 2004 г., когда турецкий премьер Р.Т.Эрдоган выступил с несколькими резкими заявлениями по поводу силовых методов Израиля в процессе ближневосточного урегулирования, а после ликвидации израильскими спецслужбами лидеров ХАМАС шейха Ясина и Абдулазиза Рантиси даже назвал политику Израиля «близкой к государственному террориз-

му». Эрдоган также обвинил А.Шарона в саботаже мирного процесса на Ближнем Востоке. Эти жесткие заявления, по сути, перечеркнули на данный момент все попытки Израиля наладить отношения с Анкарой, переживающие серьезный кризис после убедительной победы в ноябре 2002 г. на парламентских выборах Партии справедливости и развития и формирования в Турции впервые за многие годы однопартийного правительства. Тем не менее, 24 декабря 2003 г. Турция и Израиль подписали Соглашение о совместной борьбе с террором. Документ предусматривал обмен разведывательной информацией между Израилем и Турцией, разработку совместных антитеррористических методик и проведение совместных учений пограничных подразделений. Но это Соглашение вызвало резкую негативную оценку в ряде исламских стран и было названо поводом для проведения репрессивных акций в Турции, в особенности против курдов[40].

С апреля 2004 г., под влиянием событий в Ираке, в израильско-турецких отношениях стали проявляться отчетливые элемента охлаждения. Некоторые эксперты, проанализировав сложившуюся в этот период в турецко-израильских отношениях ситуацию, поспешили сделать вывод о серьезной угрозе партнерству двух стран, особенно исходя из того, что в этот период были под различными предлогами аннулированы или отложены некоторые важные проекты в сфере военно-технического сотрудничества. Тем не менее, исходя опять таки из приоритетов в сфере безопасности, турецкое руководство (испытывая большое давление со стороны военных) пошло на новую активизации своих отношений с Израилем. Точкой отчета нового этапа двусторонних отношений стал инициированный турецкой стороной визит Р.Т.Эрдогана в Израиль в мае 2005 г. 1 мая Эрдоган прибыл в Израиль, и, к удовлетворению всех сторон, сразу же начал переговоры о продолжении военного сотрудничества. В результате был подтвержден контракт на продажу Турции израильских беспилотных самолетов-разведчиков дальнего радиуса действия «Харон» на общую сумму 200 млн. долларов. Министр обороны Веджди Генюль и его заместители совместно с военным ведомством Израиля и директоратом военно-авиационного концерна «Таасия авирит» начали готовить документы по сделке, в осуществление которой израильтяне должны будут модернизировать 30 истребителей турецких ВВС F-4 Phantom, заработав на этом 500 млн. долларов (ранее, как известно, в 2001-2002 гг., авиационная промышленность Израиля уже модернизировала 54 турецких самолета того же класса[41]). Начались обсуждения и возможных закупок израильских бронетранспортеров «Ахзари» и танков «Меркава», хорошо зарекомендовавших себя в условиях ведения боевых действий в пустыне[42].

Не случаен тот факт, что в налаживании нового этапа израильско-турецких отношений именно военно-техническая составляющая играла важнейшую роль. В 2000-2004 гг. военно-техническое сотрудничество с Турцией (по результатам контрактов, заключенных начиная с середины 1990-х гг.) составляло примерно 20-35% от общего экспорта

продукции израильского ВПК. В основном это были проекты, связанные с модернизацией авиационной техники ВВС Турции (самолеты F-4 и F-5), закупкой авиационного ракетного вооружения и т.д. За счет высокой конкурентоспособности своего предложения Израиль также сумел получить контракт на модернизацию танков М-60. Хотя этот контракт был подписан еще в 2002 г., однако из-за различных причин (финансовые проблемы и смена правительства в Турции, общее охлаждение двусторонних отношений) его реализация затягивалась. Только с конца 2005 г. израильские инженеры приступили к выполнению масштабной модернизации танкового парка турецкой армии. В результате, модернизации танки М-60 американского производства по ряду характеристик будут соответствовать израильским танкам «Меркава-4» последнего поколения. В частности, от «Меркавы» к турецкому танку перешли система управления огнем, механизм поворота башни, комплекты навесной брони, силовая установка и 120-миллиметровая пушка. Программу модернизации М-60 специально для Турции подготовили израильские инженеры из компаний Israel Military Industries (IMI) и Elbit Systems. Ее стоимость составляет 688 млн. долларов. Всего будет модернизировано 170 танков. Производство некоторых компонентов для будущих модернизированных танков начнется во второй половине 2006 г., а выпуск новых машин — с начала 2007 г. Турецкие сухопутные войска получат все 170 модернизированных М-60 до 2009 г. В настоящее время в Турции идут испытания одного прототипа будущего танка. Второй опытный экземпляр, изготовленный израильтянами, проходит испытания на полигоне в Израиле. По имеющимся сведениям, успешно на нынешнем этапе проходят переговоры и по закупкам израильских бронетранспортеров «Ахзари»[43]. Согласно имеющейся информации, в случае успешной реализации указанного проекта, в дальнейшем возможна также модернизации еще до 1000 танков М-60 турецких вооруженных сил с помощью израильских компаний[44].

В апреле 2005 г. стороны также подписали договор о продаже Турции израильских беспилотных самолетов-разведчиков «Херон» дальнего радиуса действия. Самолеты поставят израильские предприятия авиационной промышленности, а системы связи и мониторинга - корпорация Elbit. Сделка оценивается в 200 млн. долларов. В этот же период состоялся обмен представительными делегациями министерств обороны и генеральных штабов ВС двух стран. Специалисты оценили эти переговоры в 1,5 млрд. долларов. Именно такую сумму составили в принципе согласованные новые двусторонние проекты в области военно-технического сотрудничества. Кроме согласования плана реализации ряда двусторонних проектов в военно-технической области, Турция и Израиль в последнее время также договорились о продолжении совместных военных учений под кодовым названием «Reliant Mermaid» («Уверенная сирена») с использованием разведывательных спутников[45].

В свое время довольно перспективным проектом рассматривалась и модернизация 7 военно-транспортных самолетов С-130Е турецких

ВВС израильской компанией IAI. В 2002-2003 гг. шли активные переговоры между сторонами о реализации этого контракта стоимостью до 12 млн. долларов, однако они закончились провалом – как считается, в связи с общим охлаждением политических отношений, а также финансовыми сложностями. Намного более удачным может оказаться программа реализации нового, уже второго проекта (первый был осуществлен в во второй половине 1990-х гг.) по модернизации истребителей F-4 Phantom и доведение их израильскими специалистами до уровня «Fhantom-2020». Как считается, за счет оснащения истребителей новой израильской авионикой и оборудованием ресурс эксплуатации этих самолетов в турецких ВВС будет продлен минимум до 2020 г., при этом проектом предусматривается осуществление значительной части работ на турецких предприятиях и в сотрудничестве с турецкими компаниями[46].

Израиль также заинтересован в модернизации турецких учебных самолетов Т-34 и Т-38. В настоящее время командование ВВС Турции разрабатывает концепцию этой программы с целью продлить срок эксплуатации этих самолетов до 2015 г.[47].

Важным аспектом военно-технического сотрудничества Турции и Израиля является сотрудничество в сфере ПВО и тактической ПРО. Как известно, в последние годы Турция намерена осуществить глубокую модернизацию своей системы ПВО и развертывание собственной ПРО театра военных действий (ТВД). Во многом это связано с усиливающейся гонкой вооружений и проблемами распространения ОМП и ракетных технологий в регионе Большого Ближнего Востока. В 1999 г. Турция получила первую батарею американского армейского ЗРК «Пэтриот» 2-й модификации (PAC-II) для усиления ПВО/ПРО группировок своих вооруженных сил и важных военных объектов страны. В рамках создания современных систем ПРО ТВД главным партнером США является Израиль. В настоящее время Израиль является единственным государством мира, которое имеет систему ПРО, охватывающую всю территорию страны. В Израиле были разработаны системы ПРО «Эрроу» и ее дальнейшая модификация «Эрроу-2», которые планируется поставить также и в Турцию. Турция с 1999 г. участвует в этом проекте, и ее желание получить на вооружение данные усовершенствованные системы ПВО/ПРО вызвано (кроме защиты страны от вероятных пусков ракетных систем с использованием «скадовских» технологий), также стремлением уравновесить развернутую на греческом острове Крит ЗРС С-300 ПМУ-1 российского производства[48]. В тоже время, программа развертывания ПРО в сотрудничестве с Израилем и США усложняется большой стоимостью реализации проекта. Даже наиболее ограниченная система ПРО с минимальным количеством установок «Эрроу» обойдется Турции в сумму более 5 млрд. долларов, при этом не обеспечивая возможности защиты всей территории страны[49].

Военно-техническое сотрудничество двух стран, тем не менее, имеет свои объективные ограничители и не способно в дальнейшем

служить основой для углубления их политических отношений и доведения их до уровня «стратегического союза». Естественно, императивы в сфере безопасности однозначно будут способствовать в среднесрочной перспективе сохранению стабильного партнерства, но уже не в состоянии довести их до уровня союзнических. Этому не способствуют ни политические условия, ни углубляющиеся в Турции антиизраильские отношения. За исключением военной верхушки и определенной части турецкой политической элиты, население и широкая общественность Турции резко отрицательно относятся к дальнейшему качественному углублению сотрудничества с Израилем.

Серьезным испытанием для двусторонних отношений явились события вокруг Ливана летом 2006 г., вызванные боевыми действиями израильской армии против «Хезболлах» и вторжением Израиля в южные районы Ливана. В Турции эти действия Израиля сразу же вызвали резкий подъем антиизраильских и антисемитских настроений, нашедших поддержку и у значительной части правящей элиты страны.

Уже 1 августа 2006 г. в Стамбуле по предложению Анкары состоялось срочное заседание организации «Исламская конференция» (ОИК) на экспертном уровне для обсуждения вопроса об оказании Ливану гуманитарной помощи. А уже 3 августа по инициативе Турции и ряда арабских государств на экстренном заседании Исполнительного комитета ОИК в Куала-Лумпуре страны-участницы обсудили кризисную ситуацию на Ближнем Востоке и приняли совместное Заявление. В документе содержался призыв к немедленному и безоговорочному прекращению боевых действий в Ливане; а действия Израиля были охарактеризованы в нем как агрессивные и преступные, расследованием которых должен заняться Совет Безопасности ООН. Турецкую делегацию на встрече ОИК в Малайзии возглавлял премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган, который в своем выступлении подверг резкой критике действия Израиля, назвав их «несправедливыми и незаконными». Кроме того, Турция выступила с инициативой созвать экстренное заседание Парламентского союза ОИК. 3 августа все депутаты от правящей в Турции Партии справедливости и развития вышли из межпарламентской группы дружбы с Израилем в знак протеста против военных действий в Ливане. Накануне о выходе из турецко-израильской межпарламентской группы дружбы заявили и депутаты от основной оппозиционной Народно-республиканской партии. Комиссия по правам человека парламента Турции на экстренном заседании охарактеризовала боевые действия Израиля в Ливане как государственный терроризм и геноцид и призвала к суду над ним в международном трибунале за военные преступления. Турецкие эксперты в связи с событиями в Ливане также отметили всплеск антиизраильских и антиамериканских настроений в Турции, т.к. Вашингтон однозначно расценивался как соучастник и пособник действий Израиля[50].

Весьма интересной иллюстрацией нынешнего восприятия израильско-турецких отношений в турецком обществе на фоне военной операции Израиля в Ливане летом 2006 г. явились события, связанные

с назначением на должность нового начальника Генерального Штаба вооруженных сил Турции армейского генерала Яшара Бююканыта. В связи с тем, что Я.Бююканыт пользовался поддержкой А.Сезера и занимает более жесткую позицию по курдскому вопросу, проблемам интеграции с ЕС и т.д., в отношении него предпринимались различные попытки дискредитации. С этой целью даже «предпринимались попытки использовать подлинный факт нахождения могилы его деда – офицера Османской армии, погибшего в годы Первой мировой войны, на территории Израиля. Израильский генштаб в качестве жеста доброй воли установил местонахождение могилы, привел ее в надлежащий вид и пригласил турецкого генерала посетить место захоронения деда. По мнению инициаторов кампании, этот факт на волне роста в стране антиизраильских настроений в связи с конфликтом в Ливане должен был сыграть против Я. Бююканыта»[51].

Изменения, происходящие в настоящее время в турецко-израильских отношениях, обусловлены также процессами европейской интеграции Турции. Ориентированная в сторону ЕС внешняя политика Анкары заставляет ее внести определенные изменения в свои отношения с Израилем, т.к. позиция Европейского Союза к Израилю всегда была несколько более жесткой, а симпатии к арабам, хоть и не проявляются отчетливо, но все же имеют место. Анкара же претендует на роль основного проводника политики ЕС на Большом Ближнем Востоке, что означает постепенное снижение уровня отношений с Израилем. Аналогичное отрицательное значение для отношений с Израилем имеет также усиление антиамериканских настроений в Турции и процессы, связанные с усилением курдского фактора в процессах вокруг Ирака. Очевиден и другой, внутриполитический фактор в Турции, от которого зависит качество турецко-израильских отношений. Нынешняя политическая элита Турции ведет продолжительную борьбу за снижение роли и влияния военных в жизни турецкого государства. Известно, что именно турецкие военные были основными идеологами и сторонниками развития израильско-турецких отношений, начиная с 1990-х гг. Поэтому, в случае дальнейшего снижения роли военной верхушки в политической жизни Турции, отношения с Израилем также объективно будут слабеть. Это, конечно, не приведет к полному разрыву израильско-турецких отношений - императивы в сфере безопасности двух стран не позволят даже их снижение до критического уровня, - но их роль в политических процессах в регионе будет существенно откорректирована.

1 См. подробнее: Minasian S. The Turkish-Israeli Military and Political Co-operation and Regional Security Issues // Iran and Caucasus, Vol VII, №1-2, 2003; Минасян С. Израиль - Турция: Военно-политическое и военно-техническое сотрудничество (в аспекте проблем региональной безопасности) // Центральная Азия и Кавказ, №1, 2004.
2 Washburn J. Power Bloc: Turkey and Israel Lock Arms // The Progressive Magazine, December 1998.
3 Peterson S. Kurd Extremists Train in Lebanon // The Christian Science Monitor, 13.08.1991.
4 Washburn J. Power Bloc: Turkey and Israel Lock Arms // The Progressive Magazine, December 1998.
5 Bir Ç. Turkey's Role in the New World Order: New Challenges // Strategic Forum, INSS, №135, February 1998.
6 Ахмедов В. Противостояние // Азия и Африка сегодня, №1, 2000.С.14.
7 Спиридонова Н. Курды вновь готовятся к войне. Впервые после ареста их лидера Оджалана объявлена мобилизация среди курдской молодежи Турции // Независимое военное обозрение, 18.01.2001.
8 General Hilmi Ozkok. Interview // Jane's Defense Weekly, 22.01.2003. P.32.
9 Sariibrahimoglu L. Iraq: The Turkish Factor // Jane's Defense Weekly, 02.04.2003. P.18.
10 The Military Balance 2002/2003. IISS: London, 2002. P.58.
11 Коротченко И. Российское оружие в Турции: Вертолет Ка-50-2 «Эрдоган» продолжит борьбу за контракт стоимостью 3,5 милиарда долларов // Независимое военное обозрение, 28.09.2001.
12 Sariibrahimoglu L. Turkey Places Helicopter Electronic Warfare Contracts // Jane's Defense Weekly, 16.01.2002. P.15.
13 Sariibrahimoglu L., Redan S. Turkey Announces C-130 and Black Hawk Upgrades // Jane's Defense Weekly, 07.08.2002. P.10.
14 Марьясис Д.А. ВПК Израиля на рубеже веков // Востоковедный сборник. Вып.3 / Отв. ред. Федорченко А.В., Филоник А.О. ИИИБВ: М. 2002. С.230-238.
15 Маратов М.М. Военно-экономическая политика Турецкой Республики и ее сотрудничество с зарубежными странами // Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии / Отв. ред. Ахмедов В.М., ИИИБВ: М.2002. С.388.
16 Cobrin M. Honing the Sword: Strategy and Forces After 9/11. CDI: Washington, 2003. P.95-97.
17 O'Sullivan A. Turkish F-16s Use Israeli Base to Practice Evading S-300 Missiles // Jerusalem Post, 17.07.1998.
18 Rodman D. Israel's National Security Doctrine: An Introductory Overview // Middle East Review of International Affairs. Vol.5, №3, September 2001. P..80.
19 Маратов М.М. Военно-экономическая политика Турецкой Республики и ее сотрудничество с зарубежными странами. С.373-376.
20 Lorenz F.M., Erickson E.J. The Euphrates Triangle: Security Implications of the Southeastern Anatolia Project. NDU: Washington, 1999. P.1-6.
21 Мосаки Н.З. Гидростратегические аспекты курдского вопроса // Ближний Восток и современность. Вып.11 / Отв. ред. Исаев В.А., Филоник А.О. ИИИБВ: М.,2001. С.199-201.
22 Kinzer S. A Fierce Struggle for Water Drives All the Players in the Kurdish Conflict. // International Herald Tribune, 02.03.1999.
23 Мосаки Н.З. Гидростратегические аспекты курдского вопроса // Ближний Восток и современность. Вып.11 / Отв. ред. Исаев В.А., Филоник А.О. ИИИБВ: М.,2001. С.206.
24 Turkey Seeks Attack Helicopters – As Soon As Possible // Weekly Defense Monitor, CDI, Vol.6, Is. 30, 12.09.2002.
25 Lorenz F.M., Erickson E.J. The Euphrates Triangle: Security Implications of the Southeastern Anatolia Project. P.44.

26 Мосаки Н.З. Гидростратегические аспекты курдского вопроса // Ближний Восток и современность. Вып.11 / Отв. ред. Исаев В.А., Филоник А.О. ИИИБВ: М.,2001. С.207.
27 A Report on the Turkish-Israeli Military Cooperation. Turkey-Israel, Politics, 03.05.2001, (www.arabicnews.com/ansub/Daily/Day/010305/ 2001030508.html).
28 Schleifer Y. Jewish Telegraph Agency (JTA), 07.04.2003.
29 Yahya H. Israil'in Kurd Karti. Israil'in Ortadogu Stratejisi Ve Kurt Devleti Senaryolari, (Israel's Kurdish Card: The Middle East Strategy of Israel and "Kurdish State" Scenarios). Ankara, 1993.
30 Terrill A.W. Strategic Effects of the Conflict with Iraq: The Middle East, North Africa, and Turkey. U.S. Army War College, SSI: Carlisle, March 2003. P.11-13.
31 Larrabee F.S., Lesser I.O. Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty. RAND: Santa-Monica, 2003. P.144.
32 Turkish Officers Call for Boycotting Relations with Israel. Turkey-Israel Politics, 10.27.2000, (www.arabicnews.com/ansub/Daily/Day/010227/ 2001022706.html).
33 Migdalovitz C. Turkey: Issues for U.S. Policy. CRS: The Library of Congress, Washington, 22.05.2002. P.16-17.
34 Makovsky A. Turkish - Israeli Ties in the Context of Israeli – Arab Tension // WINEP, Policywatch №502, 10.10.2000, (www.whashingtoninstitute.org).
35 Turkish Backing to Israel Deteriorated. Turkey-Israel Politics, 10.27.2000, (www.arabicnews.com/ansub/Daily/Day/010227/2001022706.html).
36 Makovsky A. Turkish - Israeli Ties in the Context of Israeli – Arab Tension.
37 The Observer. A Quarterly Review of Cooperation: U.S., Turkey and Israel. JINSA - ATAA: Washington, №4, October 2003. P.3-4.
38 Israel, Turkey Sign "War on Terror" Cooperation Pact // Ha'aretz, 27.12.2003.
39 Makovsky A. Israel-Turkey: Strategic Relationship or Temporary Alliance? // The Middle East in 2015: The Impact of Regional Trends on U.S. Strategic Planning / Ed. by Yaphe J.S. NDU: Washington 2002. P.231-235.
40 Гурьев А.А. О турецко-израильских отношениях // ИИИБВ, 13.05.2005.
41 См. подробнее: Минасян С. Израиль - Турция: Военно-политическое и военно-техническое сотрудничество (в аспекте проблем региональной безопасности) // Центральная Азия и Кавказ, №1, 2004.
42 Гурьев А.А. О турецко-израильских отношениях // ИИИБВ, 13.05.2005.
43 Гурьев А.А. Турция – Израиль: по пути укрепления военного сотрудничества // ИИИБВ, 24.01.2006.
44 Kogan E. Cooperation in the Israeli-Turkish Defence Industry. CSRC, September 2005. P.4-5.
45 Гурьев А.А. Турция – Израиль: по пути укрепления военного сотрудничества // ИИИБВ, 24.01.2006.
46 Kogan E. Cooperation in the Israeli-Turkish Defence Industry. CSRC, September 2005. P.3-4.
47 Хмелинец С.М. О деятельности авиационно-промышленного комплекса Турции в период с 1998 по 2004 гг. // Ближний Восток и современность, Вып.23 / Отв. ред. Арунова А.Р., Филоник А.О. ИИИБВ, М.,2004. С.174.
48 Баскаков В. Горшков А. ПРО на европейском театре // Независимое военное обозрение, 31.10.2003.
49 Udum S. Missile Proliferation in the Midlle East: Turkey and Missile Defense // Turkish Studies, Vol.4, N.3, Autumn 2003. P.93-94.
50 Гурьев А.А. Ситуация в Турции: август 2006 г. // ИИИБВ, 04.09.2006.
51 Гурьев А.А. О кадровых перестановках в высшем руководстве вооруженных сил // ИИИБВ, 14.08.2006.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ИЗРАИЛЯ И ТУРЦИИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сергей Минасян

ВВЕДЕНИЕ

Одним из важнейших событий последнего десятилетия, оказавшим большое влияние на развитие геополитических процессов в регионе Ближнего и Среднего Востока, явилось формирование и развитие израильско-турецкого стратегического сотрудничества. Вместе с тем, динамика налаживания и развития этих отношений показывает, что они зависят от очень многих внешних и внутренних факторов, не могут рассматриваться как статичные и в различной степени приоритетными для Анкары и Тель-Авива. И если инициатором углубления и развития отношений все это время являлся в основном Израиль (не без активной поддержки США), то Турция, в зависимости от внешнеполитической конъюнктуры или внутриполитической ситуации внутри страны, выступала в качестве более сдержанного партнера. Это естественно, объяснялось различной степенью приоритетности двустороннего сотрудничества в политике Израиля и Турции.

Традиционно еврейское государство в своей стратегии по обеспечению национальной безопасности исходило из двух важнейших постулатов. Первым являлся «детерминизм», подразумевающий поддержку Израиля со стороны одной из ведущих сверхдержав (вначале такой страной являлась Франция, а позднее - США), направленный на получение новейших военных технологий и политической поддержки на мировом уровне в случае осуществления Израилем различного рода преемптивных и превентивных силовых операций, необходимых для обеспечения и поддержки основного элемента безопасности Израиля – политики сдерживания. Вторым важнейшим аспектом являлась «периферийная стратегия», предусматривающая сотрудничество в сфере безопасности с неарабскими государствами региона. Началом этому послужили секретные связи Израиля с христианской Эфиопией и шахским Ираном. Наряду с политическим и военно-техническим сотрудничеством, обменом разведывательной информации с этими государствами, составной частью «периферийной стратегии» являлась также поддержка Израилем религиозных и национальных меньшинств в арабских государствах, например, христиан в Ливане или повстанцев на юге Судана. Но наиболее амбициозным примером подобного рода являлось сотрудничество с шахским Ираном в поддержке курдской оппозиции на севере Ирака, продолжавшееся вплоть до 1975 г., когда шах решил улучшить отношения с Ираком и закрыл доступ Израилю в населенные курдами районы Ирака[1]. Кардинальные перемены на Среднем Востоке в конце 1950-х гг., связанные с усилением в регионе влияния Советского Союза и фактическим развалом прозападного Багдадского пакта

после выхода Ирака из его состава вследствие переворота полковника Кассема, заставили и Анкару присоединиться к Израилю в его действиях по формированию антиарабского союза. Это послужило началом тесных разносторонних связей между двумя странами и, прежде всего, в военно-политической сфере. Несмотря на периоды взлетов и падений, даже охлаждений, эти отношения к середине 90-х гг. XX в. стали приобретать все большую конкретность и характер полного стратегического партнерства, дав повод многим экспертам по проблемам безопасности Среднего Востока говорить о формировании военно-политического альянса между Турцией и Израилем. Это стало одним из ключевых факторов региональной безопасности в течение последнего десятилетия.

Причинам формирования альянса между двумя государствами, равно как эволюции развития турецко-израильского сотрудничества посвящена довольно обширная литература[2], поэтому в работе освещены вопросы, связанные конкретно с военно-политическим партнерством двух стран, а также его влиянием на проблемы региональной безопасности.

ГЛАВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ АЛЬЯНСА – ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Окончание "холодной войны" поставило обе страны, и в первую очередь Турцию, перед лицом новых угроз и вызовов в обеспечении собственной безопасности. Как красноречиво заметил в 1993 г. бывший турецкий министр иностранных дел Хикмет Четин, распад СССР и образовавшийся вакуум влияния внерегиональных «центров силы» на Среднем Востоке превратили Турцию из «флангового государства» в «прифронтовую страну», столкнувшуюся с многочисленными «фронтами на своих границах»[3]. Основную роль в установлении новых тесных контактов между Турцией и Израилем сыграли турецкие генералы. Главными идеологами развития отношений с Израилем с турецкой стороны были бывший заместитель министра иностранных дел Онур Оймен и бывший заместитель начальника Генерального штаба Чевик Бир[4]. По их мнению, стратегические угрозы для национальной безопасности Турции в 1990-х гг. уже носили совершенно иной характер, чем в период «холодной войны», что требовало новых подходов к ее обеспечению, одним из основных элементов которого должно было стать военно-политическое сотрудничество с Израилем - единственным светским государством на Ближнем Востоке, которое придерживается прозападных позиций, западных ценностей и демократических принципов[5].

Первое турецко-израильское соглашение о военном сотрудничестве было подписано 23 февраля 1996 г. в Тель-Авиве в обстановке полной секретности заместителем начальника Генерального штаба Турции Чевиком Биром и руководством министерства обороны Израиля. Оно предусматривало, впервые в истории отношений двух стран, взаимодействие вооруженных сил двух государств в реализации программ

военного обучения, совместные сухопутные, военно-морские, военно-воздушные маневры, создание объединенной группы военно-стратегических исследований, обмен разведывательной информацией, тренировочные полеты турецких самолетов в израильском воздушном пространстве, а израильских – в турецком, инструктаж турецких пилотов, обмен информацией, особенно в области борьбы с так называемым терроризмом (что предусматривает совместный разведывательный мониторинг двух стран на границах с Сирией, Ираном и Ираком). Кроме того, согласно этому документу, Израиль брал на себя обязательство помочь Турции в переоборудовании и укреплении ее границ с Ираном, Сирией и Ираком для защиты от курдских повстанцев.

Лишь позже стала появляться информация о деталях этого документа[6]. Выяснилось, прежде всего, что поскольку и Турция, и Израиль имеют на вооружении одни и те же типы американских боевых самолетов (F-16 и F-4 различных модификаций), технологическое сотрудничество ВВС двух стран в их эксплуатации является необходимым и полезным. Соглашение предусматривало, что в воздушном пространстве Израиля или Турции будут проводиться учебные полеты – первоначально без боевой техники, боеприпасов и электронно-разведывательного оборудования[7]. В соответствии с подписанными соглашениями израильским боевым самолетам предоставлена возможность пользоваться базами и воздушным пространством Турции для проведения боевой подготовки. В частности, на турецкой авиабазе Акинси периодически базируются израильские F-16. Намечено расширение связей по линии ВМС двух стран. Достигнута договоренность об обмене разведывательной информацией и стратегическими оценками ситуации в регионе. Примером сотрудничества двух стран в области обмена военной информации может послужить предоставление Израилем Турции технических сведений об истребителях МиГ-29, наиболее современных боевых самолетов, различные модификации которых находятся на вооружении ВВС Сирии, Ирана и ряда других стран региона, с которыми у Анкары весьма напряженные отношения. Эти сведения были получены израильтянами после передачи им 3 самолетов МиГ-29 из ФРГ, которой достались эти бывшие восточногерманские истребители советского производства после объединения Германии[8]. Израильтяне должны были оказать помощь Турции и в укреплении ее границ с соседними арабскими странами и Ираном, включая совершенствование сети радиотехнической разведки в приграничных районах. Уже 28 августа 1996 г. один из руководителей Министерства обороны Израиля генерал Давид Ирви прилетел в Анкару, чтобы подписать контракты на общую сумму свыше $600 млн., предназначенных для модернизации 54 турецких самолетов F-4 Phantom и с целью организации структуры военного сотрудничества между двумя государственными авиационными предприятиями.

Приход исламистов к власти в Турции в этот период не смог создать препятствий для дальнейшего развития отношений, т.к. турецкий генералитет, традиционно имеющий большое влияние в полити-

ческой жизни страны, оказал жесткое давление на правительство с целью углубления сотрудничества с Израилем. Чтобы продемонстрировать миру, что военные убедили турецкого премьера, начальник Генерального штаба генерал Исмаил Карадайи отправился в феврале 1997 г. в Тель-Авив и вновь подтвердил решимость Турции продолжить военное сотрудничество с Израилем. Во время этой поездки обсуждался уже новый вопрос – о проведении совместных военно-морских маневров при участии кораблей 6-го американского флота. Говоря о перспективах военного сотрудничества с Израилем, начальник турецкого Генштаба заявил израильтянам, что Турция не будет делиться предоставленной Израилем военной информацией и передавать другим странам израильскую военную технологию[9].

В октябре 1997 г. соглашение о военном сотрудничестве двух государств региона обогатилось еще одной договоренностью – соглашением о ракетах. Это стало возможным после визита в Турцию в середине месяца начальника Генштаба Израиля генерала Амнон Липкин-Шаака, который встречался не только с военным руководством страны, но и был принят президентом С.Демирелем и премьером М.Ыылмазом. Из турецких военных источников стало известно, что «в течение нескольких месяцев Турция и Израиль обсуждали вопрос производства ракет дальнего действия. Во время визита А.Шахака стороны сосредоточили основное внимание на производстве ракет «Делила» с радиусом действия 500 км, в связи с усилением беспокойства по поводу поставок на Кипр ракет С–300 российского производства, равно как из–за угрозы ракетных ударов из Ирака, Сирии и Ирана, достигшей «опасного уровня», создать спутниковую систему связи для обеспечения надежного канала информации. Готовность продать ВВС Турции свои ракеты Python-2 класса «воздух–воздух» выразила также израильская компания «Рафаэл»[10].

В качестве одной из наиболее важнейших двусторонних программ намечалась реализация совместного производства систем ПРО, что было связано с озабоченностью обоих стран появлением ракетных систем у ряда государств Среднего Востока. В 1988 г. в рамках работ по американской программе «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ) компания IAI («Israel Aircraft Industries») получила от Министерства обороны США заказ на разработку, производство и летные испытания зенитно-ракетного комплекса (ЗРК), способного поражать тактические баллистические ракеты, получившего название Arrow (по своим возможностям наиболее близкого к ЗРК советского/российского производства С-300В), который планировалось развернуть в Израиле с 1998 г. В дальнейшем Израиль планировал, в случае получения согласия Вашингтона, поставить ракеты Arrow или ее усовершенствованный вариант Arrow-2 также и в Турцию11. Первый совместный запуск ракет Arrow был успешно проведен в июне 2001 г. в ходе трехсторонних американо-израильско-турецких военных учений Anatolian Eagle на юго-востоке Турции[12].

В начале 1997 г., после утверждения президентом Турции, вступил

в силу контракт стоимостью $670 млн. (с учетом процентов по кредиту – $800 млн.) на модернизацию 54 самолетов F-4E по программе Phantom-2000 компанией IAI. Помимо мероприятий по продлению еще на 20 лет сроков их эксплуатации предполагалось заменить устаревшее бортовое оборудование, установить новые РЛС EL/M-2032 и аппаратуру радиоэлектронной борьбы израильского производства[13], а также оснастить их ракетами «воздух-земля» AGM-142 «Popeye-1». Для успешной реализации программы израильский парламент даже принял решение о выделении кредита размером в $430 млн. Весной 1996 г. группа турецких летчиков прошла в Израиле подготовку по эксплуатации новых радиолокационных станций, аналогичных устанавливаемым на израильских F-4-2000[14].

В рамках подписанного контракта на модернизацию самолетов F-4E на $80 млн. у Израиля закупаются 46 ракет Popeye-1 производства компании «Рафаэл» для установки на прошедших переоснащение самолетах F-4E. В январе 1999 г. вступил в силу контракт стоимостью $130 млн. с сингапуро-израильским консорциумом в составе компаний «Сингапуре Аэроспейс», IAI и «Элбит» на модернизацию 48 турецких самолетов F-5A/B. Первоначальные работы по модернизации выполнялись на предприятии «Лахав» израильской компании IAI. Проект должен быть завершен в 2004 г. Модернизация первых четырех самолетов F-5A в 1-м центре по ремонту и обслуживанию самолетов началась в первом квартале 2000 г. Израиль также заинтересован в модернизации турецких учебных самолетов Т-34 и Т-38. В настоящее время командование ВВС Турции разрабатывает концепцию данной программы с целью продлить срок эксплуатации этих самолетов до 2015 г.

В декабре 1998 г. аппарат советника по вопросам военной политики Турции получил предложения от фирм «Дженерал Атомик» (США), IAI (Израиль) и CATIC (Китай) на совместное изготовление в Турции 37 беспилотных летательных аппаратов трех видов: ближнего радиуса действия – 14 ед., среднего – 8 ед. и дальнего – 15 ед. Соисполнители будущего контракта с турецкой стороны: компании TAI и «Аселсан». Ожидалось, что этот проект стоимостью около $750 млн. может быть реализован в течение семи лет после 2000 г.[15]. Израильской фирмой «SimiGon» разработана тренировочный комплекс обучения пилотов истребителей, заказ на которую израильская компания получила также и от ВВС Турции[16].

Совместно с израильской фирмой «Рафаэл» турецкие компании «Микес» и «РокетСан» планируют изготовить 100 управляемых ракет дальнего радиуса действия (150 км) класса «воздух-поверхность» (ASM) Popeye-2 для самолетов F-16 и F-4. Соответствующее соглашение на сумму $200 млн. подписано в июне 1999 г.[17].

В марте - июне 2000 г. министерство обороны Турции достигло предварительной (без объявления тендера) договоренности с израильской компанией IMI о проведении модернизации на сумму $170 млн. США 160 танков М-60. Соглашением предусматривалось передача Израилем турецкой стороне всех необходимых технологий. Планирова-

лось всего модернизировать 600 танков до 2003 г. Однако под давлением компаний и правительства США это решение было изменено: в 2001 г. на модернизацию танков М-60 были объявлены международный тендер. Предполагается, что в тендере победу может одержать американо-турецкая фирма FNSS[18].

Отрицательное отношение мирового сообщества к действиям Израиля в Палестинской Автономии стало для Израиля причиной беспрецедентных потерь или отсрочек по многим военным контрактам:

1. в июле 2001 г. Турция отдала тендер на сумму $4,5 млрд. компании «Bell Textron» на покупку современных вертолетов, отвергнув совместное предложение вертолета Ка-50/52 компаний IAI (Израиль) и «Камов» (Россия).

2. уступая протестам США, Анкара изменила решение по предоставлению компании IMI («Israel Military Industries») $1 млрд. на программу по обновлению турецких танков М-60 в обход американских компаний;

3. в августе 2001 г. Турция возобновила тендер на международные предложения, по которому ранее IAI должна была продать Турции спутники-шпионы Ofeq-3 на сумму $274 млн.[19].

Однако в 2002 г. вновь появились сведения, что правительство Турции, несмотря на протесты исламистов прекратить сотрудничество с Израилем в связи с палестинцами, решило продолжить программы по модернизации израильскими фирмами турецких танков М-60А1, стоимостью в $688 млн.[20].

В числе программ по израильско-турецкому военно-техническому сотрудничеству планируется поставка для вертолетов, используемых турецкой армией в борьбе с курдами, системы «Гитар» для защиты от ракет СА–7 и Stinger, ранее эти вертолеты были оборудованы системами ночного видения. Это решение было принято после того, как в населенных курдами районах были сбиты 2 боевых вертолета – АН-1W Super Cobra и AS-532 Cougar, а также 1 вертолет S-70A с 17 турецкими военнослужащими на борту[21].

Кроме этого, Израиль борется за контракт на замену используемых ныне в турецкой армии винтовок G–3 на новейшее стрелковое оружие калибра 5,56 мм. Турция давно планировала закупить самолеты ДРЛО (Дальнего радиолокационного обнаружения). На открытые по этому поводу торги Израиль представил самолет, оборудованный системой Phalcon, причем на закупку четырех таких самолетов ассигнуется $800 млн.

Особое значение имеет также совместное проведение военно-стратегических исследований. Понятие «оценка угрозы» – важнейший элемент двустороннего сотрудничества. Работы по оценке угрозы были объединены под общим названием «Концепция угрозы - 2000». Обе стороны ведут эти работы сообразно меняющейся ситуации на Среднем Востоке, на организуемых брифингах основное внимание фокусируется на Сирии и Иране. Обмен разведывательными данными, касающимися этих двух стран, продолжается на самом высоком уровне. Кроме этого, ведутся постоянные и тесные контакты

между ведущими аналитическим и исследовательскими учреждениями, занимающимися вопросами региональной безопасности и внешней политики, в частности, израильским Центром Стратегических Исследований Бегин-Садам (The Begin - Sadat Center for Strategic Studies - BESA), находящимся в США Еврейским Институтом Проблем Национальной безопасности (Jewish Institute for National Security Affairs - JINSA), турецким Центром Евразийских стратегических исследований в Анкаре (Center for Eurasian Strategic Studies- ASAM). Особенно важное значение в этих контактах играет также Вашингтонский институт ближневосточной политики, имеющий большое влияние на формирование и освещение политики и общественного мнения в США и за его пределами на проблемы этого региона[22].

ВЛИЯНИЕ НА ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

На пике налаживания двустороннего сотрудничества, как официальные лица, так и аналитики из Турции и Израиля подчеркивали, что отношения между двумя странами не являются военным альянсом в его традиционном понимании: не содержат casus foederis, т.е. положения о том, что боевые действия против одной из сторон являлись бы обязательным условием для вступления в войну или боевые действия другой стороны. Отношения между Израилем и Турцией, как отмечалось турецкими и израильскими исследователями, являлись стратегическим партнерством, но в тоже время это стратегическое партнерство служило, по их мнению, не только для поддержания баланса сил, т. к. каждая из сторон обладала необходимой военной мощью для того, чтобы в одиночку обеспечить свою безопасность на региональном уровне. Это были отношения двух «status quo powers», не желающих кардинальных геополитических изменений в регионе[23].

В конце 1990-х гг. потенциальных противников и соперников израильско-турецкого альянса назвал поименно министр обороны Израиля Ицхак Мордехай: «Если страны, подобные Ирану, Ираку и Сирии, думают, что свои силы они смогут применить против Турции, они должны иметь в виду, что за Турцией стоят объединенные силы. При поддержке этих сил никто в регионе ничего не сможет сделать с Турцией. Я обсудил стратегическую ситуацию с министром обороны США У.Коэном. Эти же стратегические вопросы мы рассмотрели с государственным секретарем Олбрайт и начальником Объединенного штаба США. Мы в состоянии работать совместно против любой угрозы в этом регионе...»[24]. Надо отметить, что и израильтяне, и турки указывали, что в военном плане главная цель стратегического партнерства обоих стран в том, чтобы их альянс играл роль сдерживания против развязывания войны против каждой из них в отдельности.

Практически весь арабский мир был озабочен заключением военно-политического альянса между Турцией и Израилем. Однако степень озабоченности каждой арабской страны варьировалась от уровня напряженности отношений данной страны с Анкарой и Тель-Авивом. Принято считать, что военно-политическое сотрудничество Турции и

Израиля с конца 1990-х гг. в первую очередь было направлено против Сирии (и лишь в последние годы, по мере развития иранской ядерной программы, все большее влияние на сотрудничество двух стран стал играть фактор Ирана). Не углубляясь в историю турецко-сирийских взаимоотношений, отметим только, что именно альянс с Израилем, как полагают многие аналитики, стал главным аргументом в жестком и успешном турецком давлении на Сирию в ходе кризиса 1998 г., когда сирийский президент Хафез Асад был вынужден держать свои войска, и без того сильно уступающие турецким, на двух фронтах и в итоге выполнить турецкие требования - выдворить курдского лидера Абдуллу Оджалана и закрыть базы его организации (Kurdistan Workers Party - РКК) на территории Сирии[25]. Этот кризис показал, что сирийская армия не в состоянии выставить серьезную силу (особенно ВВС) по сравнению ни с турецкой, ни с израильской армиями, и дало повод турецким военным надеяться, что они могут и впредь решать проблемы с Сирией с позиции силы[26]. Хотя, что касается перспектив (пусть и весьма отдаленных) по установлению мира между Сирией и Израилем, то к началу 2000-х гг. Турция была обеспокоена тем, что установление мира между Сирией и Израилем противоречило ее интересам и могло вынудить США исключить Сирию из числа стран, поддерживающих терроризм, несмотря на ее продолжающиеся (по мнению турок) контакты с РКК[27]. Однако, как известно, война в Ираке в 2003 г. и последующие события значительно изменили всю картину ближневосточной политики, в связи с чем сама вероятность израильско-сирийского гипотетического примирения стала нереальной.

Весной - летом 2002 г., по утверждениям ряда арабских экспертов, Генеральные штабы Израиля и Турции разработали план совместных боевых действий против Сирии в период проведения операции США в Ираке в случае действий Сирии и Ирана, которые могли бы поставить под угрозу безопасность Турции и Израиля. В то же время отметим, что намного более сдержанная позиция Турции в отношении войны с Ираком заставила ее пойти на некоторое потепление к этому моменту отношений с Сирией. Примером этому послужило событие, которое, казалось, могло внести коррективы в перспективы региональной безопасности и сотрудничества Турции и Израиля. 19 июня 2002 г. начальник Генерального штаба Сирии генерал Хасан аль Туркомани совершил первый официальный визит в Турцию. А уже в ноябре 2002 г. Турция и Сирия, впервые в истории арабо-турецких отношений (если не считать Багдадский пакт 1955 г.), подписали договор о военном сотрудничестве. В подписании этого договора, как считается немаловажную роль сыграла позиция США, заинтересованной в смягчении отношений между двумя странами накануне планируемой операции в Ираке. Однако данное соглашение не носит не только характера стратегического партнерства, но даже не подразумевает серьезного военно-технического сотрудничества и не способно оказать серьезного влияния на военно-политический расклад и перспективы безопасности в регионе, хотя в целом и способствует некоторому смягчению напряженности между двумя странами[28]. Одновременно начали высказываться мнения, что это может сказаться на уровне отношений Турции с Израилем.

Остальные арабские страны, в частности Египет, Ливия, Ливан, Саудовская Аравия и др. также были серьезно озабочены турецко-израильским альянсом и лидеры этих стран неоднократно выступали как с осуждением этого альянса, так и с призывами создать противодействующий им блок. Особенно активно выражал свою позицию саддамовский Ирак, который, с одной стороны, хотел этим решить проблемы своей безопасности, а с другой - использовать возможность создания такого блока, чтобы выйти из международной изоляции. Однако до сих пор все попытки как арабских стран, так и других региональных государств, озабоченных турецко-израильским альянсом, создать альтернативный турецко-израильскому блок не увенчались успехом. Кардинальные перемены на Среднем Востоке, вызванные операцией США и их союзников против Ирака, не позволяют пока еще с определенностью говорить о перспективах формирования такого блока.

Среди арабских государств выделяется позиция Иордании. Хашимитское королевство, с его особыми отношениями с Израилем, неоднократно выражало желание взаимодействовать как с Тель-Авивом, так и с Анкарой в оборонной сфере. Прорабатываются проекты об военно-техническом сотрудничестве трех стран, а также ведутся консультации по проблемам безопасности, что возможно, в будущем может сказаться на изменении формата турецко-израильского альянса.

Возможно, одним из наиболее ключевых элементов влияния турецко-израильского альянса на проблемы региональной безопасности является совместная политика двух стран в отношении Ирана. Это имеет прямую связь и с проблемой нераспространения ядерного оружия в регионе и возможностью нанесения Израилем превентивного ядерного удара в случае появления потенциала по производству такого оружия у Ирана[29]. Как отмечают эксперты, наиболее вероятно использование Израилем в этом случае своих ВВС, являющихся наиболее сильными на всем Среднем Востоке, особенно после принятия на вооружение новых самолетов F-15I американского производства.

В этом контексте особое значение имеет военно-политическое сотрудничество Израиля с Турцией, в частности проведение учений ВВС сторон, в том числе предполагающих совместные тренировочные полеты самолетов обеих стран в воздушном пространстве Турции и Израиля, продолжительностью до одной недели, четыре раза в год. Как считается, проведение данных учений позволит турецким пилотам ознакомиться с израильской системой боевой тренировки и управления в современных условиях ведения боевых действий. В свою очередь, израильские летчики получат опыт по проведению полетов на большие дальности в сложных горных условиях на малой высоте. Некоторые западные исследователи даже утверждали в начале 2000-х гг. (хотя, возможно несколько преувеличивая) «что Израиль имеет большие возможности и доступ в Турции, чем даже союзники Анкары по НАТО»[30].

Предполагается, что данный опыт будет учитываться израильскими летчиками (при этом наиболее вероятно применение израильтянами самолетов F-16C/D/I и особенно новейших F-15I) для нанесения ракетно-бомбовых ударов по объектам в Иране с использованием турецкого воздушного пространства[31].

Кроме этого, особо отметим, что в последнее время подобные учения в небе над Турцией приняли уже трехсторонний характер, с участием самолетов ВВС США. В ходе этих учений на юго-востоке Турции, под названием Anatolian Eagle, только в апреле, июне и сентябре 2001 г. приняло участие свыше 90 боевых самолетов[32]. Так что, нужно учитывать также возможность технического и информационного содействия США израильтянам в случае нанесения ими воздушного удара по Ирану, используя воздушное пространство Турции.

О реальности данного факта говорит то, что еще в ходе воздушной операции против Ирака в 1998 г. турецкий посол в США заявил, что Турция рассматривала вопрос об разрешении Израилю использовать турецкое воздушное пространство для нанесения ответного «удара - возмездия» в случае пуска иракских ракет по Израилю. Естественно, что в случае с Ираном может речь идти не только о «возмездии», но и о превентивном ударе. При этом израильтяне могут нанести удар не только по тем объектам ядерной инфраструктуры Ирана, которые, по их мнению, имеют отношение к разработке Тегераном ОМП, но также и по позициям ракет и т.д. Израильтяне могут также, используя турецкую территорию, осуществлять ранее оповещение о пусках ракет с территории Ирана, как и ранее со стороны Ирака. Для Израиля также важно и то, что он может использовать воздушное пространство Турции для поиска и спасения пилотов сбитых самолетов, для посадки поврежденных израильских самолетов на турецкой территории и базирования отрядов войск специального назначения для действий против Ирана[33].

С точки же зрения Тегерана, израильско-турецкое стратегическое сотрудничество представляет угрозу для безопасности Ирана и тем, что оно ослабляет позиции Сирии - единственного серьезного иранского партнера в регионе и существенно нарушает сложившийся баланс сил на Ближнем Востоке[34].

Как отмечает один из идеологов альянса турецкий генерал Ч.Бир, одной из наиболее важных составляющих альянса, наряду с проблемой распространения ОМП, является борьба против терроризма, под которой Турция понимает карательные действия против курдов[35]. В этом вопросе интересы сторон не во всем совпадают, т.к. Израиль долгое время поддерживал курдов Северного Ирака в их борьбе против иракских властей. Однако изменившиеся приоритеты политики безопасности Израиля вынудили его пересмотреть отношение к курдам. Это ярко проявилось в ходе операции израильских ВВС против РКК в Ливане на севере долины Бекаа в ходе операции «Гроздья Гнева», а также в содействии израильской разведки установлению местонахождения и захвата лидера курдов А.Оджалана. Ситуация вновь резко

изменилась в 2003-2004 гг., после образования широкой курдской автономии на севере Ирака, пользующейся прямой помощью Израиля.

Одним из важных аспектов изучаемой нами проблемы является отношение Греции к альянсу Турции и Израиля. Еще в декабре 1994 г. между Израилем и Грецией было подписано соглашение о военном сотрудничестве, а уже в январе 1997 г. было достигнуто соглашение о модернизации 39 греческих самолетов F-4E (установка новой аппаратуры, в частности РЛС APG-65) израильской фирмой «Элбит»[36]. Однако дальнейшее углубление военно-политических отношений между двумя странами было остановлено развитием военно-политического сотрудничества Израиля с Турцией, что сразу же вызвало серьезное раздражение в Афинах. Как заявил министр иностранных дел Греции Пангалос: «Это ошибочный альянс, который возвращает нас к ситуации периода холодной войны... Мы не хотим, чтобы военное сотрудничество между этими странами влияло на отношения между Израилем, Грецией и Кипром». В ответ на заключение в противовес турецко-израильскому альянсу оборонительного пакта между Грецией и Египтом, Тель-Авив предложил Греции провести совместные военно-морские маневры (по примеру совместных израильско-турецких и трехсторонних, с участием иорданских наблюдателей, израильско-турецко-американских учений Reliant Mermaid) в акватории Средиземного моря. Но впоследствии Израиль уклонился от их проведения, чтобы не раздражать своих турецких партнеров. Греки, однако, стараются не очень обострять ситуацию. Заместитель министра иностранных дел Греции Кранидиотис даже отметил, что отношения с Израилем в оборонной сфере развиваются и включают обмен разведывательной информацией, Греция выражает также интерес к израильским вооружениям, но их цена не устраивает греческую сторону[37].

Однако эксперты уверены, что в стратегическом плане израильско-турецкое военно-техническое сотрудничество представляет существенную угрозу для безопасности Греции и Кипра. Например, один из возможных проектов на поставку в Турцию израильских вооружений - беспилотные воздушные средства, по производству которых Израиль «занимает, возможно, первое место в мире». Их применение повысит возможности турецких вооруженных сил вдоль юго–восточных границ Турции, а также в зоне Восточного Средиземноморья. Также неоднократно появлялись сведения, что турецкие летчики совершенствовали свои навыки, вместе со своими израильскими коллегами, по борьбе с системами ПВО, находящимися на вооружении Греции и Кипра, используя базы и аэродромы на территории Израиля[38].

Турция увеличила количество запрашиваемых у Израиля ракет типа «воздух–земля» Popeye-1 со 100 до 200 единиц. Развитием этой модели является Popeye-2, она особенно эффективна, как полагают эксперты, против ЗРК С–300, закупленных Кипром. Общая стоимость проекта оценивается в 500 млн. долл. Еще одно совместное производство по израильской лицензии – ракеты дальнего действия «Делила», они нужны Турции в связи с «возросшей ракетной угрозой Ирана и Сирии», но

могут быть активно применены и для действий против Греции[39].

Возрастает влияние военно-морского сотрудничества Турции и Израиля на перспективы региональной безопасности в зоне Средиземного моря. Хотя до последнего времени израильские ВМС всегда являлись второстепенными родом войск, однако в будущем их роль будет усиливаться, в первую очередь в связи с принятием на вооружение дизельных подводных лодок класса Dolphin (немецкий проект 212), которые намечается оснастить баллистическими ракетами морского базирования. Турецкие ВМС, сильнейшие в акватории Восточного Средиземноморья, могут осуществлять прикрытие этих субмарин, а порты Турции служить их дополнительными базами, что ввиду малых размеров Израиля позволит увеличить их живучесть и даст возможность нанесения гарантированного ответного удара в случае применения по Израилю ядерного или иного оружия массового поражения[40].

Кроме того, вероятны действия по морской блокаде Сирии (что вполне возможно, учитывая ограниченный потенциал сирийских ВМС), а также обеспечение безопасности морских коммуникаций Израиля совместными силами турецкого и израильского флотов. Причем данные действия не обязательно будут иметь характер прямых совместных боевых действий Израиля и Турции, но увеличат возможности сдерживания против вероятных противников. Все это позволит особенно усилить потенциал и гибкость стратегического сдерживания Израиля, что, естественно будет иметь существенное влияние на региональную безопасность.

Со второй половины 1990-х гг. возрастала роль Израиля и Турции на постсоветском пространстве. При этом обе страны имеют пересекающиеся интересы, в том числе недопущение усиления влияния Ирана, особенно в вопросе транзита энергоресурсов, распространения идей исламского фундаментализма внутри самих центральноазиатских республик и т.д. Совпадают интересы Турции и Израиля в сфере безопасности во многом и с США.

Но если раньше считалось, что Израиль использует Турцию для усиления своих интересов в государствах Центральной Азии и Азербайджане, то в последние годы намечается активизация самостоятельной израильской политики в регионе, в том числе и в военно-политической сфере. Ключевое значение альянса в регионе обуславливается и тем, что Израиль активно поддерживал Азербайджан в войне в Нагорном Карабахе, в усилении его разведывательных спецслужб, а также поставлял вооружения азербайджанской армии[41]. Естественно, сама Турция также осуществляет очень тесное военно-политическое сотрудничество с Азербайджаном в самых различных сферах, начиная с обучения и совместных учений до поставок вооружений и боевой техники. В частности, подтверждаются совместные поставки Турцией и Израилем, для которых Азербайджан является самым надежным партнером на постсоветском пространстве, ПЗРК Стингер и других вооружений[42].

Как отмечают азербайджанские исследователи, идея создания тройственного военно-политического союза с участием Турции, Израиля и Азербайджана, за которой, по их собственному признанию, «просматривается тень Вашингтона», пользуется особой поддержкой азербайджанской общественности. Считается, что наибольшую актуальность данный вопрос получил начиная с декабря 1999 г., когда Баку посетил заместитель министра обороны Израиля бригадный генерал Эфраим Сней, являющийся председателем со стороны Израиля в американо-азербайджано-израильской межпарламентской группе дружбы, созданной еще в 1998 г. в ходе визита в США Ильхама Алиева. Эфраим Сней провел ряд встреч с рядом официальных лиц Азербайджана, в том числе и с президентом Гейдаром Алиевым, на которых обсуждались различные вопросы двухстороннего сотрудничества, а также региональные проблемы. Позднее состоялись и другие визиты, встречи и консультации официальных лиц Израиля и Азербайджана.

Впрочем, реальность создания оформленного стратегического военно-политического альянса трех государств в ближайшем будущем вызывает весьма большие сомнения даже среди наиболее ревностных сторонников подобного союза в самом Азербайджане. На это влияет как позиция соседних с Азербайджаном России и Ирана, так и большинства мусульманских стран, имеющих действенные рычаги давления на Баку, для недопущения создания подобного военно-политического союза. Кроме этого, уровень отношений между Израилем и Азербайджаном во всех сферах несопоставим с уровнем взаимоотношений между Азербайджаном и Турцией, которых, кроме всего прочего, связывает этническая, языковая и религиозная общность. Несмотря на активные политических контакты, между Израилем и Азербайджаном весьма слабые экономические связи. К примеру, объем экспорта и импорта между Азербайджаном и Израилем в период с 1996 по 1998 гг. составил всего $23,1 млн. (при этом львиную часть составил нефтяной экспорт из Азербайджана и телекоммуникационного оборудования из Израиля), тогда как за тот же период товарооборот между Турцией и Азербайджаном (практически во всех сферах) составил свыше $832,2 млн.[43]. Данные факторы не позволяют пока говорить о реальности появления в регионе оформленного азербайджано-турецко-израильского военно-политического альянса, даже если он будет создаваться при активном одобрении и содействии со стороны Вашингтона.

Впрочем, это существенно не влияет на предоставление военно-технической помощи со стороны Турции и Израиля Азербайджану, которое осуществляется вне зависимости от уровня экономических и политических связей или от степени оформленности их отношений в рамках какого-либо альянса или иной структуры. По различным оценкам, Израиль, кроме оружия, направил в Азербайджан также технику связи, около 140 военных специалистов и советников по проблемам безопасности. Региональная значимость турецко-израильского альянса заключается и в том, что еврейское лобби в США активно поддерживает турецкие маршруты транспортировки энергоресурсов, в первую очередь Баку-Тбилиси-Джейхан.

Еще одной областью действий для еврейского лобби США являет-

ся, как отмечают многие эксперты, противодействие греческим и армянским группам влияния, в частности в вопросе признания Геноцида армян американским конгрессом. Израиль, народ которого пережил холокост и память о котором живет в каждом еврее, тем не менее, занимает резко отрицательную позицию в отношении признания Геноцида армян в Османской империи, т.к. для него это увязывается с одним из ключевых элементов его безопасности – взаимоотношениям с Турцией. Как заявил перед своим официальным визитом в Турцию в апреле 2001 г. министр иностранных дел Израиля Шимон Перес: «Бессмысленно утверждать, что армяне, подобно евреям, подверглись геноциду. В вопросе геноцида идентификация армян с евреями неприемлема»[44]. В связи с тем, что Армения, ввиду наличия ряда проблем во взаимоотношениях с Турцией, воспринимает последнюю как реальную угрозу своей национальной безопасности, усиление влияния как самой Турции, так и ее стратегического партнера – Израиля, до разрешения спорных вопросов между Ереваном и Анкарой, естественно не будет способствовать перспективам региональной безопасности Южного Кавказа.

Надо заметить, что Турция также в некоторой степени явилась проводником израильской политики и в регионах, примыкающих к Центральной Азии, в частности в Афганистане[45]. В начальный период появления «Движения Талибан» Тель-Авив, не без указки США, рассматривал талибов как ярко выраженную антииранскую силу, которая может ослабить позиции и влияние Ирана в Афганистане. Израильская разведка «Моссад» даже установила связи с «Движением Талибан» через Пакистан и американские нефтяные кампании, заинтересованные в прокладке трубопроводов через Афганистан. При этом отметим, что хотя Пакистан не признает Государство Израиль и не имеет с ним дипломатических отношений, еще в годы войны против советских войск в Афганистане пакистанская разведка ISI (Inter Service Intelligence) через ЦРУ установила контакты с Моссадом. Однако с изменением отношения США к «Талибану», связанном с ужесточением исламского фундаментализма, нарушением прав человека в Афганистане, активной торговлей наркотиками и неудачным исходом переговоров с талибами американских нефтяных компаний, как например Unocal, Израиль также резко поменял свою позицию в отношении талибов. Этому в некоторой степени способствовала и политика Анкары в афганской проблеме, где Турция открыто поддерживала оппозиционного талибам узбекского генерала Р.Достума. Как отмечает один из известных специалистов по Афганистану Ахмед Рашид, поскольку проект Unocal развалился и Израиль осознал, что его союзники в Центральной Азии и Турция не приемлют талибов, «Моссад» наладил контакты с антиталибским альянсом[46].

Одним из новых направлений внешней политики Израиля в 1990-х гг. стали его отношения с Индией. После признания Индией еврейского государства в январе 1992 г. между ними быстро установились тесные военно-политические контакты в сфере военных технологий, об-

мен разведывательной информацией и борьбы с терроризмом. В последнее время среди экспертов по проблемам региональной безопасности появились мнения о возможности формирования элемента так называемой «двойной периферии» в израильской внешней политике в регионе с участием Турции, Индии и Израиля.

Говоря о перспективах взаимоотношений в треугольнике Индия-Израиль-Турция, надо отметить, что он имеет под собой такие объективные предпосылки, как терроризм и сепаратизм (курды, палестинцы, тамильские и кашмирские сепаратисты в Индии и т.д.). Впрочем, данный вопрос нельзя рассматривать как создание нового стратегического тройственного союза в регионе, учитывая тесные военно-политические связи Анкары с Исламабадом (традиционная поддержка Пакистана Турцией в кашмирском вопросе, совместные программы по обучению военнослужащих, обмен информацией)[47] и довольно теплые отношения Дели с Тегераном (во многом сходные позиции по афганской проблеме, политике в Центральной Азии, отношениям с государствами Запада, в первую очередь США, а также с целью несколько уравновесить мощь Пакистана в регионе)[48]. Однако все три стороны заинтересованы в организации взаимовыгодного сотрудничества в военно-технической сфере. С 1992 г. Израиль вышел на третье (после России и Франции), а по некоторым данным на второе после России место по объемам поставок продукции военного назначения на индийский рынок вооружений. Индия, со своей стороны, стала вторым по величине (после США) зарубежным партнером Израиля в сфере военного бизнеса[49].

Кроме чисто военно-технического сотрудничества между Израилем и Индией, их отношения характеризуются и некоторой геостратегической направленностью, т.к. стороны имеют договоренность об использовании израильскими вооруженными силами индийских полигонов для проведения учебных стрельб и испытаний ракетного оружия. Так, в мае 2000 г. на морском ракетном полигоне близ г. Баласор (штат Орисса, Индия) был осуществлен пуск крылатой ракеты с израильской подводной лодки класса Dolphin. Ракета, которая, по мнению экспертов, может быть оснащена ядерной боеголовкой, поразила цель на дальности в 1250 км[50]. Данный факт существенно изменил весь военно-стратегический баланс сил на Среднем Востоке. Если раньше ядерные силы Израиля состояли в основном из наземного компонента (ядерные боезаряды на баллистических ракетах Jericho-1/2, ствольная артиллерия и ядерные мины), а также воздушного компонента (в первую очередь самолеты F-16 с ядерным оружием), то с принятием на вооружение данных субмарин с ядерными крылатыми ракетами на борту, Израиль станет первым «новым членом ядерного клуба», стратегические ядерные силы которого составляли бы классическую воздушно-наземно-морскую триаду[51].

ТУРЕЦКО-ИЗРАИЛЬСКОЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Одним из главных итогов вторжения США в Ирак в 2003 г. стало охлаждение отношений Турции и США. Несмотря на противодействие турецкого генералитета, прогнозируется дальнейшее дистанцирование Турции и США, вплоть до такого уровня отношений, который бы не повредил членству Турции в НАТО, а роль США в продолжении обеспечения ее безопасности также будет снижаться[52]. Одновременно возрастает вероятность втягивания государств региона в новые вооруженные конфликты. Но в тоже время Израиль в период, когда США занимались проблемами послевоенного устройства Ирака, попытался в свою очередь решить многие проблемы с палестинцами. И именно это в перспективе может стать большим препятствием на пути сотрудничества Анкары и Тель-Авива (что, кстати, и было одной из основных причин некоторого охлаждения отношений двух стран с конца 1970-х до начала 1990-х гг.), чем даже противодействие арабских стран[53]. Нельзя также исключать, что в случае с Палестиной на позицию светской, но мусульманской Турции влияют также соображения «религиозно-сакрального и исторического» характера (к примеру, в Турции любят напоминать, что объявляемый евреями в качестве столицы израильского государства Иерусалим в течение 400 лет – с 1517 по 1917 гг. находился под властью Османской империи).

Вместе с тем, надо учитывать, что многие в Турции не разделяют мнение о необходимости развития военно-политического сотрудничества с Израилем. В недрах турецкого общества весьма существенны задатки отношения к альянсу с Израилем как к предательству национальных интересов Турции и исламских идей в целом. Одновременно, эти проявления тесно увязываются с антисемитскими и паносманистскими (реваншистскими) стереотипами, прочно укоренившимися среди турецкой политической элиты и интеллигенции. Еще с 2000 г., некоторые аналитики указывали, что после того, как турецкие спецслужбы захватили А.Оджалана и ослабли боевые действия, осуществляемые РКК - KADEK в отношении Турции, а также наметившегося потепления отношений между Сирией и Турцией, ощущается некоторое дистанцирование в стратегическом партнерстве Анкары и Телль-Авива. Это, например, проявилось в ходе голосования Турции в 2000 г. в поддержку осуждения Генеральной Ассамблеей ООН противоправных действий Израиля против палестинцев на оккупированных территориях. А на следующий день президент Турции Ахмед Сезер, в свою очередь, подверг критике политику Израиля на оккупированных территориях в ходе заседания комитета по торговле Организации Исламская Конференция в Стамбуле, что позволило аналитикам опять заговорить об охлаждении турецко-израильских отношений[54]. В ответ секретарь израильского МИДа Алоун Лейл заявил, что его правительство не согласно с позицией Турции относительно развития событий в Палестине, и, особенно, турецким голосованием в ООН. Он назвал голосование Турции «сюрпризом» для Израиля, а последующую речь А.Сезер, осуждающую террор Израиля и поддерживающую права палестинцев, обозреватели назвали «вторым ударом» по Израилю. Неделей раньше, во время визита в Турцию, Лейл призвал турецкую сторону не поддерживать антиизраильскую резолюцию Генеральной Ассамблей и «не идти той неправильной дорогой, по которой она шла в 1960-х и 1970-х гг.», спонтанно голосуя совместно с арабскими государствами[55]. Однако, на самом деле, как замечает ведущий аналитик Вашингтонского института Ближневосточной политики (A Senior Research Fellow of The Washington Institute for Near East Policy) Алан Маковский, и турецкие, и израильские официальные лица, еще с самого начала установления тесных отношений в середине 1990-х гг., постоянно воздерживались от публичной поддержки друг друга по спорным вопросам международной и региональной политики, особенно учитывая отрицательную позицию внутри своих стран по этим проблемам. Турция, даже после установления дипломатических отношений с Израилем в декабре 1991 г. на уровне обмена Чрезвычайными и Полномочными послами, почти всегда последовательно голосовала совместно с арабскими странами по резолюциям ООН, касающимся палестинцев. Из примерно 179 резолюций Генеральной Ассамблеи ООН Турция, во всех случаях, кроме 9, голосовала против Израиля. Но, как отмечает А.Маковски, в основном они касались чисто гуманитарных вопросов, а также защиты прав палестинских беженцев. В то время как Израиль, в свою очередь «стремясь не обострять отношений с курдами и не наживать себе новых врагов», редко когда называл РКК террористической группой и старался не поддерживать турецкую политику в отношении курдов[56].

Итоги ряда взаимных визитов высокопоставленных официальных лиц обоих государств в 2003 г., тем не менее, дали надежду некоторым экспертам предполагать, что Турция и Израиль все еще полны решимости продолжать сотрудничество в сфере обороны и безопасности, причем в контексте так называемой «борьбы с международным терроризмом». К примеру, в ходе переговоров в Анкаре турецкого министра обороны Векти Гонула со своим израильским коллегой Шаулом Мофазом, наряду с сотрудничеством в военно-промышленной области (общий уровень экспорта израильских вооружений в Турцию в 2002 г. составил более $1 млрд.), обсуждался также весь комплекс вопросов в сфере взаимодействия двух стран по борьбе с так называемыми международными террористическими организациями. В сентябре 2003 г., вместе с рядом высокопоставленных сотрудников турецких спецслужб, в Израиль прибыл министр внутренних дел Турции Абдулкадир Аксу. Это был первый визит министра из состава нового исламского турецкого правительства в Израиль. Основной целью визита главы турецкого МВД в Израиль было восстановление в полном объеме сотрудничества между соответствующими ведомствами двух стран по обмену информации в сфере безопасности. Данная проблема вновь приобрела особую проблему для Турции, поскольку, несмотря на объявленную турецким правительством амнистию для членов РКК –

KADEK, последняя заявила о прекращении действия режима перемирия с Турцией. Поэтому, как указывается в совместном периодическом издании одного из авторитетных американо-израильских аналитических центров по проблемам безопасности - JINSA (Jewish Institute for National Security Affairs) и Ассамблеи Турецких Ассоциаций Америки (Assembly of Turkish American Associations): «В усилиях Турции по прекращению деятельности РКК поддержка Израиля имеет исключительное значение. Израильская разведка действует в Северном Ираке уже в течение более чем 3 десятилетий и имеет тесные контакты с курдскими организациями в регионе»[57].

Новым подтверждением тесного сотрудничества двух стран стало соглашение о взаимодействии в сфере борьбы с терроризмом, а также развития технических средств для антитеррористических действий, в том числе против турецких исламских радикальных организаций, подписанное в ходе визита в Анкару в конце декабря 2003 г. министра общественной безопасности Израиля Ц.Ханегби. Данное соглашение во многом было вызвано нашумевшими террористическими актами, произошедшими в Турции и имевшими явный антиизраильский характер[58].

Тем не менее, общая логика изменений в регионе Ближнего и Среднего Востока с началом войны в Ираке в 2003 г. привела к изменению геополитических реалий, в том числе и в израильско-турецких отношениях.

Боязнь возникновения курдского государства, а также кризис в турецко-израильских отношениях из-за позиции, занятой Израилем по ряду региональных проблем, особенно палестинской и курдской, заставили Турцию в последние годы активизировать свои действия в регионе Большого Ближнего Востока без оглядки на своих западных партнеров, а также Израиль. Руководство Турции решило активизировать свою региональную политику, предполагающую возрождение роли Турции на Ближнем Востоке. Это усложняет поддержание баланса в отношениях между Израилем и арабскими странами, поскольку тесные стратегические отношения между Израилем и Турцией, установившиеся со второй половине 1990-х гг., вызывали серьезные проблемы в контактах Анкары не только с арабскими, но и вообще с мусульманскими странами.

Турецко-израильские отношения существенно обострились уже к маю 2004 г., когда турецкий премьер Р.Т.Эрдоган выступил с несколькими резкими заявлениями по поводу силовых методов Израиля в процессе ближневосточного урегулирования, а после ликвидации израильскими спецслужбами лидеров ХАМАС шейха Ясина и Абдулазиза Рантиси даже назвал политику Израиля «близкой к государственному терроризму». Эрдоган также обвинил А.Шарона в саботаже мирного процесса на Ближнем Востоке. Эти жесткие заявления, по сути, перечеркнули на данный момент все попытки Израиля наладить отношения с Анкарой, переживающие серьезный кризис после убедительной победы в ноябре 2002 г. на парламентских выборах Партии справедливости и развития и формирования в Турции впервые за многие годы однопартийного правительства. Тем не менее, 24 декабря 2003 г. Турция и Израиль подписали Соглашение о совместной борьбе с терроризмом. Документ предусматривал обмен разведывательной информацией между Израилем и Турцией, разработку совместных антитеррористических методик и проведение совместных учений пограничных подразделений. Но это Соглашение вызвало резкую негативную оценку в ряде исламских стран и было названо поводом для проведения репрессивных акций в Турции, в особенности против курдов[59].

С апреля 2004 г., под влиянием событий в Ираке, в израильско-турецких отношениях стали проявляться все более отчетливые элементы охлаждения. Некоторые эксперты, проанализировав сложившуюся в этот период в турецко-израильских отношениях ситуацию, поспешили сделать вывод о серьезной угрозе партнерству двух стран, особенно исходя из того, что в этот период были аннулированы под различными предлогами или отложены некоторые важные проекты в сфере военно-технического сотрудничества.

Тем не менее, исходя опять-таки из приоритетов в сфере безопасности, турецкое руководство (испытывая большое давление со стороны военных) пошло на новую активизацию своих отношений с Израилем. Точкой отсчета нового этапа двусторонних отношений стал инициированный турецкой стороной визит Р.Т.Эрдогана в Израиль в мае 2005 г. 1 мая Эрдоган прибыл в Израиль, и, к удовлетворению всех сторон, сразу же начал переговоры о продолжении военного сотрудничества. В результате был подтвержден контракт на продажу Турции израильских беспилотных самолетов-разведчиков дальнего радиуса действия «Харон» на общую сумму 200 млн. долларов. Министр обороны Веджди Генюль и его заместители совместно с военным ведомством Израиля и директоратом военно-авиационного концерна «Таасия авирит» начали готовить документы по сделке, в осуществление которой израильтяне должны будут модернизировать 30 истребителей турецких ВВС F-4 Phantom, заработав на этом 500 млн. долларов (ранее, как известно, в 2001-2002 гг., авиационная промышленность Израиля уже модернизировала 54 турецких самолета того же класса[60]). Начались обсуждения и возможных закупок израильских бронетранспортеров «Ахзари» и танков «Меркава», хорошо зарекомендовавших себя в условиях ведения боевых действий в пустыне[61].

Не случаен тот факт, что в налаживании нового этапа израильско-турецких отношений именно военно-техническая составляющая играла важнейшую роль. В 2000-2004 гг. военно-техническое сотрудничество с Турцией (по результатам контрактов, заключенных начиная с середины 1990-х гг.) составляло примерно 20-35% от общего экспорта продукции израильского ВПК. В основном это были проекты, связанные с модернизацией авиационной техники ВВС Турции (самолеты F-4 и F-5), закупкой авиационного ракетного вооружения и т.д. За счет высокой конкурентоспособности своего предложения Израиль также сумел получить контракт на модернизацию танков М-60. Хотя этот контракт был подписан еще в 2002 г., однако из-за различных причин (финансовые проблемы и смена правительства в Турции, общее охлажде-

ние двусторонних отношений) его реализация затягивалась. Только с конца 2005 г. израильские инженеры приступили к выполнению масштабной модернизации танкового парка турецкой армии. В результате, модернизации танки М-60 американского производства по ряду характеристик будут соответствовать израильским танкам «Меркава-4» последнего поколения. В частности, от «Меркавы» к турецкому танку перешли система управления огнем, механизм поворота башни, комплекты навесной брони, силовая установка и 120-миллиметровая пушка. Программу модернизации М-60 специально для Турции подготовили израильские инженеры из компаний Israel Military Industries (IMI) и Elbit Systems. Ее стоимость составляет 688 млн. долларов. Всего будет модернизировано 170 танков. Производство некоторых компонентов для будущих модернизированных танков начнется во второй половине 2006 г., а выпуск новых машин — с начала 2007 г. Турецкие сухопутные войска получат все 170 модернизированных М-60 до 2009 г. В настоящее время в Турции идут испытания одного прототипа будущего танка. Второй опытный экземпляр, изготовленный израильтянами, проходит испытания на полигоне в Израиле. По имеющимся сведениям, успешно на нынешнем этапе проходят переговоры и по закупкам израильских бронетранспортеров «Ахзари»[62]. Согласно имеющейся информации, в случае успешной реализации указанного проекта, в дальнейшем возможна также модернизации еще до 1000 танков М-60 турецких вооруженных сил с помощью израильских компаний[63].

В апреле 2005 г. стороны также подписали договор о продаже Турции израильских беспилотных самолетов-разведчиков «Херон» дальнего радиуса действия. Самолеты поставят израильские предприятия авиационной промышленности, а системы связи и мониторинга - корпорация Elbit. Сделка оценивается в 200 млн. долларов. В этот же период состоялся обмен представительными делегациями министерств обороны и генеральных штабов ВС двух стран. Специалисты оценили эти переговоры в 1,5 млрд. долларов. Именно такую сумму составили в принципе согласованные новые двусторонние проекты в области военно-технического сотрудничества. Кроме согласования плана реализации ряда двусторонних проектов в военно-технической области, Турция и Израиль в последнее время также договорились о продолжении совместных военных учений под кодовым названием «Reliant Mermaid» («Уверенная сирена») с использованием разведывательных спутников[64].

В свое время довольно перспективным проектом рассматривалась и модернизация 7 военно-транспортных самолетов С-130Е турецких ВВС израильской компанией IAI. В 2002-2003 гг. шли активные переговоры между сторонами о реализации этого контракта стоимостью до 12 млн. долларов, однако они закончились провалом – как считается, в связи с общим охлаждением политических отношений, а также финансовыми сложностями. Намного более удачным может оказаться программа реализации нового, уже второго проекта (первый был осуществлен во второй половине 1990-х гг.) по модернизации истребителей

F-4 Phantom и доведение их израильскими специалистами до уровня «Phantom-2020». Как считается, за счет оснащения истребителей новой израильской авионикой и оборудованием ресурс эксплуатации этих самолетов в турецких ВВС будет продлен минимум до 2020 г., при этом проектом предусматривается осуществление значительной части работ на турецких предприятиях и в сотрудничестве с турецкими компаниями[65]. Израиль также заинтересован в модернизации турецких учебных самолетов Т-34 и Т-38. В настоящее время командование ВВС Турции разрабатывает концепцию этой программы с целью продлить срок эксплуатации этих самолетов до 2015 г.[66].

Важным аспектом военно-технического сотрудничества Турции и Израиля является сотрудничество в сфере ПВО и тактической ПРО. Как известно, в последние годы Турция намерена осуществить глубокую модернизацию своей системы ПВО и развертывание собственной ПРО театра военных действий (ТВД). Во многом это связано с усиливающейся гонкой вооружений и проблемами распространения ОМП и ракетных технологий в регионе Большого Ближнего Востока. В 1999 г. Турция получила первую батарею американского армейского ЗРК «Пэтриот» 2-й модификации (PAC-II) для усиления ПВО/ПРО группировок своих вооруженных сил и важных военных объектов страны. В рамках создания современных систем ПРО ТВД главным партнером США является Израиль. В настоящее время Израиль является единственным государством мира, которое имеет систему ПРО, охватывающую всю территорию страны. В Израиле были разработаны системы ПРО «Эрроу» и ее дальнейшая модификация «Эрроу-2», которые планируется поставить также и в Турцию. Турция с 1999 г. участвует в этом проекте, и ее желание получить на вооружение данные усовершенствованные системы ПВО/ПРО вызвано (кроме защиты страны от вероятных пусков ракетных систем с использованием «скадовских» технологий) также стремлением уравновесить развернутую на греческом острове Крит ЗРС С-300 ПМУ-1 российского производства[67]. В тоже время, программа развертывания ПРО в сотрудничестве с Израилем и США усложняется большой стоимостью реализации проекта. Даже наиболее ограниченная система ПРО с минимальным количеством установок «Эрроу» обойдется Турции в сумму более 5 млрд. долларов, при этом не обеспечивая возможности защиты всей территории страны[68].

Военно-техническое сотрудничество двух стран, тем не менее, имеет свои объективные ограничители и не способно в дальнейшем служить основой для углубления их политических отношений и доведения их до уровня «стратегического союза». Естественно, императивы в сфере безопасности однозначно будут способствовать в среднесрочной перспективе сохранению стабильного партнерства, но уже не в состоянии довести их до уровня союзнических. Этому не способствуют ни политические условия, ни углубляющиеся в Турции антиизраильские отношения. За исключением военной верхушки и определенной части турецкой политической элиты, население и широ-

кая общественность Турции резко отрицательно относятся к дальнейшему качественному углублению сотрудничества с Израилем.

Важным фактором, негативно повлиявшим на турецко-израильские отношения, явилась операция США против Ирака в 2003 г. С одной стороны, позиция, занятая Анкарой в этой войне, которая по своей жесткости, возможно, даже превзошла все меры арабских стран по противодействию военным планам США, вызвала широкую симпатию и поддержку в отношении Турции во всем арабском мире. С другой стороны, наметилось стремительное охлаждение американо-турецких отношений с 2003 гг. вследствие отказа Анкары поддержать Вашингтон в его операции против иракского режима С.Хусейна. Учитывая, что США являлись своеобразным куратором налаживания израильско-турецких отношений, проблемы в их отношениях с Анкарой самым непосредственным образом сказались и на ухудшении отношений Турции с Израилем.

Серьезным испытанием для двусторонних отношений явились события вокруг Ливана летом 2006 г., вызванные боевыми действиями израильской армии против «Хезболлах» и вторжением Израиля в южные районы Ливана. В Турции эти действия Израиля сразу же вызвали резкий подъем антиизраильских и антисемитских настроений, нашедших поддержку и у значительной части правящей элиты страны.

Уже 1 августа 2006 г. в Стамбуле по предложению Анкары состоялось срочное заседание организации «Исламская конференция» (ОИК) на экспертном уровне для обсуждения вопроса об оказании Ливану гуманитарной помощи. А уже 3 августа по инициативе Турции и ряда арабских государств на экстренном заседании Исполнительного комитета ОИК в Куала-Лумпуре страны-участницы обсудили кризисную ситуацию на Ближнем Востоке и приняли совместное Заявление. В документе содержался призыв к немедленному и безоговорочному прекращению боевых действий в Ливане; а действия Израиля были охарактеризованы в нем как агрессивные и преступные, расследованием которых должен заняться Совет Безопасности ООН. Турецкую делегацию на встрече ОИК в Малайзии возглавлял премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган, который в своем выступлении подверг резкой критике действия Израиля, назвав их «несправедливыми и незаконными». Кроме того, Турция выступила с инициативой созвать экстренное заседание Парламентского союза ОИК. 3 августа все депутаты от правящей в Турции Партии справедливости и развития вышли из межпарламентской группы дружбы с Израилем в знак протеста против военных действий в Ливане. Накануне о выходе из турецко-израильской межпарламентской группы дружбы заявили и депутаты от основной оппозиционной Народно-республиканской партии. Комиссия по правам человека парламента Турции на экстренном заседании охарактеризовала боевые действия Израиля в Ливане как государственный терроризм и геноцид и призвала к суду над ним в международном трибунале за военные преступления. Турецкие эксперты в связи с событиями в Ливане также отметили всплеск антиизраильских и антиамериканских настроений в Турции, т.к. Вашингтон однозначно расценивался как соучастник и пособник действий Израиля.[69]

Весьма интересной иллюстрацией нынешнего восприятия израильско-турецких отношений в турецком обществе на фоне военной операции Израиля в Ливане летом 2006 г. явились события, связанные с назначением на должность нового начальника Генерального Штаба вооруженных сил Турции армейского генерала Яшара Бююканыта. В связи с тем, что Я.Бююканыт пользовался поддержкой А.Сезера и занимает более жесткую позицию по курдскому вопросу, проблемам интеграции с ЕС и т.д., в отношении него предпринимались различные попытки дискредитации. С этой целью даже «предпринимались попытки использовать подлинный факт нахождения могилы его деда – офицера Османской армии, погибшего в годы Первой мировой войны, на территории Израиля. Израильский генштаб в качестве жеста доброй воли установил местонахождение могилы, привел ее в надлежащий вид и пригласил турецкого генерала посетить место захоронения деда. По мнению инициаторов кампании, этот факт на волне роста в стране антиизраильских настроений в связи с конфликтом в Ливане должен был сыграть против Я. Бююканыта»[70].

Изменения, происходящие в настоящее время в турецко-израильских отношениях, обусловлены также процессами европейской интеграции Турции. Ориентированная в сторону ЕС внешняя политика Анкары заставляет ее внести определенные изменения в свои отношения с Израилем, т.к. позиция Европейского Союза к Израилю всегда была несколько более жесткой, а симпатии к арабам, хоть и не проявляются отчетливо, но все же имеют место. Анкара же претендует на роль основного проводника политики ЕС на Большом Ближнем Востоке, что означает постепенное снижение уровня отношений с Израилем. Аналогичное отрицательное значение для отношений с Израилем имеет также усиление антиамериканских настроений в Турции и процессы, связанные с усилением курдского фактора в процессах вокруг Ирака.

Очевиден и другой, внутриполитический фактор в Турции, от которого зависит качество турецко-израильских отношений. Нынешняя политическая элита Турции ведет продолжительную борьбу за снижение роли и влияния военных в жизни турецкого государства. Известно, что именно турецкие военные были основными идеологами и сторонниками развития израильско-турецких отношений, начиная с 1990-х гг. Поэтому, в случае дальнейшего снижения роли военной верхушки в политической жизни Турции, отношения с Израилем также объективно будут слабеть. Это, конечно, не приведет к полному разрыву израильско-турецких отношений - императивы в сфере безопасности двух стран не позволят даже их снижение до критического уровня, - но их роль в политических процессах в регионе будет существенно откорректирована.

1 Heller M.A. Continuity and Change in Israel Security Policy // Adelphi Paper 335, IISS: London, 2000. P.15.
2 Nachmani A. The Remarkable Turkish-Israel Tie // Middle East Quarterly, Vol.5, N.2, Spring 1998; Waxman D. Turkey and Israel: A New Balance of Power in the Middle East // The Washington Quarterly, Winter 1999; Bengio O., Özcan G. Changing Relations: Turkish-Israeli-Arab Triangle // Perceptions, Vol.V, N.1, March-May 2000; Конович Ф.Е. Турецко-израильские отношения в 90-е годы (военно-политический аспект) // Востоковедный сборник. Вып. 4 / Отв. ред. Федорченко А.В., Филоник А.О. ИИИБВ: М., 2002; Киреев Н.Г. Турция и Израиль – стратегические союзники на Ближнем Востоке (хроника военно-политического сотрудничества в 1994-1997 гг.) // Ближний Восток и современность. Вып.5 / Отв. ред. Исаев В.А., Филоник А.О. ИИИБВ: М., 1998; Иванова И.И. Турецко-израильские отношения и проблемы региональной безопасности // Ближний Восток: проблемы региональной безопасности / Сост. Арунова М.Р. ИИИБВ: М., 2000; Минасян С. Израиль – Турция: военно-политическое и военно-техническое сотрудничество (в аспекте проблем региональной безопасности) // Центральная Азия и Кавказ, №1, 2004; Minasian S. The Turkish-Israeli Military and Political Co-operation and Regional Security Issues // Iran and Caucasus. Vol.VII, Brill, Leiden - Boston. 2003.
3 Цит. по: Sezer D.B. Turkey's Political and Security Interests in the New Geostrategic Environment of the Expanded Middle East // Stimson Center Occasional Paper, N.19, Washington, July 1994. P.25.
4 Hickok M.R. Hegemon Rising: The Gap Between Turkish Strategy and Military Modernization // Parameters, The US Army War College Quarterly. Summer 2000. P.106-111.
5 Киреев Н.Г. Турция и Израиль – стратегические союзники на Ближнем Востоке (хроника военно-политического сотрудничества в 1994-1997 гг.). С.105-113.
6 Force Projection in the Middle East // Strategic Survey 1998/99, IISS: London, 1999. P.164.
7 Киреев Н.Г. Турция и Израиль – стратегические союзники на Ближнем Востоке (хроника военно-политического сотрудничества в 1994-1997 гг.). С.105-113.
8 Pipes D. A New Axis: The Emerging Turkish-Israeli Entente // The National Interest, N.50, Winter 1997 - 1998.
9 Иванова И.И. Турецко-израильские отношения и проблемы региональной безопасности // Ближний Восток: проблемы региональной безопасности. С.86-90.
10 Киреев Н.Г. Турция и Израиль – стратегические союзники на Ближнем Востоке (хроника военно-политического сотрудничества в 1994-1997 гг.). С.161-162.
11 Козюлин В. ВТС: Российско-израильское противостояние // Ядерный контроль, Т.9, N.1, Весна 2003. С.33-34; Sariibrahimoglu L. Israel to Brief Turkey on Arrow-2 // Jane's Defense Weekly. 16 January 2002. P.4.
12 The Arrow Missile Interceptor Deployed In Israeli-Turkish-U.S. Air Exercise // Middle East News Line, 22.07.2001.
13 Основные текущие программы модернизации самолетов вооруженных сил зарубежных стран // Зарубежное военное обозрение, N.5, 1999. С.35.
14 Алексеев А. Сотрудничество Турции и Израиля в укреплении национальных ВВС // Зарубежное военное обозрение, N.4, 1997. С.30-32.
15 Маратов М.М. Военно-экономическая политика Турецкой Республики и ее сотрудничество с зарубежными странами // Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии / Отв. ред. Ахмедов В.М., ИИИБВ: М.2002. С.373-376.
16 Симановский С.И. Оборонно-промышленный комплекс Израиля // Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии / Отв. ред. Ахмедов В.М., ИИИБВ: М.2002. С.295-301.
17 Маратов М.М. Военно-экономическая политика Турецкой Республики и ее сотрудничество с зарубежными странами. С.388.

18 Маратов М.М. Военно-экономическая политика Турецкой Республики и ее сотрудничество с зарубежными странами. С.379.
19 Марьясис Д.А. ВПК Израиля на рубеже веков // Востоковедный сборник. Вып.3 / Отв. ред. Федорченко А.В., Филоник А.О. ИИИБВ: М. 2002. С.230-238.
20 Jane's Defense Weekly. 10 April 2002. P.4.
21 Sariibrahiomglu L. Turkey Places Helicopter Electronic Warfare Contracts // Jane's Defense Weekly. 16 January 2002. P.15.
22 См. подробнее: Мурадян И. Проблемы безопасности в ближневосточной политике США. Ереван, 2003; Мурадян И. Региональные проблемы турецко-американских отношений. Ереван, 2004.
23 Bir Ç., Sherman M. Formula for Stability: Turkey Plus Israel // Middle East Quarterly, Fall 2002. P.29.
24 Киреев Н.Г. Турция и Израиль – стратегические союзники на Ближнем Востоке (хроника военно-политического сотрудничества в 1994-1997 гг.). С.150-151.
25 Makovsky A., Eisenstadt M. Turkish-Syrian Relations: A Crisis Delayed? // WINEP, Policywatch N.345, 14 October 1998, (www.whashingtoninstitute.org).
26 Benett R.M. The Syrian Military: A Primer // Middle East Intelligence Bulletin, Vol.3, N.8, August/September 2001; Bir Ç. Reflections on Turkish-Israeli Relations and Turkish Security // WINEP, Policywatch N.422, 5 November 1999, (www.whashingtoninstitute.org).
27 Lorenz F.M., Erickson E.J. The Euphrates Triangle: Security Implications of the Southeastern Anatolia Project. NDU: Washington, 1999. P.17-28; Khalilzad Z., Lesser I.O., Larrabee F.S. The Future of Turkish-Western Relations: Toward A Strategic Plan. RAND: Santa-Monica, 2000. P.38-39.
28 Mufti M. Turkish-Syrian Rapprochement: Causes and Consequences // WINEP, Policywatch N.630, 21 June 2002, (www.whashingtoninstitute.org); Мурадян И. Проблемы безопасности в ближневосточной политике США. Ереван, 2003.С.128-130.
29 Об иранской ракетно-ядерной программе и ее влиянии на проблемы региональной безопасности см. подробнее: Minasian S. The Contemporary Status of Iran's Nuclear Missile Program and the Russian-Iranian Relations // Iran and Caucasus. Vol.VI, Brill, Leiden - Boston. 2002; Минасян С. Иран на пути к ядерной бомбе? (Анализ ракетно-ядерной программы страны) // Центральная Азия и Кавказ, N.3 (27), 2003; Минасян С. Ракетно-ядерная программа Ирана и проблемы региональной безопасности // Центральная Азия и Кавказ, N.4 (28), 2003.
30 Larrabee F.S., Lesser I.O. Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty. RAND: Santa-Monica, 2003. P.141.
31 Jung D., Piccoli W. The Turkish-Israeli Alignment: Paranoia or Pragmatism? // Security Dialogue. March 2000, Vol.31, N.1. P.95-96.
32 Israel Center Stage: Country Briefing // Jane's Defense Weekly. 1 May 2002, p.25.
33 Inbar E. Regional Implications of the Israeli-Turkish Strategic Partnership // Middle East Review of International Affairs. Vol.5, N.2 (Summer 2001), p.51.
34 Aras B. Turkish-Israeli-Iranian Relations in the Nineties: Impact on the Middle East // Middle East Policy. Vol. VII, N.3, June 2000, p.152-155.
35 Bir Ç. Turkey's Role in the New World Order: New Challenges // Strategic Forum, INSS, N.135, February 1998.
36 Основные текущие программы модернизации самолетов вооруженных сил зарубежных стран // Зарубежное военное обозрение, N.5, 1999. С.35.
37 Abadi J. Constraints and Adjustments in Greece's Policy Toward Israel // Mediterrian Quarterly, Fall 2000, Vol.11, N.4, p.66-68.
38 O'Sullivan A. Turkish F-16s Use Israeli Base to Practice Evading S-300 Missiles // Jerusalem Post, 17.07.1998.
39 Киреев Н.Г. Турция и Израиль – стратегические союзники на Ближнем Востоке (хроника военно-политического сотрудничества в 1994-1997 гг.). С.165.

40 Inbar E. Regional Implications of the Israeli-Turkish Strategic Partnership // Middle East Review of International Affairs. Vol.5, N.2 (Summer 2001). P.51.
41 Larrabee F.S., Lesser I.O. Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty. RAND: Santa-Monica, 2003. P.119.
42 Резаи А. Израиль в Центральной Азии // Аму-Дарья, N.1, 1999. С.103-104.
43 Велиев А. Треугольник Израиль-Турция-Азербайджан: реальность и перспективы // Центральная Азия и Кавказ, N.2 (8), 2000. С.105-111.
44 Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М., 2002. С.371-376.
45 Малеки М.-Р. Турецко-израильские отношения и их влияние на Центральную Азию и Кавказ // Аму-Дарья, N.2, 1999. С.44-50.
46 Rashid A. Taliban: Islam, Oil and the New Great Game in Central Asia. London, New York, 2002. P.154.
47 Berman I. Israel, India, and Turkey: Triple Entente? // Middle East Quarterly. Fall 2002, Vol.9, N.4; Kumaraswamy P.R., India and Israel: Evolving Partnership // BESA Mideast Security and Policy Studies, N. 40, Sept. 1998.
48 The Iranian Journal of International Affairs. Vol. XII, N1, Spring 2000. P.139-144.
49 Прокофьев А.В. Индийско-израильские отношения: десять лет // Ближний Восток и современность. Вып.14 / Отв. ред. Арунова М.Р. ИИИБВ, М. 2002. С.221-225.
50 Said M. K. Missile Proliferation in the Middle East: a Regional Perspective // Disarmament Forum, UNIDIR, N.2, 2001. P.58.
51 Farr W.D. The Third Temple's Holy of Holies: Israel's Nuclear Weapons // Counterproliferation Paper N2, USAF Counterproliferation Center, Air War College. Alabama, 1999. P.19-20
52 Terrill A.W. Strategic Effects of the Conflict with Iraq: The Middle East, North Africa, and Turkey. U.S. Army War College, SSI: Carlisle, March 2003. P.11-13.
53 Larrabee F.S., Lesser I.O. Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty. RAND: Santa-Monica, 2003. P.144.
54 Makovsky A. Turkish - Israeli Ties in the Context of Israeli – Arab Tension // WINEP, Policywatch N.502, 10 November 2000, (www.whashingtoninstitute.org).
55 Turkish Backing to Israel Deteriorated // Turkey-Israel Politics, 10.27.2000, (www.arabicnews.com/ansub/Daily/Day/010227/2001022706.html).
56 Makovsky A. Turkish - Israeli Ties in the Context of Israeli – Arab Tension.
57 The Observer. A Quarterly Review of Cooperation: U.S., Turkey and Israel. JINSA, ATAA: Washington, N.4, October 2003. P.3-4.
58 Israel, Turkey Sign "War on Terror" Cooperation Pact // Ha'aretz, 27.12.2003.
59 Гурьев А.А. О турецко-израильских отношениях // ИИИБВ, 13.05.2005.
60 См. подробнее: Минасян С. Израиль - Турция: Военно-политическое и военно-техническое сотрудничество (в аспекте проблем региональной безопасности) // Центральная Азия и Кавказ, №1, 2004.
61 Гурьев А.А. О турецко-израильских отношениях // ИИИБВ, 13.05.2005.
62 Гурьев А.А. Турция – Израиль: по пути укрепления военного сотрудничества // ИИИБВ, 24.01.2006.
63 Kogan E. Cooperation in the Israeli-Turkish Defence Industry. CSRC, September 2005. P.4-5.
64 Гурьев А.А. Турция – Израиль: по пути укрепления военного сотрудничества // ИИИБВ, 24.01.2006.
65 Kogan E. Cooperation in the Israeli-Turkish Defence Industry. CSRC, September 2005. P.3-4.
66 Хмелинец С.М. О деятельности авиационно-промышленного комплекса Турции в период с 1998 по 2004 гг. // Ближний Восток и современность, Вып.23 / Отв. ред. Арунова А.Р., Филоник А.О. ИИИБВ, М.,2004. С.174.

67 Баскаков В. Горшков А. ПРО на европейском театре // Независимое военное обозрение, 31.10.2003.
68 Udum S. Missile Proliferation in the Midlle East: Turkey and Missile Defense // Turkish Studies, Vol.4, N.3, Autumn 2003. P.93-94.
69 Гурьев А.А. Ситуация в Турции: август 2006 г. // ИИИБВ, 04.09.2006.
70 Гурьев А.А. О кадровых перестановках в высшем руководстве вооруженных сил // ИИИБВ, 14.08.2006.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ТУРЕЦКИХ СЕКРЕТНЫХ СЛУЖБ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Арсен Арутюнян

1. ИСТОРИЯ

Турецкие тайные службы восходят своими корнями в средние века, когда при султане Османской империи Баязиде бей Касим создал военную разведку, а великий визирь Мехмед Кепрелю сформировал первый кабинет Тайной полиции. Первые годы XX в. Тайная полиция ознаменовала массовыми гонениями на республиканцев, террором национальных движений на окраинах и Геноцидом армян в Турции. Резню армян продолжили и младотурки, захватившие власть после изгнания султана Абдул-Хамида, за что глава Тайной полиции и МВД правительства младотурок Мехмет Талаат-паша в 1921 г. был выслежен в эмиграции и убит в Берлине армянским мстителем С.Тейреляном. Другой лидер младотурок, Энвер-паша, курировавший военную разведку и поддерживавший в 1914-1916 гг. тайные операции немцев в Европе, после эмиграции оказался в революционной России, где примкнул к басмачам Средней Азии и погиб в стычке с красноармейцами. Власть Мустафы Кемаля Ататюрка положила начало новой Турецкой Республике. Ататюрк пошел на разрыв с исламским духовенством и заложил основы светской Турции, ориентированной на Запад и США. После недолгого заигрывания преемника Ататюрка Исмета Иненю с Германией Гитлера, Турция с 1943 г. окончательно перешла в систему союзников Запада, а после войны в 1954 г. вступила в НАТО, долгие годы занимала умеренно исламистскую позицию и даже попыталась первой из мусульманских стран установить хорошие и союзнические отношения с Израилем.

Создателями и организаторами турецкой военной разведки были генералы и офицеры султанской армии, руководители младотурецкой партии «Иттихад ве теракки», а с 1918 г. - представители кемалистского национального движения. Турецкая разведка нового времени формировалась прежде всего как орган военной разведки, что было связано с приготовлением и участием Турции в Первой мировой войне, организацией турецкой военной интервенции в Закавказье в 1918-1920 гг., а также вооруженной борьбой кемалистов со странами Антанты (Англией, Францией, США, Италией, Грецией) в 1918-1922 гг.

На органы военной разведки были возложены функции военной и политической разведки, руководство подразделениями войсковой разведки, а также выполнение контрразведывательных задач.

Поскольку Османская империя в течение длительного времени (накануне и в годы Первой мировой войны) являлась союзником и находилась под сильным влиянием Германии, то и республиканская Турция в качестве образца приняла немецкую службу разведки.

Германские офицеры-разведчики во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом и небезызвестным полковником Вальтером Николаи (глава германской разведки в период Первой мировой войны) с 1908 по 1918 гг., а затем с 1925 по 1933 гг. активно способствовали созданию турецких вооруженных сил и специальных служб, модернизации и дальнейшему развитию кемалистской разведки. Именно под руководством генерала фон Сандерса и полковника Николаи турецкая военная разведка организационно сформировалась в составе Разведывательного отдела Генерального штаба вооруженных сил Турции, который затем (в 1949 г.) был развернут в Разведывательное управление.

В 1980-х гг. турецкая военная разведка подверглась очередной организационной реформе. В 1983-1984 гг. было создано Главное разведывательное управление Генерального штаба вооруженных сил Турции.

ГРУ ГШ ВС Турции является 4-м Главным управлением Генерального штаба вооруженных сил Турции. Его возглавляет начальник в звании «корпусного генерала» (или "адмирала"). В конце 1980-х гг. начальником ГРУ был адмирал Догруз[1].

В настоящее время в Турции действуют три основные независимые друг от друга спецслужбы. Такая система децентрализации спецслужб принята в большинстве стран третьего мира, как мы уже убедились на примере Израиля и Ирака. За внешнюю разведку в Турции отвечает MIT (Национальная разведывательная организация, MIT - Milli Ishibarat Teshiklari), расположенная в Анкаре. Кроме нее, существует Военная разведка при Генштабе (Главное разведывательное управление Генерального Штаба Турции) и Национальная жандармерия (Milli Gendarmerie), отвечающая за госбезопасность, госохрану и пограничную стражу.

Каждая из секретных служб имеет свои специальные подразделения оперативного реагирования. МИТ подчиняется спецназ «Коричневых беретов». Жандармы имеют «жандармских коммандос» при спецотделе Национальной жандармерии. В распоряжении военных разведчиков есть корпус быстрого реагирования АРРК, группа «Горных коммандос» и боевые пловцы отряда «Юнус» («Дельфин»). Еще до формального вступления страны в НАТО, уже с конца 1940-х гг. турецкая разведка активно сотрудничала с ЦРУ и западноевропейскими разведками в тайных акциях против СССР и его союзников на Балканах и в Восточной Европе. Все страницы жизни турецких спецслужб так или иначе связаны с карательными действиями внутри страны против оппозиции, включая курдов, связями с террористами и мафией, поддержкой тюркских или протурецких сепаратистов и боевиков в зарубежных странах.

2. MIT

MIT - основной общегосударственный орган внешнеполитической разведки Турции. Она была создана в 1965-1966 гг. на основе существовавшей ранее Службы национальной безопасности (Milli emmiyet hizmeti - MEH), действовавшей с 1927 г. В соответствии с законом

№644 от 22 июля 1965 г. МІТ функционирует на правах самостоятельной организации при премьер-министре Турции.

В законе №644 отмечалась необходимость создания единого централизованного органа, который обеспечивал бы сбор информации по всем вопросам, имеющим отношение к формированию политики национальной безопасности в условиях многопартийной демократии, провозглашенной Конституцией 1961 г. Этим же законом определялось, что руководитель МІТ будет иметь ранг первого заместителя министра и подчиняться непосредственно главе правительства. В качестве консультативного органа при руководителе МІТ предусматривалось создание Национального координационного совета, на который возлагались задачи по выработке рекомендаций в определении разведывательных приоритетов и по координации разведывательной работы турецких спецслужб в масштабах государства.

После очередного военного переворота в сентябре 1980 г. в Турции произошла реорганизация деятельности национальных спецслужб и МІТ в частности. В январе 1984 г. парламент страны (Высшее Национальное Собрание Турции) принял закон №2937 «О статусе государственных разведывательных служб и Национальной разведывательной организации Турции». В нем были более четко сформулированы права, обязанности и полномочия МІТ, ее статус как в сообществе национальных спецслужб, так и в системе других государственных учреждений[2].

МІТ обеспечивает оперативную координацию деятельности всей системы разведывательных и контрразведывательных служб Турции, непосредственно подчиняется премьер-министру, ее возглавляет советник премьер-министра. В ней сосредотачивается и анализируется информация различных турецких ведомств и организаций, имеющих отношение к разведывательной деятельности, вопросам внешней и внутренней политики, проблемам национальной безопасности. После обработки разведывательной информации материалы из МІТ направляются президенту, премьер-министру, начальнику Генерального штаба, генеральному секретарю СНБ и в другие заинтересованные ведомства и организации Турции.

В ее задачи входят: осуществление разведывательно-информационной деятельности; участие в реализации внешнеполитического курса Турции путем организации и проведения акций разведывательного воздействия; проведение мероприятий «тайной дипломатии»; подготовка и проведение специальных операций по «психологической обороне»; обеспечение разведывательной деятельности; противодействие (выявление, предупреждение и пресечение) разведывательной и иной подрывной деятельности иностранных спецслужб и организаций; обеспечение координации разведывательной деятельности; выработка основных (приоритетных) задач для разведывательного сообщества Турции; определение на основе добываемых разведданных существующих и потенциальных угроз национальным интересам и безопасности Турции; планирование разведывательной и контрразведывательной деятельности; разработка рекомендаций для СНБ и премьер-министра Турции по вопросам национальной безопасности; взаимодействие с иностранными спецслужбами.

МІТ - самостоятельная разведывательная организация, подчиняется только главе правительства. С момента ее создания до настоящего времени структура МІТ претерпела значительные изменения. Основными структурными подразделениями МІТ являются:

- Главное управление внешней разведки, или Директорат операций;
- Главное управление внутренней разведки (контрразведка);
- Главное управление психологической обороны;
- Информационное управление;
- Управление по борьбе с организованной преступностью и др.

Главное управление психологической обороны решает задачи, связанные с организацией и проведением акций идеолого-психологического воздействия на курдское и другие национальные движения на территории Турции и за рубежом; с фальсификацией объективной истории нетюркских народов Малой и Передней Азии, Балкан и Кавказа; с подготовкой и распространением тенденциозной научной и политической литературы о Турции, турецком и других тюркских народах; с пропагандой идей пантюркизма и пантуранизма; осуществлением лоббистской деятельности в интересах Турции и доктрины пантюркизма, используя при этом возможности зарубежных пантюркистских орга, используя при этом возможности зарубежных пантюркистских организаций, турецкой диаспоры, тюркских этнических групп и их информационных центров (органов печати, радио и телевидения); с осуществлением упредительных мероприятий, направленных против психологического и идеологического воздействия на население и армию Турции как в мирное, так и в военное время (то есть проведение контрпропагандистских акций).

МІТ подчинены зональные (территориальные) управления. Все подразделения территориальных органов МІТ взаимодействуют с командованием воинских частей, дислоцированных на обслуживаемой территории, с контрразведывательными подразделениями воинских частей, полицией, ГДБТ и жандармерией.

МІТ - глубоко законспирированная и влиятельная государственная организация. До 1990-х гг. она осуществляла и функции контрразведки на территории Турции. С приходом в конце 1980-х гг. к власти Тургута Озала наметилась тенденция к реорганизации МІТ в целях ослабления ее связи с военным руководством страны.

Бывший премьер-министр и президент Турции Тургут Озал был сторонником ограничения влияния военных, генерального штаба на МІТ. Он имел серьезные разногласия с командованием вооруженных сил по вопросам контроля за деятельностью МІТ. В этой связи Озал пытался пересмотреть роль и место МІТ в политической системе государства, ослабить существенную зависимость МІТ от военного руководства, а также усилить контроль за ее деятельностью со стороны гражданского правительства[3].

В конце 1980-х гг. по указанию Тургута Озала был подготовлен за-

конопроект о новом статусе MIT, где, в частности, предусматривались увеличение количества гражданских лиц в составе MIT, передача ряда «внутренних» (то есть контрразведывательных) функций MIT Генеральной дирекции безопасности и политическим отделам МВД Турции, концентрация усилий MIT на разведывательной работе за границей, принятие дополнительных мер по активизации разведывательной и внешней контрразведывательной работы MIT за рубежом. Т. Озал был также заинтересован в назначении на пост советника MIT кандидатуры гражданского лица и дополнительного приема в штат MIT гражданских лиц.

Характерным проявлением «демилитаризации» и повышения роли MIT в системе государственных органов Турции явилось назначение в октябре 1992 г. на пост руководителя MIT Сенмеза Кексала, кадрового дипломата. Он постарался положить конец давнишней традиции комплектования штатов разведки кадровыми военными, начал постепенное превращение MIT в гражданское ведомство. Новый советник MIT провел серьезную реорганизацию, уделив главное внимание повышению качества получения и подготовки выводной разведывательной информации, направляемой в высшие органы власти и управления страны, технической перевооруженности основных подразделений системы радиоэлектронной разведки, поставив задачу довести ее до уровня аналогичных подразделений ЦРУ и «Моссад». Ему удалось увеличить поставки современного американского высокотехнологичного спецоборудования для нужд радиоэлектронной разведки MIT, добиться снятия ограничений на закупку по официальным каналам секретной спецтехники на ведущих фирмах США, подпадающей под категорию "стратегические технологии" и запрещенной к вывозу за пределы США. Однако смерть Тургута Озала (некоторые турецкие эксперты склонны считать, что президент Озал умер благодаря вмешательству спецслужб) и динамика последующих событий в Турции не позволили довести до конца начатую политическую реформу MIT, позиции военных по-прежнему сильны в главном разведывательном органе страны[4].

Цели и задачи MIT

Основная цель - сбор в государственных интересах любой информации разведывательного и контрразведывательного характера. Обработанная разведывательная информация докладывается президенту, премьер-министру, начальнику Генерального Штаба, генеральному секретарю Совета Национальной Безопасности Турции. В обязанности MIT входит и задача обеспечения противодействия иностранным спецслужбам - контрразведывательная деятельность.

Обязанность и ответственность организаций и граждан перед MIT

В обязанность министерств и ведомств, общественных и иных организаций входит немедленное представление в MIT любой информации разведывательного характера; добывать и представлять по запросу MIT необходимую информацию; оказывать всяческое содействие в контрразведывательной деятельности. Все министерства и ведомства, общественные организации и фирмы, частные лица обязаны оказывать всяческое содействие сотрудникам MIT по их требованию. В противном случае, они будут преследоваться в судебном порядке.

Судебное преследование сотрудников MIT

Судебное преследование сотрудников MIT возможно только с одобрения премьер-министра.

Свидетельские показания сотрудников MIT

Свидетельские показания сотрудников MIT в целях сохранения режима секретности могут быть одобрены только Советником MIT.

MIT и общество

MIT внимательно отслеживает ситуацию в обществе, работает в тесном контакте со средствами массовой информации. В случае нарушения 159 статьи Турецкого Уголовного Кодекса, 27 статьи - Закона №2937, или 6 статьи - Закона №3713, затрагивающих национальные интересы Турции, MIT (Национальная Разведывательная Организация) имеет право обратиться в соответствующие органы Министерства юстиции с требованием уголовного преследования виновных лиц, организаций, или иных органов СМИ Турции.

MIT в настоящее время

В нынешнем виде MIT была образована 22 июля 1965 г. Теперь эта структура европеизирована, тесно сотрудничает со спецслужбами США. Сегодня в зону ответственности MIT входят борьба с коммунистическими и ультраправыми движениями, а также сепаратистами — курдами (как внутри страны, так и за ее пределами) и армянами. Однако старые привычки остались. Продолжают ходить упорные слухи о связях MIT с террористическими организациями — в том числе и с ультра-правой группировкой «Серые волки». Кроме того, военные традиционно играют большую роль в политической жизни страны. И офицеры MIT — отнюдь не исключение. Они считают себя носителями отдельной идеологии — смеси патриотической тоски по временам Оттоманской империи и принятой у всех спецслужб мира страстью к наведению порядка. В результате руководству страны приходится постоянно балансировать между интересами собственного офицерства и интересами своих соседей.

MIT после реформы: организационная структура и задачи.

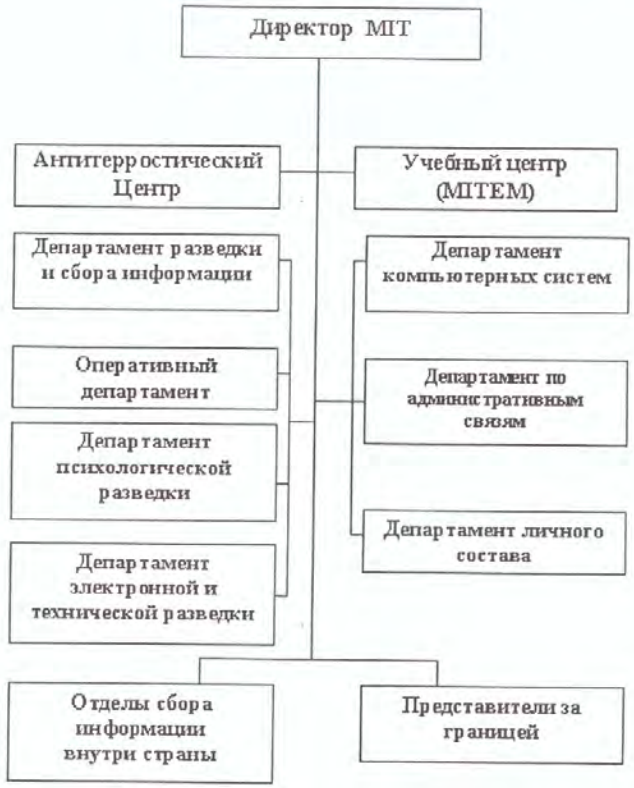
Организационная структура MIT, явилась результатом реформ, начатых в 1995 г. и продолженных в 1996 г.

Схема №1

Кроме департаментов, приведенных в данной схеме, в структуру MIT входят также два отдельных центра – Антитеррористический (Kontr-Teror Merkezi) и Учебный (Milli Istihbarat Teskilati Egitim Merkezi - MITEM), которые являются отдельными подразделениями[5]. Отдельное место в структуре занимает Департамент сбора информации внутри страны и представители MIT за границей. По данным на 1998 г., MIT состоял из 13 региональных управлений, которые подчинялись директору MIT. Ключевые департаменты MIT выглядят следующим образом.

Схема №1

Структура MIT в 1998 г.

Департамент разведки и сбора информации. Осуществляет сбор различного рода информации из всех доступных источников как внутри страны, так и за ее пределами. Информация аккумулируется в единых базах данных и затем анализируется и обобщается соответствующими аналитическими подразделениями. В Департамент входят три отдела:

- Оценки угроз (Tehditler);
- Отдел контрразведки;
- Отдел стратегической разведки.

Окончательной обработкой и анализом информации занимается Отдел стратегической разведки, который является также ответственным за доставку обработанных данных окончательному адресату[6].

Оперативный департамент. Отвечает за выполнение оперативных мероприятий и спецопераций, направленных как против объектов, так и субъектов, попавших в поле зрения MIT. Деятельность оперативного подразделения любой спецслужбы строго засекречена, и Оперативный департамент MIT – это спецслужба внутри самой спецслужбы.

Департамент психологической разведки. MIT использует определение психологического воздействия, которое совпадает с аналогичным определением США. Психологические воздействия - это спланированное использование средств массового оповещения и осуществление действий с целью донесения определенной информации и указаний до иностранной аудитории[7]. Воздействие преследует цель оказать влияние на сознание и поведение иностранных правительств, организаций, групп и отдельных лиц, особенно в кризисной ситуации, добиваясь при этом необходимого эффекта.

MIT классифицирует психологические воздействия по масштабу достигаемого эффекта с выделением:

- Стратегических психологических воздействий;
- Оперативных психологических воздействий;
- Тактических психологических воздействий.

Стратегические психологические воздействия преследуют долгосрочные цели и могут осуществляются как в мирное, так и в военное время. В качестве достигаемого эффекта могут выступать, например, подрыв боевого духа противника, создание атмосферы страха или паники, провоцирование социального недовольства и антигосударственных выступлений, внесение раскола в правящие круги и т.д.

Оперативные психологические воздействия составляют неотъемлемую часть боевых действий и направлены как против вооруженных сил, так и гражданского населения. В качестве достигаемого эффекта выступают падение боевого духа и дезорганизация в вооруженных силах, внесение раскола между армией и политическим руководством страны, паника среди гражданского населения, проведение дезинформационных мероприятий и т.д.

Тактические психологические воздействия используются для достижения непосредственного или краткосрочного эффекта и бывают направлены как против вооруженных сил, так и гражданского населения. Включают подрыв боевого духа противника, подстрекательство к сдаче в плен, дезинформация и т.д.

Турция всегда уделяла особое внимание психологической войне и к

проведению пси-операций привлекаются силы не только MIT, но других государственных органов и сил. По мнению М. Илиадиса, Турция всегда с большим вниманием относилась к психологическому настрою и состоянию морального духа противника, в особенности в военной сфере. На протяжении всей своей истории турецкие секретные службы организовывали и проводили пси-операции. Еще до создания MIT, в Турции существовала независимая служба психологической обороны (Psikologik Savunma Baskanligi), которая в 1965 г. была реорганизована и вошла в MIT в качестве одного из ее подразделений[8]. В ноябре 1996 г. Управление психологических действий Генерального Штаба Турции провело первое открытое совещание, посвященное политике Турции в области психологической войны[9].

Департамент электронной и технической разведки. Департамент не подвергся серьезным изменениям во время реорганизации, так как цели и задачи данного направления остались неизменными. Изменения были направлены на увеличение мощи подразделения и повышение эффективности процесса сбора и обработки информации с помощью электронных и технических средств разведки. Основное направление деятельности департамента - крипто-служба, радиоразведка, прослушивание телефонов, радио-электронная борьба (РЭБ), перехват и расшифровка шифрограмм, использование высоких технологий в целях разведки, чему уделяется особое внимание.

Существуют достоверные данные о замене старых немецких и американских систем радиоразведки на сверхсовременную аппаратуру американского и израильского производства (Rohde & Schwarz, Watkins & Johnson и так далее). Поставка новых американских систем радиоразведки, по нашей информации началась в 1995 г., когда США послали в Турцию двух экспертов-специалистов, которые прочитали курс лекций по тематике поставляемой аппаратуры. После этого последовала просьба Турции о покупке данной аппаратуры, которая однако столкнулась с бюрократическими проблемами в самих США, т.к. для разрешения данной поставки нужно было получить согласие определенных структур и организаций. Проблема в конце концов разрешилась после личного вмешательства директора ЦРУ, по просьбе его турецкого коллеги. После того, как была достигнута договоренность о поставках аппаратуры американской стороной, последовала аналогичная просьба к Израилю, который также преуспел в вопросах радиоразведки. Возможности департамента нужно оценивать с учетом запуска двух турецких спутников TURKSAT 1B и TURKSAT 1C, имеющих возможность прослушивания и перехвата средств связи. Несомненно, что на сегодняшний день технические средства MIT уже кардинально обновлены, однако вышеприведенная история середины 1990-х гг. представляет определенный интерес с точки зрения союзнических связей турецкой разведки и существующих каналов ее технического обеспечения.

Департамент компьютерных систем. Как и любая другая спецслужба, MIT широко использует возможности ИТ. Внедрение единой систе-

мы электронной обработки разведывательных данных в MIT было осуществлено в конце 1970-х гг. с помощью западногерманской спецслужбы BND (Федеральная разведывательная служба), по рекомендации которой в 1978 г. началось создание единой компьютерной сети MIT. По нашему мнению, десятки тысяч арестов, которые были осуществлены в Турции после переворота 12 сентября 1980 г., были бы невозможны без поддержки компьютерных информационных систем MIT.

Большое внимание MIT уделяет развитию баз данных и разветвленной информационной системы, в которую входят все региональные управления MIT. В 1998 г. компьютерная сеть MIT считалась самой большой в Турции. Точных данных о наличии взаимодействия с базами данных и информационными системами других государственных органов нет, однако, не вызывает сомнений, что таковые имеются, и информационная система MIT связана, как минимум, с аналогичными системами МВД, Службы Информации МИД, Военной разведки Генерального Штаба и Жандармерии Турции[10].

Личный состав – комплектование и подготовка. Согласно уставу, численность личного состава определяется руководством MIT и может колебаться. Точная численность MIT неизвестна, однако по косвенным данным, а также информации из различных турецких источников, можно предполагать, что она составляет 4500-5000 человек. Сравнивая с данными по численности других спецслужб (например, численность кадровых сотрудников ЦРУ составляла по данным на 1998 год около 5000 человек), можно сделать вывод, что численность MIT завышена. Большая численность позволяет MIT заниматься разведывательной деятельностью и сбором информации как за пределами Турции, так и внутри страны[11]. Личный состав MIT состоит, в основном, из офицеров, а также сотрудников, набираемых на контрактной основе. Также используется привлечение военного персонала.

По нашим данным, существуют различные противоречивые данные по поводу численности офицерского состава MIT. По одним данным они составляют около 10, по другим, около 20 процентов от общего состава. Например, согласно данным турецкой прессы, количество действующих и отставных военных офицеров, которые служат в MIT, достигает 20 процентов, а остальные 80 процентов составляет гражданский персонал. Если верить тому же источнику, эти же 20 процентов военных занимают 80 процентов ключевых и руководящих должностей в MIT, которые обязаны не только осуществлять контроль над гражданским персоналом, но и оказывать на них соответствующее влияние, с целью их последующего продвижения по службе[12].

Кандидат, выразивший желание стать сотрудником MIT, обязан иметь диплом об окончании университета (турецкого или иностранного) и обладать отличными знаниями, как минимум, одного иностранного языка. Процедуре оценки профессиональных качеств кандидата предшествует строгая проверка со стороны органов безопасности, которая может продолжаться до 1,5 года и завершается собеседованием, проводимым офицерами MIT. После чего кандидат допускается

к сдаче экзаменов по знанию языка и гражданской специальности.

После принятия на службу новобранцы подписывают контракт на 5 лет и направляются на 6-месячные курсы в Учебный центр MIT (Milli Istihbarat Teskilati Egitim Merkezi - MITEM), в котором преподают лучшие преподаватели турецких университетов. В качестве примера преподаваемых дисциплин можно упомянуть теорию стратегии, историю международных отношений, современные проблемы Турции. Предполагается, что именно здесь, по окончании курса, будущие сотрудники MIT дают клятву о неразглашении государственных тайн и направляются по месту дальнейшей службы[13].

Хотя не имеется каких-либо данных о проверке кандидатов на детекторе лжи, тем не менее, это общепринятая практика для всех спецслужб, которую широко использует ЦРУ, - основной партнер MIT. Косвенным свидетельством можно считать информацию о приобретении Турцией в 1980-х гг. партии соответствующего оборудования.

Согласно различным источникам, новобранцам MIT необходимо 4-5 лет для того, чтобы стать полноценными и опытными оперативными работниками. Сотрудник MIT не может уйти со службы, до завершения подписанного контракта. Если по тем ли иным причинам контракт разрывается, то новобранцу запрещается занимать какую-либо должность в государственных структурах в течение 5 лет. Те сотрудники, которые так и не смогли приспособиться к специфике службы в MIT, могут перевестись в другие государственные структуры после соответствующего ходатайства вышестоящего начальника, предложения директора MIT и одобрения со стороны премьер-министра.

Подготовка новобранцев в Учебном центре не является окончательной. В течение всей своей службы, приблизительно каждые 3-4 года, каждый сотрудник MIT проходит различные курсы переподготовки и повышения квалификации, которые могут продолжаться несколько недель или месяцев. Обучение проводится в рамках тех или иных подразделений, в зависимости от специальности сотрудника. Основное внимание уделяется углублению и расширению специальных знаний новобранца.

Важную роль в системе подготовки личного состава MIT играют форумы и семинары, проводимые на постоянной основе и проходящие с участием представителей иностранных спецслужб, таких как ЦРУ и «Моссад»[14].

Базовыми учебными заведениями, откуда набираются кадры MIT, являются юридический факультет Анкарского университета, частный университет «Билькент», Средневосточный технический и Босфорский университеты. Предпочтение при подборе кадров на работу в MIT отдается также молодежи, окончившей высшие учебные заведения в США, Англии, Франции, ФРГ. Кандидаты на зачисление в штат MIT должны иметь две письменные рекомендации ее сотрудников, в которых, помимо отражения деловых и личных качеств характеризуемых, обязательно отмечается их политическая надежность и верность национальным интересам Турции.

В 1990-х гг. произошли определенные изменения в системе подбора и обучения молодых сотрудников. При отборе кандидатов обязательным условием стало знание ими двух иностранных языков (ранее одного) и прохождение военной службы. Если прежде сотрудникам MIT и ее руководителям запрещалось выступать от имени своей организации, делать какие-либо заявления в СМИ, то в 1994-1996 гг. впервые в практике этой разведслужбы в ряде турецких газет были опубликованы объявления о дополнительном приеме на работу в MIT выпускников юридических факультетов, права и политологии, а также технических факультетов вузов страны - специалистов в области права, политологии, компьютерной техники, радиоэлектроники, электротехники и математики.

В MIT набираются лица с высшим образованием (преимущественно офицеры), исповедующие ислам суннитского толка и разделяющие идеи пантюркизма. Турецкие разведчики лишены права участия в выборах вообще. Им в законодательном порядке запрещается сочетание государственной службы с деятельностью в политических партиях и организациях.

Кандидаты на работу и сотрудники MIT проходят подготовку как в общеакадемических вузах, так и в специальных академиях и школах. В соответствии со спецификой их работы в MIT они могут также направляться на учебу в высшие учебные заведения (университеты, академии, институты, высшие школы) как в Турции, так и за рубеж.

Например по линии Министерства образования Турции в 1999-2000 учебном году ряд турецких специалистов были отправлены в Санкт-Петербургский университет для изучения армянского языка в целях дальнейшего основания кафедры армянского языка и литературы в Анкарском университете. По словам его проректора Али Эркана Эрке, уже через шесть месяцев (то есть к началу 2000-2001 учебного года) первая за всю историю кафедра арменистики в турецком вузе станет готовить соответствующие кадры[15].

Понятно, что армянский язык и литература вряд ли интересуют Анкарский университет только исходя из научных соображений. Здесь четко просматриваются конкретные политические и долгосрочные разведывательные цели и задачи Турции, направленные, во-первых, на недопущение распространения так называемой сепаратистской идеологии (объективной информации об истории Армении и армянского народа) на территории Турции, а во-вторых, на языковедческую и страноведческую подготовку настоящих и будущих сотрудников и агентов турецких спецслужб для организации эффективной разведывательной деятельности против Армении. Более того, в 2001 г. в Турции создан Информационно-аналитический центр по изучению армянских проблем.

Для повышения профессиональной подготовки сотрудники MIT направляются на учебу в спецшколы и академии стран НАТО (прежде всего США, Англии, ФРГ). Параллельно проводится их обучение в Турции с помощью иностранных (особенно американских) специалистов.

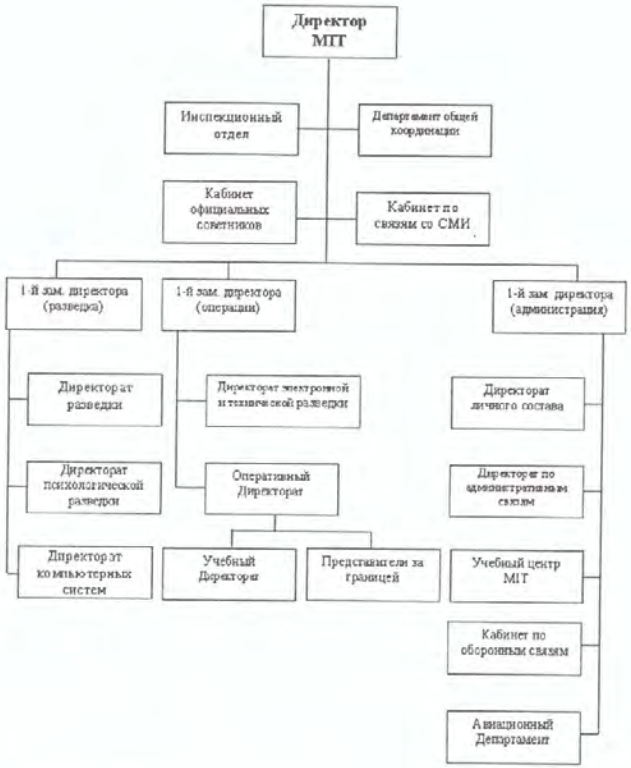
МИТ имеет право использовать государственные и негосударственные (коммерческие, общественные и иные) организации в качестве прикрытий для осуществления служебных функций. При этом для МИТ характерно тесное взаимодействие с МИД, ГРУ ГШ ВС, ГДБТ, МВД, а также с другими государственными и негосударственными организациями Турции (особенно пан-тюркистской направленности)[16].

Современная организационная структура МИТ явилась результатом реформ, начатых в 1995 году. В последующие годы МИТ совершенствовала свою структуру. В ее составе, согласно официальным источникам[17], появились директораты, новые департаменты, центры и отделы.

Схема №2

Как можно заключить из этой схемы, данной в интернет-сайте МИТ, в ее структуре появились более крупные организационные единицы – директораты, координацию работ которых осуществляют три первых заместителя Директора МИТ: по разведке, операциям и администрации.

Структура МИТ в 2007г.

Первому заместителю Директора по разведке подчиняются директораты разведки, психологической разведки и компьютерных систем.

Первому заместителю Директора по операциям подчиняются оперативный директорат, в состав которого входят учебный директорат и представители за границей, а также директорат электронной и технической разведки.

Первому заместителю Директора по администрации подчиняются директораты личного состава, по административным связям, а также Учебный центр (МІТЕМ), Кабинет по оборонным связям и авиационный департамент.

Непосредственно Директору МИТ подчиняются: инспекционный отдел, департамент общей координации, кабинет официальных советников и кабинет по связям со СМИ.

Отношения МИТ с другими турецкими спецслужбами. Натянутые отношения между различными спецслужбами и органами безопасности той или иной страны являются своего рода нормой, не позволяющей сконцентрировать в структуре слишком много реальной власти. Это тем более справедливо для Турции, в которой вооруженные силы (ВС) и органы безопасности традиционно имеют определяющие позиции в политическом пространстве страны.

Являясь, со дня основания, центральным звеном в системе безопасности Турции, МИТ осознает лежащую на ней ответственность и во всех внутренних кризисах старается занимать нейтральную позицию, избегая прямого участия в текущей политике. Вмешательство МИТ в политические процессы может иметь место, если возникает угроза непосредственно турецкой государственности. Военные, политические и прочие государственные органы и структуры осознают и принимают «нейтралитет» МИТ, что позволяет ей сохранять за собой центральное место в общей системе безопасности Турции, вне зависимости от процессов, происходящих в политической сфере, курса страны, ее политической ориентации и пр.

Отношения МИТ с ключевыми службами и органами безопасности Турции можно классифицировать следующим образом.

Отношения МИТ с ВС.

Характеризуются как настороженные. Это вызвано как особенностям военного мышления, так и той ролью, которую играют вооруженные силы в политической жизни страны. Военные, зная потенциальные возможности МИТ, ее способность воздействовать на внутриполитические процессы, особенно в кризисных ситуациях, не могут не опасаться перехода МИТ к прямому участию в политических процессах.

Отношения МИТ с Советом национальной безопасности (СНБ).

Характеризуются как ровные. СНБ, которому непосредственно подчиняется МИТ, является коллегиальным органом, ограничивающим возможности ВС влиять на политические процессы в стране. Директор МИТ назначается в ходе дискуссий и обсуждений в СНБ.

Отношения MIT с Главным управлением безопасности МВД (Emniyet Genel Mudurlugu).

Характеризуются как натянутые. Главное управление безопасности (ГУБ) МВД - это мощная структура общей численностью в 167.000 человек, 7000 из которых служат в подразделениях спецназа (Ozel Tim). ГУБ МВД, в состав которых входит Управление Информации, со штатом 4000 человек специально обученных для сбора информации техническими средствами, не может смириться с фактом потери монополии на сбор информации внутри страны.

Также следует сказать, что ГУБ МВД традиционно находилось по контролем политического руководства страны, в то время как MIT имела тесные связи с военными кругами.

Отношения MIT с Жандармерией (Jandarma).

Характеризуются как менее напряженные, по сравнению с МВД. Это объясняется тем, что Жандармерия является военнизированной структурой, деятельность и, соответственно, образ мышления которой имеет много общего с ВС. Возглавляет Жандармерию действующий генерал Вооруженных Сил Турции.

Тем не менее, по мнению некоторых авторов, неоднозначные отношения MIT с другими турецкими спецслужбами и силовыми структурами не мешают им взаимодействовать, обмениваться информацией. Хотя недоверие и профессиональная ревность не могут не сказаться на эффективности работы и качестве собранной информации[18].

3. ГРУ ГШ ВС ТУРЦИИ. (Genelkurmay Istihbarat Dairesi - GID).

Вооруженные силы любой страны, занимая центральное место в системе обеспечения военной безопасности, являются одними из главных потребителей информации спецслужб. Специфика военной сферы приводит к тому, что ВС создают свои собственные структуры военной разведки. Такого рода структуры могут иметь самостоятельный статус в составе Министерства обороны США, быть подчиненными Генеральному Штабу ВС (Россия) или иметь смешанное подчинение (Израиль). В Турции военная разведка подчиняется Генеральному Штабу ВС.

GID, как все военные разведки мира, является закрытой структурой. Известно, что GID состоит из трех основных управлений: Управление сбора информации родов войск, Представительства военных атташе за границей и Управление сбора информации посредством технических средств, а также Управление контрразведки и безопасности.

ГРУ осуществляет стратегическую (включая агентурную) военную разведку в интересах командования вооруженных сил Турции. Оперативная и тактическая (войсковая) разведка ведется в интересах оперативных объединений и соединений, она организуется подразделениями военной разведки по видам (то есть родам) вооруженных сил.

ГРУ занимается организацией получения (сбора, добывания, анализа и обобщения) разведывательной информации о вооруженных силах

иностранных государств (особенно России, Греции, греческого Кипра, Болгарии, Сербии, Ирана, Сирии, Армении, Грузии) и доведения выводной информации до сведения высшего военно-политического руководства страны; разработкой принципов и основных (приоритетных) направлений разведывательной деятельности в мирное и военное время; планированием разведывательных мероприятий и операций в стране и за рубежом; руководством всеми военными разведывательными службами родов войск Турции (армии, ВВС, ВМС) и загранаппаратами военных атташе; ведением радио-, радиотехнической, воздушной и морской разведки; подготовкой диверсионно-разведывательных групп для проведения специальных, полувоенных и военных операций в тылу противника; контрразведывательным обеспечением безопасности в вооруженных силах Турции; определением кадровой политики для военной разведки, подготовкой и переподготовкой военных разведчиков; координацией и взаимодействием с другими национальными спецслужбами по вопросам получения разведывательных данных военного характера; взаимодействием и сотрудничеством с органами военной разведки иностранных государств (главным образом с РУМО США, ДИС Великобритании, АНБ Германии, "Аман" Израиля, подразделениями военной разведки тюркоязычных стран СНГ и др.).

Структурно ГРУ состоит из управлений, служб, отделов, секций, бюро. Каждое управление ГРУ возглавляет начальник в звании "бригадного генерала". Начальник разведывательного управления одновременно является заместителем начальника ГРУ. В состав ГРУ ГШ ВС Турции входят[19].

Разведывательное управление - организует сбор и добывание разведывательной информации о вооруженных силах иностранных государств (прежде всего о противнике), их анализ, обобщение и доклад командованию вооруженных сил и военно-политическому руководству Турции, организует общее руководство разведывательной деятельностью других подразделений ГРУ.

Контрразведывательное управление - планирует и осуществляет контрразведывательную деятельность в вооруженных силах Турции, занимается выявлением, предупреждением и пресечением разведывательной и иной подрывной деятельности иностранных спецслужб против армии и флота Турции, разрабатывает и проводит контрразведывательные мероприятия по борьбе со шпионажем, диверсиями и саботажем, обеспечивает контроль за деятельностью военных атташе и осуществляет военную цензуру.

Управление планирования и координации – осуществляет планирование и координацию деятельности органов военной разведки в масштабе государства, обеспечивает их боевую под готовку и мобилизационную готовность.

Управление радиоэлектронной разведки - задача по организации радиотехнической и радиоэлектронной разведки возложена на командование электронными системами, которое на правах управления подчинено ГРУ. По вопросам эксплуатации боевой техники, техническо-

го обеспечения и в административном отношении командование электронных систем подчинено главному управлению связи и электроники генерального штаба вооруженных сил Турции. Командование возглавляет "дивизионный генерал", в подчинении которого находится Центр радио- и радиотехнической разведки. Этот центр занимается сбором и обработкой данных, полученных с помощью электронных систем разведки. Центр оснащен современным оборудованием и электронно-вычислительной техникой. Ему подчинены три батальона радио- и радиотехнической разведки, каждый из которых ведет разведывательную работу в интересах одного из видов вооруженных сил Турции: армии, ВВС, ВМС.

В составе ГРУ имеются также самостоятельные подразделения (отделы, службы, секции, бюро). В объединениях и соединениях турецкой армии имеются разведывательные отделы при штабах. Особенно активно турецкая военная разведка работает в приграничных зонах с Кипром, Грецией, Болгарией, Сирией, Ираком, Ираном и со странами СНГ.

Основными задачами МІТ и ГРУ в современных условиях являются: сбор разведывательной информации о военно-политическом положении в приграничных районах Кавказа, о влиянии вооруженных конфликтов в этом регионе на обстановку в Турции, о планах России на кавказском направлении, о социально-экономической ситуации в регионах турецких интересов; проведение акций разведывательного воздействия в целях формирования духовных, экономических, коммуникационных, политических и военных основ будущего содружества тюркских государств, воспитания новой национально-политической элиты в тюркоязычных странах и регионах СНГ, ориентированных на Турцию и пантюркизм, инициирования локальных межэтнических и межконфессиональных конфликтов в постсоветских регионах; создание пантюркистских (политических, экономических, боевых) организаций и лоббистских структур в странах СНГ для реализации внешнеполитических интересов Турции; расширение оперативных позиций для ведения наступательной разведывательной деятельности; взаимодействие со спецслужбами союзных государств в рамках проведения тайных операций разведывательного воздействия для реализации общих интересов[20].

Управления сбора информации родов войск. Офицеры безопасности Управления, входящие в штат каждой воинской части до батальонного звена включительно, "отслеживают все действия, которые могут иметь цель свержение режима в Турции". Управление тесно сотрудничает с аналогичными управлениями Жандармерии и Береговой охраны Турции.

Представительства военных, военно-морских и военно-воздушных атташе Турции за границей. Военные атташе Турции, помимо выполнения основных своих обязанностей по сбору военной информации в странах аккредитации, распространяют свою деятельность и на другие сферы.

Управление сбора информации посредством технических средств.

Самый важный и надежный источник информации GID.

По всей вероятности, имеется специальное техническое управление GID, которое обеспечивает работу специальных средств. В данное управление входит также и подразделение радиоразведки, которому, по всей видимости, подчиняются все технические средства радиоперехватов ВС Турции[21].

Центр обработки информации (SIGINT). Базируется в Анкаре, личный состав около 3000 человек, что, по мнению Илиадиса, является немного преувеличенным числом. Большую часть личного состава составляют офицеры запаса, а также гражданский персонал из выпускников высших учебных заведений Турции с соответствующими специальностями по электронике, компьютерным системам и пр.

Как Управление сбора информации посредством технических средств в целом, так и SIGINT отдельно, сотрудничают с аналогичным управлением МІТ в вопросах обмена информацией. Важную роль в становлении Управления сбора информации посредством технических средств сыграло присутствие на турецкой территории многочисленных американских разведывательных баз, созданных на основе секретного двустороннего договора, подписанного в июне 1954 г. Базы предназначались для сбора информации с территории СССР.

В полномочия и обязанности *Технического управления* GID входит также и обеспечение безопасности средств связи турецких вооруженных сил. Техническое управление должно тесно сотрудничать с Исследовательским институтом электроники и шифрования. Институт, созданный в июле 1995 г., выполняет роль функции криптологической службы в интересах вооруженных сил и других государственных органов Турции.

Управление контрразведки и безопасности. Цель управления - обеспечение безопасности личного состава, военных объектов, соблюдение цензуры и т.д. Предполагается, что данное управление тесно сотрудничает с аналогичными управлениями МІТ и Управлением общей безопасности МВД. В функции управления, например, входит противодействие проникновению исламских организаций в ВС Турции.

Что касается отношений GID и МІТ, то известно, что МІТ не имеет права действовать против вооруженных сил и вмешиваться во внутреннюю жизнь армии. По предположению некоторых экспертов, GID гораздо лучше проинформирован о деятельности МІТ, нежели наоборот.

Обучение и подготовка офицеров военной разведки осуществляется на разных уровнях. Единственный специализированный центр подготовки кадров для военной разведки Турции - это Разведывательная Академия вооруженных сил в городе Анкаре, подчиняющаяся Генеральному Штабу Турции. Согласно данным разных источников, число слушателей составляет 200-250 человек.

Обучение офицеров разведки проходит и в военных училищах родов войск Турции, в которых основы ведения разведывательной деятельности преподаются в течение всех 3-4 лет обучения. Свою ква-

лификацию турецкие офицеры военной разведки повышают в Колледже военной разведки (Defence Intelligence College) США, в рамках американской военной помощи Турции. Помимо этого, турецкие офицеры проходят обучение и в рамках программы IMET (International Military Education and Training), финансируемой США[22].

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что GID является мощной спецслужбой, как с точки зрения добываемой ею информации, так и численного состава, оснащения и проч.

4. ПРИМЕР ДЕЙСТВИЙ ТУРЕЦКИХ СПЕЦСЛУЖБ: ОПЕРАЦИЯ ПО ЗАХВАТУ ОДЖАЛАНА

Самой успешной операцией MIT за последние годы является захват лидера курдского освободительного движения Абдуллы Оджалана, за которым турецкие спецслужбы охотились последние 14 лет.

С 1984 г. Абдулла Оджалан находился в Дамаске, откуда руководил боевыми действиями на территории Турции. В сентябре 1998 г. Анкара под угрозой вторжения потребовала от Сирии изгнать Оджалана и его сторонников со своей территории. 9 октября Оджалан вылетел из Дамаска в Москву с небольшой остановкой на Кипре. Приехав в Россию, лидер РПК совершил несколько поездок по странам СНГ (посетив, в частности, Армению) и затем обосновался в подмосковном Одинцово. Однако после того как его переговоры по спутниковому телефону засекла израильская спецслужба, Турция потребовала от России выдворить Оджалана. Курдский лидер тем временем попросил в России политического убежища, но получил отказ.

12 ноября 1998 г. Оджалан вылетел из Москвы в Рим. В аэропорту его задержали сотрудники итальянских спецслужб. Пока решался вопрос о предоставлении лидеру РПК убежища в Италии, он жил на вилле Инфернетто под Римом. Затем Италия попросила Оджалана покинуть страну (чтобы не обострять итало-турецкие отношения, до момента рассмотрения судом о предоставлении Оджалану статуса политэмигранта; уже после ареста Оджалана в Кении очередь его дела наконец дошла до рассмотрения, просьба Оджалана о предоставлении политического убежища была удовлетворен), и 16 января 1999 г. он вылетел обратно в Россию. Дальнейшие перемещения лидера РПК окутаны завесой секретности. В конце января Оджалан якобы посетил Нагорный Карабах (хотя все курдские и армянские источники этот факт отрицают), а затем побывал в Греции. 29 января самолет Оджалана попытался приземлиться в аэропорту Роттердама, но голландские власти запретили посадку. 1 февраля самолет проник в воздушное пространство Бельгии, но бельгийские F-16 вытеснили его оттуда. 2 февраля Оджалан отбыл из Афин в Кению по личному приглашению посла Греции в этой стране и провел в его резиденции 12 дней. Поздно ночью 15 февраля в столице Кении Найроби в резиденцию греческого посла в Кении Георга Костулоса неожиданно ворвались несколько десятков турецких коммандос. Они скрутили находившегося там Абдуллу Оджалана и бросили его в поджидавший автомобиль. В аэропорту кенийской столицы Оджалана посадили в самолет и насильно вывезли в Турцию. На следующий день о захвате знаменитого террориста узнал весь мир. Прервав обычные передачи, турецкое телевидение передало выступление премьер-министра Бюлента Эджевита, сообщившего, что обещание, данное им турецкому народу, выполнено: «С трех часов утра сепаратист Оджалан находится в стране». После этого Эджевит кратко поблагодарил «вооруженные силы и службу безопасности MIT» за успешно проведенную операцию. По словам премьера, захват Оджалана готовился несколько недель и об этом знали не более 10 офицеров вооруженных сил и MIT. Позднее утверждалось, что это была совместная операция спецслужб Турции, США и Израиля.

Оджалан на допросах признал, что Греция оказывала материальную помощь возглавляемой им Рабочей партии Курдистана, а комитет Госдумы по геополитике помогал ему во время пребывания в России. Оджалан был приговорен к смертной казни, но приговор под давлением ЕС не был приведет в исполнение и сейчас он содержится в тюрьме на острове Имрали в Мраморном море.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня Национальная разведывательная организация Турции является одним из самых мощных разведывательных сообществ мира. Необходимо также заметить что, MIT тесно сотрудничает со всеми разведками ведущих стран мира. MIT в современных условиях для турецких граждан означает тоже самое, что при Советском Союзе для советского человека означало КГБ. Однако в отличие от КГБ, которое за последнее десятилетие было практически уничтожено многочисленными реформами и потеряло свое былое могущество, возможности и высококвалифицированные кадры, наоборот MIT находится на пике своего могущества и имеет весьма сильные кадры. Да и в финансовом плане у этой организации все в полном порядке.

Исходя из этого, перед спецслужбами Армении стоят серьезные задачи по противодействию турецким спецслужбам, т.к. политические отношения с Турция еще долгое время будут находиться в неурегулированном состоянии, а также исходя из того, что Турция рассматривается Азербайджаном как важнейший стратегический союзник.

1 См.: Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе: Монография. – М.: Изд-во "Гуманитарий", 2002. С-470.
2 Там же, С-464.
3 Там же, С-466.
4 Там же, С-470.
5 В новой организационно-штатной структуре MIT по состоянию на начало 2007 г. Антитеррористический центр отсуствует.
6 См.: ΜΑΝΟΣ ΗΛΙΑΔΗΣ.ΟΙ ΤΟΥΡΚΙΚΕΣ ΜΥΣΤΙΚΕΣ ΥΠΗΡΕΣΙΕΣ ΚΑΙ Η MIT [М. Илиадис, Турецкие секретные службы и MIT (на греч. яз.). Афины. Лабиринт,] 1998 г. С-215.
7 Там же. С-226.
8 См.: ΜΑΝΟΣ ΗΛΙΑΔΗΣ.ΟΙ ΤΟΥΡΚΙΚΕΣ ΜΥΣΤΙΚΕΣ ΥΠΗΡΕΣΙΕΣ ΚΑΙ Η MIT [М. Илиадис, Турецкие секретные службы и MIT (на греч. яз.). Афины. Лабиринт,] 1998 г. С-227.
9 Там же. С-228.
10 См.: ΜΑΝΟΣ ΗΛΙΑΔΗΣ.ΟΙ ΤΟΥΡΚΙΚΕΣ ΜΥΣΤΙΚΕΣ ΥΠΗΡΕΣΙΕΣ ΚΑΙ Η MIT [М. Илиадис, Турецкие секретные службы и MIT (на греч. яз.). Афины. Лабиринт,] 1998 г. С-233.
11 Там же. С-237.
12 Turkish Daily News, 06.08.1992.
13 См.: ΜΑΝΟΣ ΗΛΙΑΔΗΣ.ΟΙ ΤΟΥΡΚΙΚΕΣ ΜΥΣΤΙΚΕΣ ΥΠΗΡΕΣΙΕΣ ΚΑΙ Η MIT [М. Илиадис, Турецкие секретные службы и MIT (на греч. яз.). Афины. Лабиринт,] 1998 г. С-239.
14 См.: ΜΑΝΟΣ ΗΛΙΑΔΗΣ.ΟΙ ΤΟΥΡΚΙΚΕΣ ΜΥΣΤΙΚΕΣ ΥΠΗΡΕΣΙΕΣ ΚΑΙ Η MIT [М. Илиадис, Турецкие секретные службы и MIT (на греч. яз.). Афины. Лабиринт,] 1998 г. С-243.
15 См.: Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе: Монография. – М.: Изд-во "Гуманитарий", 2002. С-468.
16 Там же. С-469.
17 Официальный сайт MIT. http://www.mit.gov.tr, Январь 2007.
18 См.: ΜΑΝΟΣ ΗΛΙΑΔΗΣ.ΟΙ ΤΟΥΡΚΙΚΕΣ ΜΥΣΤΙΚΕΣ ΥΠΗΡΕΣΙΕΣ ΚΑΙ Η MIT [М. Илиадис, Турецкие секретные службы и MIT (на греч. яз.). Афины. Лабиринт,] 1998 г. С-276.
19 См.: Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе: Монография. – М.: Изд-во "Гуманитарий", 2002. С-471.
20 Там же, С-468.
21 В журнале Defense & Foreign Affairs, April 1989 г. данное управление упоминается как Radio Reconnaissance Directorat of the Turkish General Staff.
22 См.: ΜΑΝΟΣ ΗΛΙΑΔΗΣ.ΟΙ ΤΟΥΡΚΙΚΕΣ ΜΥΣΤΙΚΕΣ ΥΠΗΡΕΣΙΕΣ ΚΑΙ Η MIT [М. Илиадис, Турецкие секретные службы и MIT (на греч. яз.). Афины. Лабиринт,] 1998 г. С-496.

National Security of Turkey: Concepts and Principles

by Michael Aghajanyan

Summary

The modern concepts of the national security of Turkey started to form at the beginning of the 1990s. At that time the country faced a vital task of a complex nature - to define and get down to the realization of its own priorities in the field of national security, which would overcome the rigid determination of the country in the system of the two-block opposition of the Cold war. Before the 1990s Turkey's national security and defense concepts were smoothly integrated to satisfy the geostrategic and military-political interests of the institutionally organized system of collective security of a 'transregional' nature - NATO. New aims and tasks emerged. As a result the experts' society characterized Turkey as a 'force-driven regional power', i.e. a subject ready to exercise force, threaten with force and trigger other confrontation strings of the foreign policy.

The concept of security has become more complicated. Along with the traditional threats to security, arising from other states, Turkey has faced the threats of the new kind: organized crime, illegal migration, illegal trade in arms, and money laundry.

Turkey's exceptional geostrategic position started to be used as a new terminology of arguments in favour of Turkey's special significance in the system of safeguarding regional and global security: "Turkey's significance is increasing day by day because of its geographic and economic strategic position in the centre of the Balkans, the Caucasus and the Near East triangle where new threats and risks are concentrating, and because of its position close to the regions rich in natural resources and its location at a at a crossroads of trade ways".

Besides, the highest political and military circles of the country realize that the concepts of safeguarding the national security of the country cannot be merely based on their own state priorities because of a number of various factors. Accordingly, they need to correlate their own political course with the officially declared ideological statements of their military-political allies. In the meantime, accentuation of their mediating, linking and adapting role in the realization of the given ideological statements is increasing. The above mentioned is particularly observed around the ideological component and the political realization initiated by the global external actor, the 'Big Near East' project.

The latest document on safeguarding the national security is the concept of the national security discussed and ratified at the National Security Council session in 1997.

The main tasks and goals of the modern concepts of the national security of Turkey are centred around the following priorities: securing internal stability of the country, strengthening positions in the regional alliances, consol-

idating the political power in relations with partners and competitors, building up power and industrial capacities, enhancing the sales market of the national production, giving broad access to the outer sources of raw materials, lowering financial dependence on the West.

In the regional context the safeguarding of the national security of the country implies not only protection but also "projection" of its 'transit indispensability', power and influence beyond the boarders of its territory. The following components underlie Turkey's foreign policy: 1) the EU membership, 2) retaining and consolidating its leading role in the southern flank of the NATO, 3) strengthening the Muslim communities in the Balkans and south-east Europe (Bosnia and Herzegovina, Albania, Kosovo, Macedonia, Romania, Bulgaria) and in Cyprus, 4) consistently increasing the 'ideological' pressure on the neighbouring countries and global actors and consolidating its image as a mediator in the field of prevention and settlement of the current and potential regional conflicts, 5) the 'material' capacity of the above mentioned ideological pressure in the form of increasing its political power, economic and military potential both on the regional and outer regional scale, 6) strengthening its influence on Turkic states and state formations in other regional and neighboring countries (Albania, Bosnia and Herzegovina, Azerbaijan, states of Central Asia, Adjaria, the Turkic communities of the Crimea and Gagausia, the Turkic republics of the Russian Federation), 7) establishing and developing regional institutional structures to secure Turkey's leading role in their functioning.

Despite Turkey's desire to "project" its influence and power there are considerable contradictions in the combination of the two principles of the political course - traditional understanding of the national security and European integration.

The combination of the current home and foreign policies on which the stability of the country depends, suppression of the separatism trends in some south-east regions and becoming a full member of the European Union are to a great extent contradictory. "Success" in the endeavours to suppress separatism lead to some losses on the way to eurointegration, and vice versa, additional points can be earned on the way to integration in the context of human rights adherence. However, in the latter case home policy priority component is affected (increase in realization and guarantee of the human rights at an individual level might mean an irreversible call for collective rights by the currently discriminated national minorities of the country).

One of the most important aspects of the political culture of Turkey, which has become an integral part of the politics of the country and which at the same time refers to Turkey's conceptual approach towards its own national security, is apprehension that the outer world is planning to weaken and divide the country. The perception of Turkey as a country surrounded by enemies that are very active and can make common cause together still exists. This phenomenon is often called "Sevrophobia". It fears lest the Sevre treatment should revive. "Sevrophobia" is closely associated with Turkey's vision of the world from the point of view of "realpolitik".

Turkey's Defense Policy and Strategy: Conceptual and Political Approaches

by Levon Hovsepyan

Summary

The article covers some issues of Turkey's defense strategy in the light of the conceptual and political approaches. After the Cold War, which brought forward some global changes, a number of countries, Turkey among them, faced new challenges and problems. As a result, it became necessary to reconsider the previous military doctrines.

Turkey's modern defense concept takes as a principle Turkey's readiness to lead the strategy of "1.5 wars" instead of "2.5 wars" as it was before. It means that Turkey should be able to be in war with some country and at the same time 'resist terrorism' within the country (the Kurd soldiers). Having assessed the surrounding countries and their threats, Turkey has come to the conclusion that it won't face fight on two fronts. Unlike the previous approaches, Turkey does not see any threat from either the Balkans or the Caucasus. At present Turkish-Greek relations have significantly improved and the likely danger for Turkey can only arise from the current situation in Northern Iraq.

The main declared goals of modern Turkey's official defense policy are to become a regional power, to maintain regional balance and to be a country contributing to the peace and stability in the region. According to some Turkish sources, Turkey's national security policy is aimed at easing tension in the region and at a peaceful settlement of the conflicts, as well as at deepening respect for law and democracy, and sustaining security and a stable situation.

However, there is a discrepancy between the declared principles underlying the official doctrine of Turkey and the latter's de-facto policy aimed at dominating in the region in a very aggressive fashion, which cannot lead to the regional security. It is actual for Armenia as well.

The National Security Council of Turkey

by Michael Aghajanyan and
Levon Hovsepyan

Summary

The reforms in the military and national security spheres which are aimed at limiting the role of the military in various spheres of the social and political life of the country and establishing democratic control over the national security of the country are the most 'sensitive' in terms of safeguarding Turkey's national security.

Maintaining control over the security bodies of the country and in a broader context -reforming the connection between the political power and the military established after the 1960s are a priority among institutional reforms in the national security. These reforms first of all affected the most powerful military and political body of the state - Turkey's National Security Council.

The significant role of the National Security Council in the modern government system of Turkey is rooted in the postwar history of the country and it is one of the classic examples of the influence of the Turkish military establishment on its internal social and political processes.

Present attempts to 'optimize' the National Security Council and the functional adaptation of the latter to European standards face a problem typical of the modern Turkish system of relations between the political and military powers of the country. The institutional basis of the NSC set up in the early 1980s is to be changed. In those days the military milieus that came to power after the coup on September 12, 1980, reorganized the NSC in accordance with their needs. Since then the NSC has concentrated in its hands the state power and control. The corresponding constitutional and legal basis was adapted to the needs of the newly defined role of the NSC. The legal status of the NSC was altered according to the norms of the 1926 Turkish Constitution. Previously, the decisions of the NSC on the definition and implementation of the state policy in the field of national security used to be merely of an advisory nature; however, now they have become mandatory to perform. Article 118 of the Turkish Constitution of 1982 reads 'decisions on measures that the NSC shall consider necessary to take in order to sustain the existence and independence of the country, its integrity and indivisibility to safeguard peace and security of the nation will be considered by the government in the first place.'

At the NSC meetings, the supreme military government of Turkey, having previously discussed their position in the headquarters, before the reforms of 2003, enjoyed the right of not only expressing their viewpoint on the questions of foreign and home situation but also of demanding from the civil government to undertake measures to defend Turkey's foreign policy interests as well as to stabilize the situation within the country.

The fact that the military of Turkey had a considerable and decisive influence on the political system of the country through the NSC did not conform to the Copenhagen criteria of the EC and was in contradiction with them on the principles of 'stability of structures that guarantee democracy' and 'supremacy of law'. That is the reason why some reforms in the military and national security spheres were set as a prior condition for Turkey to become a full member of the EC.

On July 23, 2003, Turkey adopted 'the seventh package of reforms', which particularly concerned the issues of reforming the NSC. Apart from this, the innovations of the 'seventh package' of the legislative reforms made the appointment of a civilian as Secretary General of the NSC possible, which first happened in August, 2004, as well as reduced the access of the NSC to the civil institutions of the country. Reforms in the internal structure of the NSC lead to the reduction in a number of its departments.

Despite the considerable restrictions on the political influence on the internal processes of the country, especially compared to that of the period between the early 1980s and the late 1990s, the NSC retains its significant position in the state system of the Turkish Republic. Its role is especially important in the sphere of political control over the intelligence of the country. The NSC can be characterized as the central body exercising political control over the intelligence services of the country, the decisions on the national intelligence and counter-intelligence, the planning the priority directions of the intelligence services on the national scale, as well as general coordination and control over their activities. The main task of the NSC is to guarantee conformity of the strategies and tactics of the intelligence services to the political course of the national security.

The Armed Forces of the Turkish Republic

by Sergey Minasyan

Summary

The armed forces have always played an important role in the political life of the Turkish Republic. The exceptional role of the army is supported by the recurrent practice of the involvement of the army in the political processes within the country as well as the deciding vote of the military in defining the foreign policy priorities and their implementation in real politics. Turkish armed forces are a significant military-political factor of the regional importance.

Supreme commander-in-Chief of Turkish armed forces is the president of the republic. The supreme body of the operational regulation is General Staff, and their chief is their Commander-in-Chief. The head of General Staff is responsible for the control over and general administration of the armed forces, combat instruction and operations in the time of war and peace. General Staff works out the general policy of defense, national security, and battle use of the armed forces, forms the military doctrine, defines the needs for resources of the armed forces and perspectives of their development. In the wartime the Head of General Staff acts for Commander-in-Chief of the armed forces of Turkey on behalf of the president of the republic.

There are the following types of the armed forces in Turkey: the land forces, the air forces and the Navy. Their commanders are directly subordinate to head of General Staff. In the time of war not only the gendarmerie and the coastal guards (in the time of peace they make part of the Ministry of Internal Affairs) but also sub-units of the Office of Special Operations of Turkey become subordinate to General Staff. NGS is closely connected with the Ministry of Defense but it is accountable to the Prime Minister of the country and not the Minister of National Defense. The functions of the Ministry of National Defense involve call to military service and recruitment for the army, purchase of arms and military equipment, rear services, support for the war industry of the country.

The main source of recruitment of the non-commissioned officers and other ranks is the military service. The sources of call to military service depend on the category and the status of the draftees. The main source is the men liable for the call-up. Every citizen of Turkey at the age of twenty is drafted depending on the level of education and the social status. Turkish armed forces have a developed system of military training at all levels. The officers are also educated and trained at military schools in a number of foreign countries and the NATO academies. The developed system of the military training, the considerable demographic potential of the country and the mobilization abilities make it easy to man the armed forces with the great number and variety of the servicemen.

Before the 1990s the land forces of Turkey were conspicuously tremendous. Taking into account that the main goals and tasks of the land forces of

Turkey, after becoming the member of NATO and during the years following the Cold War, were mainly the safeguarding of the Black Sea straits as well as the defense of the possible invasion of the Soviet Union from the Transcaucasus, the land forces had a very complicated structure. The changes of priorities in the defense planning after the Cold War and the experience of a large scale deployment of numerous land forces in 1990-1991 in the period of the aggravation of the situation in bordering Iraq during the "Storm in Wilderness" operation required a considerable accumulation and fast movements of the military units of Turkish army to the south-east borders of Iraq and it has also proved that Turkish army was not adjusted to the mass movements of effectives and military equipment and it had an insufficient mobility. This and also the significant decline in the military threats from the neighbours have made the military implement a number of changes in the structure of the land forces since the mid-nineties.

Thus, great changes are going to be in the structure of the land forces. Large divisions will be converted into smaller brigade- or battalion-type subunits. During this reform the Turkish and world experience of anti-rebellion military actions, little intensity conflicts and the asymmetric wars of the new generation will be used. Within the framework of the reorganization of the Turkish land forces great attention is paid to the technological and quantitative rearmament and modernization. Special attention is given to purchasing and updating weapons and equipping the land forces with modern artillery systems.

The air forces play a special role in the structure of the armed forces whose priority lies in the country's strategic defense planning. Its military potential and mobility are the strongest types of Turkish armed forces. This can be accounted by the fact that the air forces are equipped with modern devices and have great military potential and are highly operational. Turkish air forces successfully perform their tasks both in cooperation with other types of the armed forces and independently. According to the military experts, the professional training, the number of the flown hours (including flights at the low altitudes in the mountainous regions) and the morale of the Turkish pilots are the highest of those of other pilots from the NATO member-countries.

The Navy is an independent type of the armed forces. The military-political administration of Turkey plans to further develop and equip the Navy. The fleet will be enriched with new military ships, submarines and boats, and the sea patrol and anti-boat aviation will increase.

To sum up, we can assert that the armed forces of Turkey are highly efficient, large in number, have a disciplined professional army corps and satisfactory technical equipment. They can solve both large scale defense and local anti-rebellion tasks. They also have all the necessary potential for the offensive operations on the regional front with the involvement of all types of armed forces.

The Strategy of Modernization of the Armed Forces of Turkey and the Development of Its Defence Industry

by Levon Hovsepyan

Summary

The article covers and analyses the programs and the strategy of development of the armed forces of Turkey, its full-scale modernization, and the problems of purchasing the state-of-the-art military equipment.

Turkey has seriously undertaken a large scale program of modernizing its armed forces and further development of its defence industry. These programs are important for Turkey from the point of view of the regional military-political problems and evolution tendencies.

Turkey, the second country in NATO by its overall strength of the army and armament, which does not have enough resources or an active defence industry to provide its army with military equipment and weapons, started to implement programs on the development of defence industry and modernization of the armed forces in the mid 1990s. The modernization plans relate more to the necessity for modernization of the armed forces, renewal of the arms and the necessity for the development of its own defence industry than to the changes in the army staff. In order to face the new challenges to the national security the armed forces of Turkey are in the process of adjusting to the needs and requirements of the new military-political and strategic conditions.

The modernization strategy to increase the fighting efficiency of the armed forces involves the use and development of the following abilities: control systems, computer and intelligence systems, mobile military might, high-tech weapons and military systems, ability to perform military actions in any condition by day and night, ability to quickly transfer from the peaceful conditions to the military ones, existence of anti-aircraft and anti-missile defense against mass destruction weapons, ability to fight against the asymmetric threats, ability to perform collaborative tasks with the allies.

There have been a number of steps towards the implementation of long-term large scale programs since the mid 1990s. Within the framework of these programs $27 billion will be allocated to the Turkish army and the Secretariat of the defence industry of the Ministry of Defense. The implementation of this program by 2007 can be considered as a short-term action towards the modernization of the Turkish armed forces. In 1996 the Turkish government came up with a long-term and a quite pretentious program asserting that they would have spent $150 billion on the modernization and the purchase of the new arms within thirty years. According to the information released by the Turkish press (November 2005), the executive committee of the defense industry of Turkey is planning to spend about $50 billion on purchasing new arms and military equipment in the coming ten years.

Development of the defence industry plays the main role in the strategy of modernization of the armed forces in the country. At a meeting held by the

President of Turkey Suleyman Demirel with the representatives of the companies of the defence industry in 1996 further plans of development of the defence industry were closely reviewed and Ministry of Defence elaborated later a a special document concerning the mentioned sphere.

The policy of the defense industry is aimed at developing a dynamic structure competitive in the international market and having all the chances of import, which will be adjusted to the modern technologies and equipped to produce technologies, thus updating its own capacities with the technological development, which will make it possible for Turkey to maintain stable military-political relations with allied countries and to resist power in various political situations. The fundamental tenets of the strategy of the defence industry are the constant satisfaction of the needs of the Turkish armed forces by producing its own high-tech military products and arms; creation of industrial basis and expansion of the national defence industry infrastructure, technological development on the basis of its own resources, development of the defence industry open to external and internal competition, the necessity to use "The National Military Strategy" and "The Decisions on Planning and Programming" of Turkey as a source in the assessment of the defense industry, etc. The main spheres of Turkey's defence industry are classified in the following way: missile, air- and spacecraft industries, production of electronic equipment, various shooting weapons, bullet-proof cars and artillery and military outfit, and construction of war ships. According to the official data, since 1990 Turkey has been spending $ 3.5-5 billion a year on purchasing arms and military equipment. The defence industry of Turkey produces about 25% of the military equipment and arms. This fact is considered as an unsatisfactory indicator by the Secretariat of the defence industry, as according to the official information Turkey holds the 4th position in the world as an importer and the 28th position as an exporter of military equipment and arms.

The development of armament of Turkey, modernization and development of the defence industry are aimed at leading the country to the absolute military hegemony in the region as well as turning the country into the most important centre of arms production, which is constantly proved by the political and military representatives.

The Impact of the Israeli-Turkish Cooperation on the Problems of Regional Security

by Sergey Minasyan

Summary

The military-political cooperation between Israel and Turkey is multi-leveled and must be viewed both in the military sphere, which is undoubtedly very important for both countries, and in the political and geopolitical spheres, which is equally important for the dynamics of their relations. In the meantime, both the representatives of the Turkish military-political circles and the experts in the problems of regional security and foreign policy are unanimous in their opinion that the importance of the military-political alliance with Israel in the case of Turkey was mainly conditioned by the possibility of strengthening the abilities of the Turkish army and intelligence in the struggle against the Kurd organizations. In spite of the fact that this military-political cooperation faces confrontation from practically all the neighboring countries, the security imperatives of the both countries force them to maintain their relations.

The major obstacle for the cooperation is still the deep and unconcealed anti-Semitic public opinion, traditionally typical of the Turkish society, the factor of Islamic solidarity that manifested itself in Turkey during Israel's force actions in Palestine and lately again in Lebanon, as well as gradual deterioration of American-Turkish relations and the increasing anti-Americanism in Turkey. However, from the point of view of the national interests and geopolitical perspectives of Turkey the Kurd issue remains the most urgent problem for the effective regulation of the Israeli-Turkish strategic relations.

As far as Israel is concerned, Tel-Aviv was extremely interested in becoming closer with Turkey, in making a breach in their hostile Muslim surroundings, especially taking into account its war industry and its partnership with the USA that was very interested in maintaining strategic relations with Turkey and Israel in the 1990s. Even then the Kurd issue became a serious obstacle for Israel as the national security interests have always prioritized helping the Kurds (especially in Iraq and partly in Syria) in order to weaken their most dangerous Arab enemies - Syria and Iraq. Nevertheless, Israel has always diversified its attitude towards the Kurd communities in the Near East and the evolution of Israel's policy on the Turkish Kurds has a rather long and complicated history.

The military-technological cooperation between the countries has its own limitations. The security imperatives will contribute to the maintenance of stable partnership but are no longer able to bring them to the level of alliance.

The changes that are taking place in the Turkish-Israeli relations are caused by Turkey's integration into the European Union. Ankara's foreign policy directed toward the European Union makes it introduce some changes in its relations with Israel. There is also another foreign policy factor on which the quality of Turkish-Israeli relations depends. It is known that it was the Turkish military that have been the main ideologists and proponents of the development of the Israeli-Turkish relations since the 1990s. In case the role of the military in Turkey declines, the relations with Israel will consequently weaken. It will certainly not lead to the breaking-off the Israeli-Turkish relations (the imperatives in the sphere of security of the two countries will prevent their relations from reaching the critical level), but their role in the political processes in the region will be significantly corrected.

The Military-Political Cooperation between Israel and Turkey: The History and Perspectives

by Sergey Minasyan

Summary

One of the most important events of the last decade, which had a great impact on the development of geopolitical processes in the Near and Middle East region, was the formation and development of the Israeli-Turkish cooperation. Besides, the establishment and maintenance of these relations show that they depend on lots of internal and external factors, and can't be considered static and they differ in their degree of priority both for Ankara and Tel-Aviv. Israel has been the initiator of the intensification and development of the relations, whereas Turkey depending on the foreign or home policy situation has acted as a more reserved partner. This fact was accounted for by the difference in priorities the countries gave to their cooperation. Consequently, the military and political relations between Israel and Turkey have been up and down.

The US invasion into Iraq in 2003 led to cooler relations between Turkey and the USA. In spite of the resistence of the Turkish generals there are certain predictions concerning further distancing between Turkey and the US up to the point which will not hinder Turkey's membership in NATO, however the role of the USA in supporting Turkey's security will still be declining. In the meantime, other countries of the region are likely to get involved in armed conflicts. While the United States was dealing with the postwar settlement of Iraq, Israel in its turn decided to solve many problems with the Palestinians. In perspective, this particular fact may have even a greater effect on the cooperation between Ankara and Tel-Aviv (this, by the way, was one of the main reasons for certain coolness between the two countries from the late 1970s till the early 1990s) than the confrontation of the Arab countries. Also, it should be noted that the position of secular but Muslim Turkey on Palestine is influenced by 'religious, sacral and historical' ideas (for example, in Turkey, people like to remind that Jerusalem that is declared by the Jewish to be their capital was under the dominion of the Osman Empire for four hundred years from 1517 till 1917).

Besides, many people in Turkey don't support the idea of the necessity of developing military and technical cooperation with Israel. Within the Turkish society there are considerable inclinations to consider the alliance with Israel a betrayal of the national interest of Turkey and Islamic ideas on the whole. In the meantime, these ideas are closely intertwined with anti-Semitic and panosmanic stereotypes, which are deeply rooted among the political and intellectual elite of Turkey.

Nevertheless, the general logic of the changes in the Near and Middle East regions brought forward by the war in Iraq led to changes in the geopolitical realia, as well as the Israeli-Turkish relations. The fear for the appearance of the Kurd state as well as the crisis in Israeli-Turkish relations because of the position of Israel on a number of regional problems, especially Palestinian and Kurd issues, made Turkey activate its actions in the Near and Middle East without considering either their western partners or Israel. The Turkish government has decided to intensify its regional policy which implies the reestablishment of the role of Turkey in the Near East. It makes it difficult to maintain balance between Israel and the other Arab states, as close strategic relations between Israel and Turkey that were established in the second half of the 1990s caused serious problems in Ankara's contacts not only with the Arab but also other Muslim countries.

However, taking into account priorities in the sphere of security the Turkish government (highly pressurized by the military) undertook new activation of their relations with Israel. It is not surprising that the military-technological component played an important role in setting up a new phase of the relations between Turkey and Israel. The military -technical cooperation between the two countries, however, has its objective limitations and can't later serve as a basis for intensifying their political relations and bringing them to the level of 'the strategic alliance'. Naturally, the imperatives in the sphere of security will certainly contribute in the future to the stable partnership, but are already unable to get them to the alliance level. Neither the political conditions nor the deepening anti-Israeli attitudes in Turkey can contribute to it. The population of Turkey with the exception of the military top and a certain part of the Turkish political elite is extremely negative towards the further qualitative intensification of the collaboration with Israel.

The current changes in Turkish-Israeli relations are also conditioned by Turkey's European integration processes. Ankara's EU-orientated foreign policy makes it introduce certain changes in its relations with Israel, as the EU position regarding Israel has always been a bit stricter, whereas it has sympathy for the Arabs, though not very distinct. Anti-American state of public opinion in Turkey and the processes connected with the intensification of the Kurd factor in Iraq have similar negative implications for the relations with Israel.

There is another evident home policy factor in Turkey on which the quality of the Turkish - Israeli relations depends. The present day political elite of Turkey is struggling for diminishing the role and influence of the military on the life of Turkey. The Turkish military have been known the main ideologists and proponents of the development of Israeli-Turkish relations since 1990. Therefore, in case of the further decline in the role of the military top in the political life of Turkey the relations with Israel will be consequently weakening. It will certainly not lead to the breaking-off the Israeli-Turkish relations (the imperatives in the sphere of security of the two countries will prevent their relations from reaching the critical point), but their role in the political processes in the region will be significantly corrected.

The History of Creation of the Turkish Secret Services and their Activities in the Modern Phase

by Arsen Haroutyunyan

Summary

The Turkish secret services date back from the middle ages. The founders and the organizers of the Turkish military intelligence were the generals and officers of the Sultan's army, the leaders of the Young Turks' party "Ittihad ve terraki" and since 1918 the representatives of the Kemalist national movement. The Turkish intelligence of the present day has been formed as a body of the military intelligence, which was connected with Turkey's preparation for and participation in the World War 1 , the organization of Turkey's intervention into the Transcaucasus in 1918-1920 and the Kemalists' armed struggle with the Atlanta's member countries (Great Britain, France, the USA, Italy and Greece) in 1918-1922. The military intelligence was responsible for both the military and the political intelligence, the control over the subdivisions of the army intelligence as well as the completion of the counter-intelligence tasks. As the Osman Empire was the ally of Germany and was under its influence, the Republic of Turkey followed the example of the German intelligence.

Nowadays there are three independent intelligence agencies in Turkey. Such a system of decentralization of the intelligence agencies is common in the most Third World countries, such as Israel and Iraq. MIT (Mlli Ishibarat Teshiklari), the National Intelligence Organization, is responsible for foreign intelligence. There is also Military Intelligence attached to General Staff (the Main Intelligence Administration of the General Staff of Turkey) and the National Gendarmerie (Milli Gendarmerie) which is responsible for the national security, national defense and frontier guards.

MIT is a State body of the foreign police intelligence of Turkey. It was established in 1965-1966 on the basis of the former National Security Service (Milli emmiyet hizmeti - MEH) active since 1927. According to Law # 644 dated July 22, 1965, MIT is an independent organization attached to the Prime Minister of Turkey.

Law # 644 stipulated the necessity of establishing a centralized unit which would secure gathering information on all the issues related to the national security policy in the multi-party system declared by the Constitution in 1961. According to the same law, the leader of MIT shall be the First Deputy Minister and subordinate to the Head of the Government. As a consultancy body attached to the MIT administration it was stipulated to set up the National Coordinating Board which was to outline and develop recommendations on defining intelligence priorities and coordinating intelligence actions of the Turkish secret services within the state.

The main goal of MIT is to collect any intelligence and counter-intelligence information of national importance. The processed information is reported to the President, the Prime Minister, head of the General Staff and Secretary General of the National Security Council of Turkey. MIT is also responsible

for the counter-intelligence.

The armed forces of any country, playing a central role in the military safeguarding, are the main consumers of the information provided by the intelligence services. The peculiarities of the armed forces lead to the formation of their own system of the military intelligence. In Turkey the military intelligence is under General Staff of the Armed Forces. General Intelligence Agency carries on strategic military intelligence for General Headquarters of the armed forces of Turkey. The strategic and tactical intelligence is carried on in the interests of the strategic units. It is organized by the subdivisions of military intelligence according to the types of the armed forces. GIA gets, collects, analyses and summarizes the intelligence data on the armed forces of the foreign countries (especially Russia, Greece, Greek Cyprus, Bulgaria, Serbia, Iran, Syria, Armenia and Georgia) and brings it to the attention of the highest ranks of the military-political administration of the country; it also develops the principles and the prioritized directions of the intelligence services in peace and war time; it plans intelligence activities within the country and abroad; keeps control over all types of the military intelligence (that of the land forces, the air forces and the Navy); carrying on radio-, radio technical, air and naval intelligence; it prepares diversion and intelligence groups to carry out special military operations in the enemy's rear; it safeguards the armed forces of Turkey with the help of the counter-intelligence services; it defines the recruitment policy for the military intelligence, it also prepares and trains military spies; coordinates and cooperates with other national intelligence agencies to gain military type intelligence data; it cooperates with foreign intelligence agencies.

The major tasks of MIT and GIA are to collect intelligence data on the military and political situation in the neighboring regions of the Caucasus, on the impact of the armed conflicts in this region on the situation in Turkey, on Russia's plans regarding the Caucasus, on the social and economic situations in the regions which are of certain interest for Turkey; to carry on intelligence operations to create the moral, economic, communicative, political and military basis for the future consolidation of the Turkic states; to train a new national and political elite oriented towards Turkey and pan-Turkism in the Turkic-speaking countries and regions of the CIS; to initiate local ethnic and religious conflicts in the post-Soviet regions; creation of pan-Turkish (political, economic, military) organizations and lobbyist systems in the CIS countries to realize Turkey's political interests; to expand strategic positions for the intelligence operations; to cooperate with the intelligence agencies of the allied states for the realization of mutual interests.

The most successful recent operation carried out by MIT was the capture of Abdullah Ojalan, the leader of the Kurd liberation movement, after whom the Turkish intelligence services were for fourteen years. It was later said that it was a joint operation of the intelligence services of Turkey, the USA and Israel.

Today the National Intelligence Organization of Turkey is one of the most powerful intelligence agencies in the world. It should be noted that MIT is closely cooperating with the intelligence agencies of the world's leading countries. Hence, Armenian intelligence services face a serious task of resisting Turkish intelligence services.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ
Выпуск I

ТУРЦИЯ:
ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
И ОБОРОНЫ

"Институт политических исследований" ГНКО

Адрес: РА, г. Ереван, пр. Баграмяна 26
Ответственный за выпуск: С. Минасян

Подписано в печать 11.09.2007г.
Отпечатано в издательском доме "АЙРАПЕТ".
Формат 35x70 1/16.
Бумага офсетная.
Объем 11.25 усл. печ. л.
Тираж 500 экз.